

ФРУНЗЕ

Леонид
Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Странная и неожиданная смерть молодого военного министра Советской России Михаила Васильевича Фрунзе поставила точку в его стремительной карьере в тот самый момент, когда перед ним открывались блистательные перспективы. Когда он умер в результате неудачно проведенной хирургической операции, зловещие слухи пошли по Москве: «Врачи зарезали...» Заговорили о том, что Фрунзе не нуждался в хирургическом вмешательстве, что его насильно уложили на операционный стол. И не для того, чтобы выздоровел, а совсем наоборот. Говорили, что военный министр оказался жертвой жестокой политической борьбы. История его недолгой жизни полна невероятных драматических поворотов. После смерти Ленина вопрос о том, кто наследует вождю, еще не был решен. Победитель в Гражданской войне казался самым подходящим кандидатом на пост руководителя страны.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Леонид Млечин](#)
 -
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [КРЕСТЬЯНИН-ИНТЕЛЛИГЕНТ](#)
 - [ПЕРВЫЙ АРЕСТ](#)
 - [В КАМЕРЕ СМЕРТНИКОВ](#)
 - [ЗАБОТЫ ССЫЛЬНОГО](#)
 - [УДАЧНЫЙ ПОБЕГ](#)
 - [НЕОЖИДАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ](#)
 - [ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ,](#)
 - [ОБЛАСТНОЙ КОМИССАР](#)
 - [ПРОТИВ АДМИРАЛА КОЛЧАКА](#)
 - [КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ](#)

- [ХОЗЯИН ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ](#)
 - [КРЫМ,](#)
 - [НА ЧОНГАРЕ В 1920-м](#)
 - [ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ОКОНЧЕНА](#)
 - [«Я НИ НА ЧТО НЕ ПРЕТЕНДУЮ»](#)
 - [В ПОЛИТИЧЕСКИХ БУРЯХ](#)
 - [ПРОЛЕТАРСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО](#)
 - [ЗАБОТЫ ВОЕННОГО МИНИСТРА](#)
 - [МНЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА](#)
 - [НОВОЕ ОРУЖИЕ ДЛЯ НОВОЙ АРМИИ](#)
 - [«ПОВЕСТЬ НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ»](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [ЛИТЕРАТУРА](#)
 -
 - [НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
 - [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1683

(1483)

Леонид Млечин

ФРУНЗЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Млечин Л. М., 2014

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2014

ОТ АВТОРА

Зловещие слухи о том, что председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе, ставший после избрания кандидатом в члены политбюро крупной политической фигурой, умер в результате неудачно проведенной хирургической операции, сразу пошли по Москве. «Врачи зарезали...»

А вскоре заговорили о том, что Фрунзе вовсе не нуждался в хирургическом вмешательстве, что его, можно сказать, насильно уложили на операционный стол. И отнюдь не для того, чтобы он выздоровел, а совсем наоборот. Зачем же? Говорили, что военный министр оказался жертвой жестокой политической борьбы в Кремле.

И двух лет не прошло после смерти Ленина. Вопрос о том, кто наследует вождю, кто станет главой партии и государства, еще не был решен. Разные крупные политические деятели претендовали на первые роли. И вроде бы Фрунзе, в руках которого были вооруженные силы, то ли кому-то мешал, или сам претендовал на власть в Кремле. Вроде бы старые большевики именно Михаила Васильевича прочили в вожди партии.

Разговоры о неминуемом появлении «русского Бонапарта» шли все революционные годы. Разных людей из белого и красного лагеря примеривали на эту роль. Внимание привлекал то один, то другой жаждавший власти деятель бурной и кровавой эпохи.

Нового «русского Бонапарта» нисколько не боялись! Напротив, многие ждали его. Одни, смертельно уставшие от хаоса и анархии Гражданской войны, мечтали о крепкой руке, способной, наконец, вернуть стране вожделенный порядок. Другие верили, что только сильный военачальник избавит их от быстро опостылевшей советской диктатуры.

И в лагере большевиков ходили слухи, что тот или иной военачальник метит в Бонапарты и представляет угрозу для социализма. Разговоры о «красном Бонапарте» не прекращались. Выступая в Военной академии, которая вскоре получит его имя, сам Михаил Васильевич Фрунзе пожелал положить конец этим разговорам:

— Многим уже наяву и во сне грезится близость советского термидора. Высказываются затаенные надежды на то, что Красная армия окажется ненадежным орудием в руках советской власти, что она не пойдет за политическим руководством той партии, которая руководит советским кораблем. Конечно, на все эти разговоры мы можем только улыбнуться...

Когда Михаил Васильевич упомянул термидор, все поняли, что он имеет в виду.

Девятого термидора по французскому революционному календарю (то есть 27–28 июля) 1794 года была свергнута диктатура якобинцев, что стало концом революции. Глава якобинцев Максимильен Робеспьер и его соратники были казнены...

Страх перед термидором не покидал советское руководство. Военные казались реальной силой, способной сбросить большевиков. А что же сам Фрунзе? Обладал ли он темпераментом молодого Бонапарта, страстью в бою, жаждой власти? Был ли он готов к авантюрам, наконец?

В этом мире, говаривал когда-то сам Наполеон, есть только две альтернативные возможности — или командовать, или подчиняться. Михаил Васильевич Фрунзе, несмотря на высокий пост, вовсе не принадлежал к тем, кто с детства мечтает командовать другими людьми. Он не наслаждался правом повелевать и приказывать, отправлять на смерть и миловать. Он не воспринимался как вождь, под знамена которого спешат встать молодые честолюбцы, чувствующие будущего триумфатора. Военному министру недоставало ауры властности и могущества. Даже в его облике и манерах не было ничего наполеоновского — апломба и надменной победительности, рождаемой полной уверенностью в своей правоте.

Но вот другой вопрос: а политические амбиции у Фрунзе были? Он не принадлежал к когорте приращенных военных и вовсе не собирался носить форму до самой пенсии. Пост председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам — вершина карьеры? Или ступенька в восхождении на Олимп? Кем он сам видел себя в будущем? Не воспринимали ли Михаила Васильевича в Кремле как опасного конкурента?

Иначе говоря, стоило ли товарищам по партии, коллегам по политбюро опасаться влиятельного и популярного военного министра, разгромившего последнего командующего белой армии барона Врангеля и вернувшего России Крым? По существу закончившего Гражданскую войну?

У Сталина давно был свой кандидат на пост военного министра. Но генсек еще не настолько окреп, чтобы решать крупные кадровые вопросы единолично. Михаил Васильевич Фрунзе возглавил военное ведомство в результате политического компромисса. Сговорились Иосиф Виссарионович Сталин, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), и Григорий Евсеевич Зиновьев, хозяин Петрограда и председатель Исполкома Коммунистического интернационала. После смерти Ленина Григорий

Зиновьев считал себя преемником вождя и главой мирового коммунистического движения.

А Фрунзе воспринимался как сторонник Зиновьева, находившегося на вершине власти. Вдвоем с председателем Моссовета и членом политбюро Львом Борисовичем Каменевым они казались мощной силой. Некоторое время после смерти Ленина страной фактически правила тройка — Сталин, Зиновьев и Каменев.

Михаил Васильевич Фрунзе, человек вполне самостоятельный, мог мешать далеко идущим планам генсека и других членов политбюро. Его положение и авторитет позволяли ему претендовать на первые роли.

Бывший помощник Сталина Борис Бажанов, бежавший за границу, писал: «Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длинных предварительных торгов на тройке Сталин согласился — назначить Фрунзе на место Троцкого наркомвоенном и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем...

Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет в какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами».

Бажанов, пожалуй, единственный, кто писал о замкнутости Фрунзе, кто увидел в нем политического игрока с собственной стратегией. Другие, кто знал и Михаила Васильевича, напротив, вспоминали его открытость, дружелюбие и полное отсутствие интриганства. «Его любила, — мало любить, — его обожала Красная армия. Он пользовался колоссальным авторитетом и доверием», — писал один из военачальников той поры.

Может быть, на Бажанова повлияло то, что в окружении Сталина к Фрунзе относились несколько настороженно? Михаил Васильевич, возглавив военное ведомство, отменил институт военных комиссаров и поставил во главе военных округов и соединений командиров, «подобранных по принципу их военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности».

Бывший сталинский помощник разглядел в этом далеко идущий замысел: «Глядя на списки высшего командного состава, которые провел Фрунзе, я ставил себе вопрос: «Если бы я был на его месте, какие кадры привел бы я в военную верхушку?» И я должен был себе ответить: именно эти. Это были кадры, вполне подходившие для государственного переворота в случае войны. Конечно, внешне это выглядело и так, что это были очень хорошие военные».

Бажанов пересказал свой разговор с другим личным помощником

Сталина — Львом Захаровичем Мехлисом, который со временем станет заместителем наркома обороны и начальником политуправления Красной армии.

Бажанов осторожно поинтересовался у него: каково мнение генерального секретаря относительно новых назначений в армии?

— Что думает Сталин? — переспросил Мехлис. — Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти Тухачевские, корки, уборовичи, авксентьевские — какие это коммунисты? Всё это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной армии.

Восемнадцатого брюмера 1799 года молодой генерал Бонапарт произвел во Франции государственный переворот и со временем стал императором Наполеоном. Брюмер — второй месяц (с 22 октября по 20 ноября) французского республиканского календаря, принятого после революции (иначе говоря, генерал Бонапарт взял власть 9 ноября).

— Это ты от себя, — уточнил Бажанов, — или это сталинское мнение?

Лев Мехлис насупился и с важностью ответил:

— Конечно, и его, и мое.

Мехлис в изображении Бажанова предстает несколько карикатурным персонажем. Но Лев Захарович, человек храбрый и мужественный, в Гражданскую воевал на Южном фронте, был комиссаром 46-й дивизии, поднимал бойцов в атаку, ситуацию в армии и самого Фрунзе знал неплохо. В ноябре 1922 года Сталин взял Мехлиса в свой личный секретариат. Через год повысил — Мехлиса утвердили первым помощником генсека и заведующим бюро секретариата ЦК. В его руках оказалась вся канцелярия важнейшего партийного органа, ведавшего в первую очередь расстановкой кадров. Он же отвечал за подготовку материалов к заседаниям политбюро.

«Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно, — писал Бажанов. — Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений.

Что бы это могло значить? Может, Сталин делает вид, что он против зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева? На это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего со Сталиным у него нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал еще со времен дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу о его здоровье: «Мы совершенно не следим за

драгоценным здоровьем наших лучших работников». Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавить от язвы...

Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой...

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время.

Троцкий в своей книге «Сталин» категорически отрицает мою догадку о Фрунзе, но Троцкий искажает мою мысль. Он приписывает мне утверждение, что Фрунзе стоял во главе военного заговора. Я никогда ничего подобного не писал (тем более что совершенно очевидно, что никакие заговоры в это время в советской России не были возможны). Я писал, что Фрунзе, по-моему, изжил свой коммунизм, стал до мозга костей военным и ожидал своего часа...»

Уже в наши дни академик Юрий Александрович Поляков, оценивая личность Фрунзе, пришел к выводу, что Михаила Васильевича ждало большое политическое будущее: «Фрунзе обладал всеми качествами, необходимыми выдающемуся революционеру: горячее сердце и холодный ум, романтизм и прагматизм, смелость, личное мужество, бесстрашие без рисовки и авантюризма. Скромный в быту, не увлекшийся возможностями, которыми обладали обитатели Кремля, Фрунзе являл собой образец подлинного революционера.

Без нервозности, издерганности Дзержинского, без сталинского далекоприцельного честолюбия, умения закулисно приближать будущее, сочетая без самовлюбленности Троцкого и Зиновьева деловитость Рыкова и разумное спокойствие Каменева. Подпольщик, партийный руководитель, крупнейший полководец Гражданской войны, выдающийся деятель мирного строительства, он более всего подходил к роли преемника Ленина».

Лучшие хирурги страны, оперировавшие Фрунзе, похоже, действительно допустили роковую ошибку, стоившую ему жизни. Но была ли эта ошибка случайной, следствием врачебного недосмотра или результатом злого умысла? У историков, надо признать, есть основания

подозревать такой умысел.

Так что же, смерть военного министра Михаила Васильевича Фрунзе — он ушел из жизни всего в 40 лет — результат заговора?

КРЕСТЬЯНИН-ИНТЕЛЛИГЕНТ

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января 1885 года в городе Пишпеке Семиреченской области Туркестанского края. Этот город после смерти Михаила Васильевича несколько десятилетий носил его имя (ныне столица Киргизии переименована в Бишкек). Мать, Мавра Ефимовна, была русской. Отец, Василий Михайлович, — молдаванином. Они переехали в Туркестан из села Терновка, расположенного рядом с Тирасполем.

Его необычно звучащая фамилия — румынского происхождения. И писалась несколько иначе — Фрунзеэ. Михаил Васильевич для простоты отбросил последнюю букву в 1919 году. О своих исторических корнях он вспомнит много позже, когда примет участие в создании Молдавской автономной республики.

Фрунзе-старший работал фельдшером в городской аптеке Пишпека. Но сын в советских анкетах неизменно указывал, что родители его из крестьян, и на ключевой тогда вопрос о собственном социальном положении уверенно отвечал: «крестьянин-интеллигент». В послереволюционную эпоху социальной сегрегации это было похуже, чем происходить из рабочих, но много лучше, чем из служащих.

Все дети в этой семье хотели учиться. Родители были полны решимости дать им полноценное образование, которое позволило бы добиться успеха в жизни. Но обучение в гимназии стоило денег, а доходами похвастаться семья не могла. В 1896 году вслед за старшим сыном, Константином, поступил в гимназию и младший. Отец с трудом собрал необходимую сумму. 10 октября он телеграфировал директору гимназии: «Учение сына Михаила деньги высланы, благоволите разрешить ему учиться».

На следующий год случилось несчастье — отец умер. Василию Михайловичу было всего 43 года... На руках у неработающей матери (а тогда мало кто из женщин мог найти место) осталось пятеро детей: двое сыновей — Константин и Михаил и три дочери — Клавдия, Людмила и Лидия, родившаяся уже после смерти отца. Вдове одной предстояло поставить всех на ноги.

Учился Михаил Фрунзе в городе Верный — так до 1921 года называлась Алма-Ата, будущая столица Казахстана. В мае 1897 года Мавра Ефимовна Фрунзе составила прошение на имя директора Верненской мужской гимназии: «На содержание своего семейства, состоящего из пяти

малолетних детей, требуются средства; между тем я ни имущественного, ни денежного состояния не имею, пенсии не получаю. Муж мой умер недавно, в конце февраля с. г., и хотя я возбудила ходатайство о выдаче мне пособия из казны, но на скорое получение надежды не имею, потребность же семьи отложить до того времени нельзя, особенно расходы на учащихся, а прервать обучение детей, безусловно, не хотелось бы, так как все они учатся хорошо и подают надежду на успешное окончание курса, в чем для меня заключается вопрос обеспечения дальнейшего существования.

Находясь вследствие вышеизложенного в бедственном положении, решаюсь обратиться к покровительству Вашего Превосходительства и нижайше просить, не признаете ли Вы возможным помочь мне выдачею пособия из какого-нибудь источника по Вашему усмотрению».

Директор гимназии, надо отдать ему должное, вошел в положение и распорядился: «Выдать тридцать рублей единовременно».

Тем временем продали дом. На вырученные деньги семья жила два года. Потом и эти средства исчерпались. В феврале 1899 года Мавра Ефимовна обратилась в Пишпекское общественное городское управление с просьбой выделить стипендию ее сыновьям: «Мой муж, Василий Михайлович, как известно большинству жителей города Пишпека, долгое время (с 1878 по 1891 год) служил фельдшером в городской аптеке, работая, таким образом, на пользу пишпекского общества. Это обстоятельство дает мне смелость обратиться к городскому общественному управлению с настоящей просьбой, и я надеюсь, что она будет услышана сочувственно».

Константин учился в седьмом классе, Михаил — в третьем.

«По наукам старший идет хорошо, — с гордостью сообщала Мавра Фрунзе, — а младший даже очень хорошо. Воспитание двух сыновей в гимназии и двух девочек, Клавдии и Людмилы, в женских училищах требует больших расходов.

Сердце мое холодеет при мысли, что стеснительное материальное положение может быть причиной выхода детей из учебных заведений и вследствие этого они могут остаться без образования, столь необходимого в настоящее время всякому человеку для обеспечения своего существования».

Собрание уполномоченных Пишпека рассмотрело обращение и в марте 1899 года назначило воспитаннику Верненской мужской гимназии Михаилу Фрунзе годовое пособие в 120 рублей. На казенные (земские) деньги получал образование и старший брат, Константин. На его стипендию и небольшое пособие, положенное вдове, семья и

существовала. Дочь Клавдию Мавра Ефимовна перевела в женскую гимназию, за успехи в учебе от платы девочку освободили. Людмила тоже окончила гимназию, а впоследствии Петроградский медицинский институт. Младшая Лидия получила гимназическое образование в Воронеже.

Михаил Фрунзе всегда учился прекрасно. У будущего военного министра в юности обнаружились задатки настоящего ученого. Летом 1903 года гимназист Фрунзе вместе с четырьмя соучениками предпринял двухмесячное путешествие по Семиречью. Отец одного из юношей, военный врач, обратился к знакомому вице-губернатору, и экспедиция обзавелась официальной бумагой, в которой местным властям предписывалось оказывать гимназистам всяческое содействие.

Михаил во время долгого путешествия не только охотился (эту страсть привил ему отец, который зимой охотился на фазанов), но и вел исследования в области ботаники, изучая природу края. Он писал приятелю Константину Суконкину, как провел каникулы: «Что за веселое время было!!! Мы объехали огромное пространство; были в Пржевальске, объехали кругом озеро Иссык-Куль; затем перевалили Тянь-Шань, спустились к китайской границе; оттуда воротились в Нарын, из Нарына поехали на Сонкуль — тоже озеро, раза в три меньше Иссык-Куля; с Сонкуля на долину Джумгал, с Джумгала на Сусамыр, с Сусамыра в Фергану, к Андижану...

Экспедиция наша увенчалась полным успехом. Мы собрали 1200 листов растений, 3000 насекомых, при этом заметить, что растения собирал я один... Коллекции мы уже отправили в Императорское географическое общество и Ботанический сад».

Собранный им гербарий и по сей день хранится в Ботаническом институте Академии наук в Петербурге.

Что изучали тогда в гимназии? Вот предметы гимназического курса: Закон Божий; русский язык с церковнославянским и словесность; логика; латинский язык; греческий язык; математика; физика; история; география; французский язык; немецкий язык. Причем всем предметам учили основательно, гимназической латыни хватало на всю жизнь.

Все экзамены Михаил сдавал только на пятерки. Успехи Фрунзе преподаватели оценили по достоинству. В аттестате зрелости записали: «Во внимание к постоянно отличному поведению, прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же в историко-филологических, педагогический совет постановил наградить его золотой медалью».

Золотая медаль открывала дорогу в любое учебное заведение. Старший брат, Константин, поступил на медицинский факультет

Казанского университета. Уговаривал младшего последовать его примеру. Михаил не пожелал стать врачом, выбрал экономическое отделение Петербургского политехнического института.

В июне 1904 года Фрунзе из города Верный отправил прошение директору института — известному математику князю Андрею Григорьевичу Гагарину: «Желая получить дальнейшее образование во вверенном Вам заведении на экономическом отделении, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о зачислении меня в число студентов; при сем прилагаю три фотографические карточки и документы, необходимые для поступления, а именно: копию с аттестата зрелости, копию метрического свидетельства и копию с свидетельства о приписке к призывному участку; недостающий же документ о принадлежности к сословию высылаю через несколько дней дополнительно, ибо сей документ, должный быть полученным мною из г. Пишпека, за дальностью расстояния не успел к сроку».

Странная для будущего военного министра деталь встречается в его письме приятелю от 10 февраля 1905 года: «В военное поступать не советую, испортишь всю жизнь. У меня прямо сжалось сердце, когда я в бытность в Москве увидел наших земляков. Боже, что из них делает военщина: ничего не знают, ничего не слышат...»

Михаил Фрунзе был человеком тонко чувствующим, равнодушным к страданиям других людей. Это вовлекло его в революционную деятельность, но помешало получить образование — он окончил только три курса института.

Но юный студент не сразу стал сторонником бунтовщиков. В марте 1904 года он описывал приятелю настроения после только что начавшейся войны с Японией: «Мы с нетерпением ожидаем известий с Дальнего Востока; дела наши как будто начинают там поправляться. Жаль вот только, что у нас в России среди студенчества опять происходят беспорядки. В Петербурге закрыт горный институт, прикрыты женские медицинские курсы и, как говорят, университет; в Москве — Бестужевские педагогические курсы для женщин. Это всё на руку японцам. Они очень рассчитывают на эти беспорядки, а в особенности на смуты, могущие произойти в Финляндии, Польше и на Кавказе...»

Плата за учебу составляла 25 рублей в год. За младшего брата заплатил старший. Студент-медик Константин Фрунзе был командирован Российским обществом Красного Креста на театр военных действий — в далекую Маньчжурию, где истекала кровью русская армия и нужны были врачи. Положенную ему стипендию из средств земства Семиреченской

области Константин передал младшему брату. В сентябре 1904 года Михаилу переслали в Санкт-Петербург 180 рублей.

Он был по-настоящему увлечен учебой: «Своим выбором я очень доволен. Профессора у нас прекрасные: среди них есть и такие знаменитости, как Менделеев; из наук мне особенно нравятся химия, политическая экономия и история. По экономике и истории пишу сейчас рефераты, которые буду читать и защищать на диспуте».

Да, иметь возможность слушать лекции такого ученого, как Дмитрий Иванович Менделеев, дорогого стоит! Нет сомнения, что в другую эпоху имя самого Фрунзе вошло бы в историю российской науки. Совершенно серьезно он наставлял приятеля: «Советую тебе заняться чтением, но только не пустяков, а серьезных книг, это тебе потом очень и очень пригодится; барышень же брось, это ничего тебе не даст, кроме кратковременного удовольствия...»

Но столица забурлила! Неудачная война с Японией стала катализатором революционных настроений, и Фрунзе ощутил биение политической жизни, оторвавшей его от учебников. Он делился с товарищем последними петербургскими новостями: «В печати теперь пишут так, как никогда не писали; везде предъявляются к правительству требования конституции, отмены самодержавия; движение очень сильно. Не нынче, так завтра конституция будет дана; не дадут в этом году, дадут в следующем...

Вчера был устроен вечер в здании института, была масса народу: профессоров, студентов, курсисток и вообще всякой публики; после вечера собралась сходка, на которой присутствовало свыше двух тысяч человек. На этой сходке было решеноверить руководство главному комитету социал-демократической партии. От него в нужный момент и пойдут приказания».

Взбудораженное столичное студенчество кипело, собрания и сходки заставляли забыть об учебе даже самых увлеченных наукой юношей. Молодежь выходила на улицы и сразу же сталкивалась с полицией. Звучали речи, еще недавно казавшиеся немыслимо крамольными, — требования всеобщего избирательного права, созыва Учредительного собрания, свободы слова.

Михаил Фрунзе не желал быть только наблюдателем. Политическое взросление происходило очень быстро. В нем проснулась организаторская жилка: «Я принялся за устройство семиреченского землячества; дело идет на лад. В это землячество должны поступить не одни петербуржцы, так что землячество обещает быть грандиозным. Сейчас написал письма в Москву,

Одессу, Казань, чтобы узнать отношение тамошних наших студентов к этому вопросу. Землячество первой целью будет иметь взаимную поддержку, для чего будет образована касса взаимопомощи. Эта цель самая главная, но, конечно, не одна она имеется в виду...»

Самые активные молодые люди незаметно для себя переходили на конспиративное положение, занимались тем, что грозило уже серьезным наказанием. Из всего многообразия политических сил Фрунзе выбрал самых радикальных социалистов — в ноябре 1904 года вступил в партию большевиков. В начале декабря попросил директора Санкт-Петербургского политехнического института предоставить ему отпуск на месяц. Уехал в Москву, где остановился у давних знакомых — Михайловых. В Петербург вернулся 8 января 1905 года, как раз накануне события, которое войдет в историю как Кровавое воскресенье.

Девятого января 1905 года он был среди тех, кто пошел к Зимнему дворцу, чтобы вручить императору Николаю II петицию с перечнем требований столичных рабочих. Шествие было мирным. Но, как всегда, нашлось некоторое количество буйных. Полицейское начальство испугалось — вдруг толпа прорвется во дворец! Стоявшие в оцеплении солдаты получили приказ стрелять. Фрунзе был легко ранен в руку, но ареста избежал — сумел скрыться.

Он сообщал старому товарищу: «События, совершающиеся сейчас, настолько поражают своей грандиозностью и в то же время сопровождаются такими ужасами, что, право, не хочется и писать о них... Все высшие учебные заведения закрыты, в том числе и наш институт; он закрылся даже раньше всех; без хвастовства могу сказать, что Петербургский политехникум всё время шел во главе движения...»

Он утратил всякий интерес к учебе. Он жаждал не аудиторных занятий, а действий.

Двенадцатого февраля 1905 года написал прошение: «Представляя при сем свидетельство на жительство и лекционный билет, покорнейше прошу уволить меня в отпуск в г. Верный Семиреченской области по 1 сентября 1905 года».

В реальности Фрунзе уехал сначала в Москву, а оттуда отправился в Иваново-Вознесенск, где участвовал в длительной стачке текстильщиков. Забастовщикам удалось добиться успеха — часть их требований удовлетворили. Здесь Михаил познакомился с большевиком Андреем Сергеевичем Бубновым, который со временем станет в Реввоенсовете СССР начальником Политического управления. Фрунзе избрали в Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. Он взял себе псевдоним «Арсений». Как

человек образованный писал большевистские прокламации.

В институте о его бурной подпольной деятельности ничего не знали. Он, как все студенты, получил извещение: «Учебные занятия в текущем году начнутся 5 сентября, а общежитие для студентов откроется 3 сентября». Но на занятия не приехал. И ничего о себе не сообщил. Не дождавшись возвращения студента-второкурсника, его автоматически отчислили.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Двадцать девятого октября 1905 года Фрунзе арестовали в Иваново-Вознесенске. Его схватили прямо на улице. При обыске нашли маузер и патроны к нему. Он утверждал, что оружие нашел на улице, а носил его с собой для самообороны в беспокойное время. У полиции ничего на Фрунзе не было. Власти отнеслись к молодому человеку на редкость снисходительно. Фрунзе просидел в тюрьме две недели. Его выпустили с обязательством переехать в Казань и оттуда не отлучаться.

Полиции было не до него. В департаменте полиции скапливалось огромное количество разнообразных сведений, немалая часть которых была плохо проверенной или даже ложной.

Бунтовщиками-революционерами занимались охранные отделения. Передовым по части политического розыска считалось Московское отделение. Здесь самой заметной фигурой был Сергей Васильевич Зубатов.

«Худой, тщедушный, невзрачного вида брюнет в форменном поношенном сюртуке и в черных очках, Зубатов начинал мелким чиновником, но обратил на себя внимание знанием революционного движения, умением подходить к людям и склонять членов революционных организаций к сотрудничеству, — вспоминал его сослуживец, глава Московского охранного отделения Павел Павлович Заварзин. — Зубатов был фанатиком своего дела».

Зубатов поставил розыск по западноевропейскому образцу. Наладил регистрацию подпольщиков — со справками и фотоснимками. Учил коллег конспирации и умению беречь агентуру.

Но охранные отделения формировались в основном из жандармов. Многие из них брезговали розыскным делом. К примеру, один из крупных чиновников охранки Александр Павлович Мартынов пошел на службу в отдельный корпус жандармов вслед за своими братьями. Это было семейное дело. И чему же старшие братья учили младшего? «С какой стороны письменного стола начальника я должен стоять, как прикладывать «промокашку» к подписи генерала и прочее. Все эти советы, как это ни смешно, оказались очень нужными».

В результате во время первой русской революции чиновники охранных отделений, не привычные к напряженной работе, не успевали перерабатывать получаемую информацию. Не поспевали за стремительным развитием событий и мало чем могли помочь власти.

Полиция сосредоточилась на террористах, в основном на эсерах, которые убивали чиновников правящего режима. Русские террористы, казалось, не знали преград. Они убили трех министров внутренних дел — Сипягина, Плеве и Столыпина. Четвертый, Дурново, умер своей смертью, но лишь по счастливой случайности. За него поплатился жизнью другой человек.

Первым убили Дмитрия Сергеевича Сипягина.

Второго апреля 1902 года недавний студент Киевского университета эсер Степан Балмашев, переодевшись в офицерский мундир, застрелил из браунинга министра внутренних дел в вестибюле Мариинского дворца. Сипягин скончался в больнице через несколько часов.

«Я очень хорошо помню, как привели Балмашева, — вспоминал служивший в Петербургском жандармском управлении Александр Мартынов. — К моему крайнему изумлению, в кабинет в сопровождении двух жандармских унтер-офицеров и ротмистра вошел офицер, высокий, здоровый, рыжеватый блондин, с красноватой, нечистой кожей лица. Офицер этот был в так называемой общеадъютантской форме, но она была надета небрежно, офицерское пальто расстегнуто и помято».

Степана Балмашева через месяц казнили.

Сипягина на посту министра сменил Вячеслав Константинович Плеве, окруживший себя многочисленной охраной. Его сразу же попытались убить. Но не получилось.

«В одном из номеров «Северной гостиницы», — вспоминал Павел Заварзин, — раздался страшный взрыв, которым были повреждены капитальные балки здания и совершенно разрушена комната, в которой среди обломков был найден обугленный труп человека с обезображенным лицом и оскаленными зубами, сжимающими монету-копейку, очевидно предназначенную для грузика, разбивающего детонатор при метании бомбы».

В кармане убитого нашли рецепт лекарства, заказанного в одной из швейцарских аптек. Выяснили, что это был еще один бывший студент Киевского университета, Алексей Дмитриевич Покотилов, дворянин, сын генерала и член боевой организации эсеров.

В Александро-Невской лавре назначили панихиду по Сипягину. Новый министр Плеве должен был туда проехать мимо «Северной гостиницы». Алексей Покотилов приводил бомбу в боевую готовность, собираясь бросить ее из окна в экипаж Плеве, но снаряд взорвался у него в руках...

В 1904 году эсеры всё-таки добрались до Плеве. Они убили министра

внутренних дел, когда тот направлялся с докладом к царю в Петергоф.

«Карета была совершенно разнесена, — рассказывали жандармы, — а тело Плеве превращено в бесформенную массу: мозги, куски мяса, кровь и листы доклада. Тут же лежал тяжело раненный революционер с обезображенным лицом и обугленными конечностями. Его личность оставалась несколько дней невыясненной, пока чиновник, который, находясь при бывшем в полусознательном состоянии больном в числе больничного персонала, не выяснил личность террориста по отрывочным бредовым фразам».

Им оказался бывший студент Московского университета Егор Сергеевич Сазонов. Его не казнили, а приговорили к бессрочной каторге. Он прожил там недолго: возмущенный тем, что каторжан наказывали розгами, принял яд.

Министром стал Петр Николаевич Дурново. Прежде он был директором департамента полиции. Ему подчинялся так называемый «черный кабинет», где перлюстрировали письма.

«Он ухаживал за одной дамой, — вспоминал его подчиненный. — Эта дама какое-то время относилась к нему весьма благосклонно, но затем завела роман с бразильским посланником. Дурново приказал доставлять ему письма этой дамы к бразильскому посланнику.

Эти письма были настолько красноречивы, что не оставляли никаких сомнений в характере отношений дамы с послом. Взбешенный Дурново поехал объясняться с дамой своего сердца. Та категорически всё отрицала. Тогда Дурново бросил ей в лицо пакет ее писем. Дама не преминула пожаловаться бразильскому посланнику».

Посланник воспользовался встречей с государем на одном из придворных балов и рассказал ему всю эту историю. Александр III был возмущен:

— Немедленно убрать прочь этого дурака...

Дурново перевели в Сенат. Он стал играть на бирже. Проигрался. И это ему не повредило. Новый император Николай II вернул его в министерство, да еще с повышением. Дурново принялся наводить порядок в империи. «Не верьте коленопреклоненным мерзавцам!» — так он ответил на телеграфное донесение исполнявшего должность московского губернатора генерала Владимира Федоровича Джунковского, просившего министра за «коленопреклоненных крестьян» одной из волостей Московской губернии.

Ликвидировать Дурново взялась женщина, которая уже пыталась убить самого императора.

«Дочь якутского вице-губернатора Татьяна Александровна Леонтьева, — вспоминал начальник Петербургского охранного отделения генерал-лейтенант Александр Васильевич Герасимов, — воспитанная в институте благородных девиц, богатая и красивая девушка имела доступ к царскому двору; в самое ближайшее время предстояло назначение ее в фрейлины царицы. В ее планы входило во время одного из придворных балов преподнести царю букет и застрелить его из револьвера, спрятанного в цветах».

Террористку задержали случайно, перехватив адресованный ей чемодан со взрывчаткой. Ее посадили в Петропавловскую крепость. Семье удалось добиться освобождения девушки для лечения. Ее отправили в Швейцарию. В отеле «Юнгфрау» Татьяна Леонтьева обратила внимание на некоего Мюллера. «1 сентября 1906 года она попросила накрыть ей столик поблизости от Мюллера. Во время обеда встала из-за стола, подошла вплотную и сделала несколько выстрелов в этого одинокого и ничего не предполагавшего старца. Шарль Мюллер, миллионер из Парижа, каждое лето приезжал в Швейцарию лечиться. Мюллер имел несчастье не только походить на Дурново лицом, но к тому же носить то самое имя, которым Дурново для конспирации пользовался в своих заграничных поездках».

Петр Николаевич был невероятным везунчиком...

Через несколько лет в Киеве убили министра внутренних дел и главу правительства Петра Аркадьевича Столыпина. Стреляли и в других министров, губернаторов, генералов и жандармов.

В Москве эсер Иван Платонович Каляев убил московского генерал-губернатора и командующего войсками округа великого князя Сергея Александровича, дядю царя. Каляев, свидетельствовал хорошо знавший его человек, давно обрек себя на жертвенную гибель и больше думал о том, как он умрет, чем о том, как он убьет.

После смерти великого князя петербургский генерал-губернатор Дмитрий Федорович Трепов, потрясенный происшедшим, приехал в департамент полиции, ворвался в кабинет директора Лопухина, бросил ему в лицо одно слово «Убийца!» — и хлопнул дверью. Алексей Александрович Лопухин потерял свой пост, его отправили губернатором в Эстляндию. Он был крайне обижен и позже отомстил за обиду.

Спецслужбы царской России столкнулись с людьми, не боявшимися смерти. Семерых боевиков приговорили к повешению. Потрясенный прокурор, присутствовавший при их казни, признался генералу Герасимову:

— Как эти люди умирали... Ни вздоха, ни сожаления, никаких просьб,

никаких признаков слабости... С улыбкой на устах они шли на казнь. Это были настоящие герои.

Герасимов с неудовольствием констатировал:

— Все террористы умирали с большим мужеством и достоинством. Особенно женщины.

В ту пору это очевидное мужество производило сильнейшее впечатление.

— Вы лишаете меня счастья умереть на эшафоте, — нисколько не рисуясь, говорил член ЦК партии эсеров Михаил Рафаилович Гоц своим товарищам, удерживающим его от возвращения в Россию; он эмигрировал, спасаясь от полиции.

Зинаида Коноплянникова, повешенная за убийство командира Семеновского полка генерала Георгия Мина, который в 1905 году жестоко подавил восстание в Москве, взойшла на эшафот со словами Пушкина:

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

Большевики меньше эсеров увлекались террором. Но в разгар первой русской революции и они взялись за оружие. Нарушив данное полиции обязательство жить в Казани, Михаил Фрунзе отправился в Шую. Он и не думал оставлять подпольную работу. Тогда в разных городах создавались боевые дружины и кружки. Для предотвращения еврейских погромов, для противостояния черной сотне и для защиты выступающих на митингах. Либерально настроенные буржуа давали студентам деньги на оружие. Молодые люди охотно учились военному делу и конспирации. Из них создавали «пятерки», которые объединяли в отряды.

Как заправский охотник, с детства владевший оружием (первым оружием был самодельный пистолет, стрелявший дробью), Фрунзе организовал боевую дружину, а большевики нуждались в каждом, кто умел стрелять.

Важно отметить, как легко мягкий и чувствительный юноша, намеревавшийся стать кабинетным ученым, превратился в уличного революционера, собиратель гербариев для Ботанического сада — в боевика, готового стрелять в людей.

Революция ломала всё.

Друг Фрунзе Александр Константинович Воронский, чье имя еще встретится на этих страницах, вспоминал, как в марте 1905 года участвовал в бунте тамбовских семинаристов: «Били стекла, срывали с петель двери, вышибали переплеты в оконных рамах, разворачивали парты, беспорядочно летели камни... Рев, гам, свист, улюлюкание, выкрики ругательств, сквернословие... В разорванном сознании остались: кровь на руке от пореза гвоздем, сутулая и противно-проклятая спина надзирателя; по ней я бил палкой. Затем я куда-то бежал, кричал истошным голосом, бил стекла. Я познал упоительный восторг и ужас разрушения, дрожащее бешенство, жестокую и веселую силу, опьяненность и радостное от чего-то освобождение...»

Война с Японией была крайне неудачной, потери — большими. Российское общество возмущалось коррумпированной властью и неумелым военным командованием.

Фрунзе написал листовку от имени партии большевиков: «Товарищи! Окончилась позорная, кровавая бойня. На далеких полях Маньчжурии больше не будет раздаваться свиста пуль и грохота пушек, замолкнут стоны и проклятия умирающих и искалеченных. Останутся только одни братские могилы — там, вдалеке, на чужой стороне...

Мир заключен. Что же нам даст этот мир, товарищи крестьяне и рабочие? Еще долго придется нам, крестьянам и рабочим, из наших скудных грошей платить контрибуцию. Для чьей пользы началась эта кровавая бойня? Разве нам нужна чужая Маньчжурия? Разве нам мешали жить японцы?

Царю и его прислужникам мало соков народных, они истожились, давай попробуем в чужой Корее захватить богатые леса. Но японскому царю, дворянам и купцам тоже захотелось лакомого кусочка; они оказались сильнее и завоевали Маньчжурию и Корею».

В апреле 1906 года Фрунзе участвовал в IV Стокгольмском съезде социал-демократической партии. Здесь Михаил познакомился с Лениным. На съезде большинство делегатов составляли меньшевики. Предлагавшиеся большевиками проекты резолюции не прошли. Съезд принял аграрную программу и решил участвовать в выборах Государственной думы.

В разгар первой русской революции с небольшим боевым отрядом Фрунзе прибыл в Москву и принял участие в перестрелках с полицией — возле Зоологического сада, в районе Ваганьковского кладбища. Когда в город ввели войска для наведения порядка, уехал в Шую.

Здесь рабочие провели забастовку. Но она не удалась.

Фрунзе написал листовку: «Прежде чем давать сражение неприятелю, нужно было подготовить свои силы, подготовить провиант, расследовать силы врага, узнать его слабые места, трезво взвесить его и свои силы, выбрать подходящее время и тогда уже дружным натиском ударить на врага. Вот тогда мы бы могли добиться победы».

Фрунзе (под чужой фамилией) выступал в гостинице «Лондон» с докладом о профсоюзном движении. Предложил принять разработанный им «Устав профессионального союза рабочих текстильного прядеситцепечатного и ткацкого производства в Шуе».

Первая русская революция была подавлена. Михаил попытался восстановиться в институте, где к нему отнеслись очень доброжелательно: «Очевидно, что отчисление от института было результатом оплошности, а не намерения. Чтобы исправить дело, если это желательно, следует подать декану прошение об обратном принятии на то же отделение, причем же изложить причины неявки своевременно к занятиям и несообщения о себе нужных сведений».

Фрунзе так и поступил. В июне 1906 года написал заявление декану экономического отделения своего института с просьбой позволить ему продолжить образование: «Причина моей неявки к 1 сентября прошлого года заключалась в следующем. Будучи уверен, что учебных занятий в прошлом учебном году не будет, и считаясь с теми громадными затратами, которые пришлось бы сделать (моя родина — Семиреченская область, на границе с Китаем) и которых я не мог сделать за неимением средств, я решил в институт не ехать.

Спешу оговориться, что я совершенно не знал, что за мою неявку я буду исключен из института. Спешу теперь исправить свою оплошность и прошу содействия Вашего Превосходительства. Деньги, следуемые за прошлое осеннее полугодие, постараюсь внести в самом недалеком будущем».

Фрунзе восстановили и зачислили на второй курс, что давало в том числе право отсрочки от военной службы. Но учиться он уже не хотел. Утратил интерес к тому, чтобы корпеть над книгами.

Семнадцатого января 1907 года Фрунзе во главе боевой группы захватил частную типографию в Шуе, чтобы напечатать большевистские листовки. Типография работала на большевиков весь день, успели отпечатать две тысячи листовок. После этой лихой операции Фрунзе попал в списки особо опасных преступников. Его искали. Агентов службы наружного наблюдения на французский лад именовали филёрами.

«От филёров, — вспоминали жандармы, — требовалось: грамотность, трезвое поведение, невыдающаяся наружность, средний рост, хорошее зрение, сообразительность. Все эти качества оплачивались суммой в среднем около сорока-пятидесяти рублей в месяц».

В первую очередь опытные филёры обращали внимание на тех, кто каждый день в любую погоду гулял по несколько часов.

«Практика розыскного дела, — рассказывали профессионалы, — показала, что подобные прогулки обыкновенно совершают лица, изготавливающие динамитные разрывные снаряды. Испарения динамита действуют разрушительно на слизистую оболочку и легкие, вследствие чего такому работнику необходимо чаще пользоваться свежим воздухом».

Искали не только бомбистов. В подполье вызревали и другие опасные идеи.

Плотник Фома Качура стрелял в губернатора Харькова князя Ивана Михайловича Оболенского, принимавшего участие в подавлении крестьянского восстания. Качура стрелял пулями, которые были отравлены стрихнином, но губернатор был лишь ранен. Стрихнин не подействовал.

Акцию организовал первый глава боевой организации эсеров Григорий Андреевич Гершуни, врач-бактериолог по специальности. Он был арестован и приговорен к смерти, но бежал за границу, где умер от рака легких.

Другой боевик обратился в ЦК партии социалистов-революционеров с неожиданным предложением: «Чтобы победить в борьбе врага или по крайней мере нанести ему чувствительный урон, недостаточно одного мужества и готовности умереть в этой борьбе, нужны еще знания техники борьбы и обладание нужными средствами. Еще несколько лет назад мною делались попытки поставить широко вопрос о необходимости употребления революционерами отравленного, действительно смертельного оружия, но, увы, несмотря на все старания, голос мой оставался гласом вопиющего в пустыне невежества и предательства...

Статистика ранений от огнестрельного и холодного оружия с неотразимой точностью доказывает нам, что люди, получившие даже по несколько ран, часто выздоравливали вполне от них, если лечение велось надлежащим способом. Сотни шпиков, стражников, жандармов и т. п. сволочи отлично выздоравливали от пуль браунинга и маузера... Надо быть совсем кретином или просто симпатизировать врагам народа, чтобы не признать, что единственно рациональным способом поражения наверняка противника — должен быть признан способ употребления исключительно отравленного оружия.

Побольше «святой ненависти» к врагу! Воспитывая в себе готовность собственными руками вонзить в бок опричника отравленный кинжал, влить ему в живот отравленную пулю, и часть победы будет за Вами.

Делаю предложения:

1. Употреблять пули для браунинга исключительно свинцовые без твердых оболочек, как легко деформирующиеся в ране и дающие возможность легче обрабатывать часть для заложения порции яду.

2. Снабдить все провинциальные комитеты запасами ядов и указать способы их добывания.

3. Разработать инструкции для отравления пуль и холодного оружия ядом...

5. Применять в случае отсутствия яда для отравления пуль разводку заразных бактерий: чихотки, столбняка, дифтерита, брюшного тифа и т. п. непосредственно перед террористическим актом».

Биологическим оружием революционеры не воспользовались, а огнестрельное то и дело пускали в ход. Михаил Васильевич Фрунзе, не испытывая никаких сомнений, стрелял в полицейских. Не всякий на это способен. В сознании молодого человека должен произойти какой-то радикальный сдвиг, прежде чем он перейдет к насилию. Зато, если этот внутренний переворот свершился, люди становятся хладнокровными и безжалостными убийцами.

Конечно, молодой подпольщик чаще всего боялся показаться трусом или недостаточно надежным. И начинающие боевики доказывали друг другу свою храбрость и презрение к врагу... Но главным было твердое убеждение в том, что убивать необходимо во имя высшей цели. Идеология и вера снимали вопрос о личной вине и словно выдавали лицензию на праведный гнев. Пересмотр привычных норм и ценностей происходил легко — прежние заповеди отвергались, зато принималась новая, революционная мораль.

Радикальные социалисты внушали себе и другим, что люди в форме, государственные чиновники — враги, потому применение оружия позволительно. А заповедь «не убий» неприменима в революционных условиях. Убийство политического врага — не только необходимость, но и долг.

Боевые группы существовали только потому, что их поддерживали самые обычные люди, не привлекавшие внимания полиции. Люди, готовые помочь, были крайне важны. Без них подпольщики долго бы не продержались. Сочувствующие делали то, что не под силу самим революционерам: подделывали документы, добывали оружие, готовили

взрывчатку. Они укрывали боевиков в своих домах.

Но ушедшие в подполье боевики не заметили, как постепенно изменились общественный климат, настроения. Революционная волна пошла на убыль. Симпатизирующих социалистам, желающих помогать, предоставлять квартиры для нелегальных собраний и явок становилось всё меньше, а провалов больше.

В ночь на 24 марта 1907 года Фрунзе взяли с оружием в руках: при нем были маузер и браунинг, два карабина. После первой революции боевиков боялись. Поэтому полиция действовала грубо, при аресте ему изрядно досталось ружейным прикладом — удар пришелся прямо в лицо, повредив нос и зубы.

В КАМЕРЕ СМЕРТНИКОВ

Теперь уже власти взялись за него всерьез. Фрунзе предъявили целый перечень обвинений, среди которых самые тяжкие — принадлежность к подпольной боевой организации. Это само по себе грозило длительным сроком лишения свободы.

Поначалу Михаил не сознавал всю серьезность своего положения и весело писал из тюрьмы: «Меня потянули за жабры и представили пред ясные очи «недреманного» блюстителя правосудия, сиречь судебного следователя. Сей милый господин с голубиной кротостью и с ангельской улыбкой на устах изволил прочесть мне обвинительный акт и учинить затем допрос... Что будет дальше, не знаю. Но если только удастся обелить себя от обвинений в захвате типографии (а ведь вы сами знаете, что я, можно сказать, «яко агнец непорочен»), то мои шансы значительно повысятся. Кроме же этой статьи остальные пустяковые; правда, каждая из них грозит каторжными работами, но судебная практика говорит, что дело кончается только небольшой высидкой. Я думаю, что суд приговорит или к заключению в крепости года на два-три, или же к ссылке в Сибирь без срока».

Он надеялся, что на время предварительного следствия его выпустят на поруки. Но власть почувствовала в нем опасного противника. В тюрьму наведалься сам владимирский губернатор, пожелавший взглянуть на молодого бунтовщика.

«Его Превосходительство, — писал Фрунзе, — изволили назвать меня «бравым молодчиком» и приказали перевести в отдельную камеру».

Михаилу было всего 22 года: неистраченный запас жизненных сил, радости, любви... 4 апреля 1907 года он писал сразу трем девушкам, которые учились в Шуйской женской гимназии — Клавдии Важновой-Градинской, Елизавете Касаткиной и Юлии Сперанской: «Охватывает ощущение полноты и восторга. Хочется петь, танцевать... Страшно хочется, чтобы вы были здесь. Послушайте, когда кончится следствие по моему делу, то приезжайте на свидание. Приедете? А? Я буду ждать... Нам осталось мало жить, так зачем же плакать... Опять придут красные дни, не век ведь сидеть! Черт возьми! Как хорошо будет. Ей-богу же, я вас всех люблю».

Две самоотверженные девушки приехали к нему. Началась Пасхальная неделя, и они передали ему кулич и пасху, которые очень порадовали

узника. Но увидеть их ему не удалось. 25 мая 1908 года Фрунзе писал: «Сию я в том корпусе, который расположен сейчас же против ворот; моя камера находится на 2-м этаже, и окна выходят почти прямо в ворота, так что мне видно всех, кто только в них входит. Но я не успел вас увидеть; меня поздно предупредили...

Кроме того, у меня дважды в день прогулка, гуляю я один. Во время прогулок всё время торчал у ворот, но точно так же безуспешно... Словом, неудачи, неудачи и неудачи. За эти дни я совсем изнервничался. Делать не могу положительно ничего. Всё время проводил или в беготне по камере, из угла в угол, или же на подоконнике. Черт знает до чего обидно. Когда я узнал, что вы уехали, так словно что-то оборвалось у меня внутри; так сделалось холодно, пусто и скучно. Злюся бесконечно».

Он просил разрешить ему свидание с девушками. Следовательно холодно объяснил, что по закону свидание может быть позволено только с невестой. Если он намерен венчаться, тогда пожалуйста.

«Не знаю, что делать, — писал Фрунзе, — с одной стороны, хочется иметь свидание, а с другой — сама мысль о браке, даже формальном, кажется для меня чем-то чудовищным... Мне страшно тяжело будет сознавать, что из-за меня Вы наложите на себя цепи. Нужно быть отъявленным эгоистом, чтобы согласиться на такую комбинацию. А как хорошо мне было, когда я читал Ваше письмо; меня до глубины души трогает Ваше желание хотя что-нибудь сделать приятное мне».

Клавдия Васильевна Важнова-Градинская была готова на всё, чтобы облегчить страдания Фрунзе. И в конце концов добила свидания. Для Фрунзе встреча с молодой женщиной, пришедшей с воли, была огромным событием. Сразу после свидания благодарный и обуреваемый разнообразными страстями Михаил Васильевич писал ей: «Ваш приезд совершенно выбил меня из обычной колеи. Я уже привык к этой тюремной обстановке, и до сих пор (до свидания с Вами) она мне даже нравилась. Я совершенно искренне час тому назад говорил, что воля меня не тянет. Но теперь не то, не то... Вместе с Вами явилось во мне и желание воли. Всё кругом меня теперь кажется тускло и бесцветно. Буду заниматься организацией побега.

Как Вы почувствовали себя на свидании? Мне казалось, что немного неловко. Верно ли? Не знаю, чему приписать это, может быть, необычная обстановка действовала на Вас, а может быть, и что другое? Только этого «другого» не надо. Я хочу чувствовать Вас близкой и не хочу, чтобы Вы испытывали хотя бы атом неловкости. Смотрите, приходите во вторник. Теперь буду жить надеждой на него...»

Совсем не удивительна эта буря чувств, которую вызвало появление в тюрьме молодой женщины. Важно отметить, что ради возвращения на волю Фрунзе не пошел ни на какие компромиссы. Не все революционеры были столь же стойкими и на допросах в полиции проявили себя не самым достойным образом.

После смерти члена политбюро Серго Орджоникидзе, который в свое время возглавлял партийную инквизицию — Центральную контрольную комиссию, в его архиве обнаружили два запечатанных пакета. На пакетах Серго написал: «Без меня не вскрывать».

Там находились документы царского департамента полиции. В том числе показания будущего члена политбюро Михаила Ивановича Калинина. На допросе будущий глава государства (пусть даже и формальный) или, как его чаще называли, всесоюзный староста сказал следователю:

— Желаю дать откровенные показания о своей преступной деятельности.

И Калинин рассказал всё, что ему было известно о работе подпольного кружка, в котором он состоял.

В архиве Орджоникидзе лежала и справка о другом члене политбюро — Яне Эрнестовиче Рудзутаке, которого в какой-то момент прочили в генеральные секретари вместо Сталина. Рудзутак был арестован по делу Латышской социал-демократической рабочей партии. На следствии Рудзутак назвал имена и адреса членов своей организации. Основываясь на его показаниях, полиция провела обыски, изъяла оружие и подпольную литературу...

Фрунзе же не смалодушничал. Он писал старшему брату, который уже работал земским врачом в Казанской губернии: «Содержат меня строго. Этой строгостью по отношению ко мне я в значительной степени обязан благосклонному вниманию местного губернатора, отдавшего приказ усугубить наблюдение за мной. Вообще жандармы и администрация будут препятствовать всячески попыткам освобождения, хотя бы на поруки. А не удастся выйти на поруки, так и еще сумеем изыскать способы освобождения».

Прочитавший письмо жандарм правильно понял Михаила Васильевича и сделал пометку: «Предупредить начальника Владимирского губернского жандармского управления о намерении совершить побег».

Фрунзе обсуждал такую возможность с товарищами, остававшимися на свободе, считал побег реальным: «Есть свой надзиратель. Но эти шансы с каждым днем падают. Начальник тащит за собой из Москвы всю

бутырскую свору каких-то прямо цепных псов. Вообще у нас, видимо, хочет водворить нечто похожее на режим настоящих каторжных тюрем. Уже начались покушения на некоторые маленькие вольности. Пока прощайте. А вдруг да через месяц увидимся. Вот, черт побери, было бы хорошо».

Самым опасным было обвинение в попытке убить полицейского урядника Никиту Перлова. Фрунзе сначала привели в суд как свидетеля. Обвиняемым считался его друг и единомышленник Павел Дмитриевич Гусев. Однако же 13 марта 1908 года прямо в зале суда урядник признал в Фрунзе одного из стрелявших. Михаил Васильевич всячески отрекался, уверял, что вообще в тот день находился в Москве. Но следствие объяснение не приняло, и обвинение было переквалифицировано на более тяжкое.

Фрунзе действительно стрелял в урядника, но плохо, неумело — промахнулся. Покушение на жизнь представителя власти каралось высшей мерой. Жестокостью надеялись остановить боевиков, которые охотились на своих врагов из охранки. Полковник Михаил Павлович Бобров после назначения начальником охранного отделения в Поволжском районе вышел погулять по городу, и на людной улице подошедший сзади рабочий-эсер выстрелил ему в затылок и убил наповал.

Михаил Васильевич сидел во Владимирском центральном. В камере, чтобы не мучиться от безделья, учил французский язык. Но дело его было плохо. Он стрелял в полицейского, находившегося при исполнении служебных обязанностей в Шуге, где в тот момент был введен режим «усиленной охраны», поэтому его предали военному суду. Это уменьшало его шансы избежать самого сурового наказания.

Военно-окружной суд Московского военного округа 27 января 1909 года вынес Фрунзе и Гусеву страшный приговор: «Лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение».

Вся семья — мать, сестры, брат — была буквально раздавлена. Михаила заковали в кандалы. Ему стало по-настоящему страшно — жизнь кончалась. «Мы, смертники, обыкновенно не спали до пяти утра, — вспоминал он, — чутко прислушиваясь к каждому шороху после полуночи, то есть в часы, когда обыкновенно брали кого-нибудь и уводили вешать».

Но ему повезло с защитником. Тот нашел юридически убедительные основания и добился того, что главный военный суд удовлетворил кассационную жалобу, — приговор отменили. Стало немного легче. Фрунзе работал в столярной мастерской, ждал нового суда.

Но 23 сентября 1910 года его вторично приговорили к смертной казни

— доказательств вины было предостаточно. Он опять по ночам со страхом прислушивался — не идут ли за ним? Днем, чтобы отвлечься, изучал еще и итальянский язык. Вот теперь совсем еще молодого человека охватило отчаяние.

«Надежды на отмену приговора не было почти никакой, — рассказывал потом Фрунзе. — Бежать невозможно. И я решился уйти из рук палачей. По крайней мере повесить себя не дам, сам повешусь, пускай найдут труп... И стал готовить из простыни веревку».

Но ему повезло. Командующий войсками Московского военного округа заменил Фрунзе смертную казнь шестью годами каторжных работ. Еще четыре он получил по делу иваново-вознесенской организации большевиков. Итого — десять лет в неволе. На свободу он должен был выйти только в феврале 1920 года. Его подельник Павел Гусев получил восемь лет. Литературно одаренный человек, он умрет в тюремной больнице.

Фрунзе выжил. Но, конечно же, годы в тюрьме, да еще в ожидании казни, не прошли даром. У него открылась язвенная болезнь. Медики полагают, что этот недуг чаще всего провоцируют тяжелые стрессы. Стоит ли удивляться тому, что болезнь прицепилась к человеку, который столько времени провел в камере смертников?

Мало кто знает, что будущий военный министр сочинял стихи. К сожалению, он их не записывал, поэтому сохранились немногие — те, что запомнили его друзья. Самое известное называется «Северный ветер»:

*Северный ветер в окно завывает,
Здание тюрьмы всё дрожит,
В муках отчаянья узник рыдает,
Сон от больного страдальца бежит.*

*Звуки печальные, звуки унылые
Рождают в сознании образы милые,
Картины бывшего, полузабытого,
В счастье иль муках давно пережитого.*

*Вот ему грезится образ родимый,
Вот в серебре голова...
Тихо склонилась с улыбкою милой,
Мягкой рукою коснулась чела.*

*«Спи, моя детка, спи, мой любимый!» —
Слышит он голос родной. —
«Скоро конец твоим мукам, родимый,
Скоро, уж скоро ты будешь со мной».*

*Северный ветер все свирепеет,
Грозится он крышу сорвать...
Мертвого лик на подушке белеет,
Больше не будет страдать.*

Тюремная лирика разрабатывает известные сюжеты и следует определенной эстетике. Но и эти поэтические строки заставляют задуматься о том, что пережил Фрунзе. Вот строчки из другого стихотворения — «Последняя ночь на каторге»:

*Много лет я провел в объятьях тюрьмы,
Много лет непрерывных терзаний,
Без света и солнца, в царствии тьмы,
Среди звона цепей и рыданий,
От гнева и скорби душа огрубела,
Сердце покрылось корой ледяной,
Память ослабла, и мысль отупела,
А жизнь мне бесцельна казалась порой.*

Михаил Васильевич не любил тюремно-каторжных воспоминаний, но эти годы оставили глубокий след. Пострадало не только его физическое здоровье.

До лета 1912 года Фрунзе сидел в знаменитом Владимирском центральном, оттуда его в июне перевели отбывать наказание в каторжную тюрьму города Николаева Херсонской губернии. Здесь он работал садовником, огородником, научился прокладывать водопровод, делать ведра, кастрюли и чинить самовары.

Как потом выяснилось, он отбывал срок не в самых ужасных условиях. Гимназистку Марию Александровну Спиридонову, состоявшую в тамбовской эсеровской боевой дружине и стрелявшую в советника губернского управления, как и Фрунзе, приговорили к смертной казни через повешение. И тоже заменили каторжными работами. Но ее отправили

на более тяжелую Нерчинскую каторгу, потому что она входила в партию социалистов-революционеров, а эсеров наказывали суровее. Фрунзе был социал-демократом.

«Заброшенная вглубь Забайкалья, отданная на полный произвол обиженной богом и людьми военщины, Нерчинская каторга, кажется, самая древняя из русских каторг, — вспоминала Спиридонова. — Каждое бревно в тюремной постройке, облипшее заразой, грязью, клоповником и брызгами крови от розог, свидетельствовало о безмерном страдании человека. Иссеченный розгами, приходя к фельдшеру с просьбой полечить страшно загноившуюся от врезавшихся колючек спину, получал в ответ: «Не для того пороли». Политические заключенные от отчаяния принимали яд или разбивали себе голову об стену».

В сентябре 1914 года приговор Фрунзе еще смягчили. Тюремный срок заменили вечным поселением в Сибири. Он провел за решеткой пять лет, нажил язвенную болезнь, и у него открылось, как тогда говорили, кровохарканье, то есть он заболел туберкулезом. Четыре с половиной месяца его переводили из одной пересыльной тюрьмы в другую, пока не доставили в место, где ему предстояло отбывать ссылку.

Вообще-то он должен был обосноваться в Ичерской волости Киренского уезда. Но оказался в селе Манзурка Верхотурского уезда Иркутской губернии, там и остался.

Двадцать второго сентября он написал матери и сестрам: «Вот я и на свободе. Еще вчера прибыл в Манзурку и с тех пор обретаюсь без всяких провожатых и надсмотрщиков. Чувствуется как-то странно и дико; знаете, словно ребенок, который учится ходить. Восемь лет заключения совершенно почти отучили действовать самостоятельно. Но это скоро пройдет. После, когда осмотрюсь и разберусь в своих впечатлениях, напишу подробно обо всем. Пока же в голове у меня один туман.

У меня в данный момент нет ни денег, ни одежды. Из казенного у меня имеется только халат, да и тот никуда не годный. Если вы не выслали мне белья и одежды, то сделайте это немедленно. Заработка я тут найти не могу. Я ведь буквально гол; таким образом, месяца два придется прожить исключительно в расчете на помощь извне.

Последние месяцы чрезвычайно сильно расстроили мое здоровье. Я чувствую себя довольно плохо. Отдых необходим. Какая досада, что у меня нет ружья. Тут прекрасная охота...»

ЗАБОТЫ ССЫЛЬНОГО

Фрунзе решал, чем заняться, — учить детей или столярничать. Особенно хорошо у него получались табуретки. Он писал в середине декабря 1914 года старому другу Павлу Гусеву: «Я открываю тут столярную мастерскую. Не думаю, чтобы предприятие оказалось выгодным, но что-нибудь делать-то надо.

Жизнь тут дороговата. Дорого всё привозное. Но мясо и хлеб нельзя сказать чтобы были очень дороги: мясо — 11 копеек фунт, а хлеб — 3–4 копейки. Правда, нынешний год был урожаен. Живем дружно. Хлопочем об открытии ряда кооперативных предприятий — пекарни, колбасной и пр. Вообще не унываем».

Старший брат переправил ему двустволку и патроны, чтобы он мог охотиться. Это сделало жизнь веселее. Фрунзе успокаивал друга: «Насчет моего здоровья не беспокойся. Я теперь поправился. Чувствую себя хорошо. Шатаюсь нередко на охоту. Из дичи тут есть козы, зайцы, рябчики, тетерева, глухари и куропатки».

На самом деле чувствовал он себя не так уж хорошо. В одном из писем прорвалось: «Я не пессимист. Жизнь в моем теле еще есть, и я намерен «повоевать». Немножко, конечно, поразвинтился; так, страдаю желудком, слегка оглох на одно ухо».

Фрунзе собрал молодежь в хор, сам пел приятным тенором, давал уроки — готовил к поступлению в гимназию. Товарищи по несчастью его ценили и любили.

«Временами чувствую себя прекрасно, весел, болтаю всякий вздор, начинаю организовывать всякие предприятия, увеселения, примеряюсь с манзурской обстановкой. А порой мне всё это до того делается противно, что готов бежать куда угодно от всех здешних прелестей. И тогда я делаюсь угрюмым и готов молчать целые дни. В доме у нас вечная толчея, люди приходят и уходят; никогда не остаешься с собой наедине, а в этом порой чувствуется сильная потребность».

Михаил Васильевич постепенно приходил в себя, возвращался интерес к политике: «Всех поглощает война, и на ней сконцентрировано всеобщее внимание. Правительство укрепляет свои позиции и становится откровенно реакционным. Я и сам не прочь, чтобы «немцу» привинтили хвост, но до активности не дохожу. Не надо забывать, что у нас ведь есть и свои особые задачи».

В другом письме продолжил свои размышления: «Вы спрашиваете, каков мой личный взгляд на войну и отношение к ней социалистов. Принципиально я, конечно, против войны, но я не могу сказать, что всегда и везде целиком стоял бы за осуществление этого принципа. В общем я смотрю на положение дел довольно оптимистично. Воинственный задор скоро схлынет, выплывут на сцену все старые, больные вопросы нашей жизни, ибо война их только обострит, и снова закипит работа. Но каких-либо скорых перемен в ближайшем будущем я не ожидаю. Мне думается, что мы вступаем в период длительного внутреннего затишья».

Ссылку Фрунзе отбывал вместе с эсерами: «Живу компанией, и представьте себе всё с социалистами-революционерами. Нас семеро, и лишь я один социал-демократ».

Среди ссыльных был известный эсер Флориан Флорианович Федорович. После революции он останется в Сибири и сыграет ключевую роль в создании Политического центра, состоявшего из эсеров и меньшевиков, который возьмет власть в Иркутске после свержения адмирала Колчака.

В 1922 году Федоровича посадят на скамью подсудимых — на процессе эсеров, инспирированном чекистами, методично уничтожавшими партию социалистов-революционеров. Весь процесс построят на разоблачительных показаниях двух видных эсеров — Григория Ивановича Семенова, руководившего центральным боевым отрядом при ЦК партии социалистов-революционеров, и входившей в этот отряд Лидии Васильевны Коноплевой. Теперь раскрыты документы, из которых следует, что они оба были секретными агентами ГПУ (так стала называться ВЧК) и играли роль провокаторов.

Во время процесса Фрунзе придет к старому товарищу своего адъютанта — передать, что хотел бы повидаться. Принципиальный Флориан Федорович ответит, что должен спросить мнение однопартийцев. И откажется от встречи: искать заступничества у высокопоставленного товарища для него невозможно. После смерти Фрунзе он пожалеет, что упустил последнюю возможность повидаться...

Но мы забежали вперед.

В те годы Михаил Васильевич, как и многие другие социалисты, отошел от практической революционной деятельности. Недавние большевики занялись устройством личной жизни, они обзаводились семьями и находили работу. За этим стояло разочарование — первая русская революция закончилась неудачей. И мало кто верил, что очень скоро грянет вторая. Пользуясь этими настроениями, всего за несколько лет

царским спецслужбам удалось подавить подполье.

Главным орудием полиции стала осведомительная агентура. В этой армии добровольных доносчиков были случайные заявители, «штучники», были постоянные осведомители (большей частью дворники или горничные) и, наконец, «секретные сотрудники» — платные агенты полиции из числа самих революционеров. Фрунзе и его соратники пытались вычислить провокаторов.

«Когда задержанному грозила высылка в места не столь отдаленные, — вспоминал Александр Мартынов, сделавший большую карьеру в полиции, — являлась возможность склонить того или иного не особенно устойчивого марксиста — эсдека или эсера — к оказанию услуг правительству. Над такими покладистыми революционерами мы шутили словами Франца Мора из «Разбойников» Шиллера: «Бедняга не родился быть мучеником за веру!»».

Разные причины толкают человека к согласию доносить на бывших товарищей. Страх наказания — обыкновенно лишь одна из них. Другие: страсть к деньгам, тайная жажда власти, стремление повелевать окружающими и быть приближенными к сильным мира сего.

«Некоторых пугала тяжесть наказания, — писал генерал Александр Герасимов, — других соблазняли деньги, третьих на этот путь толкали личные антипатии против тех или иных революционеров... Особенно ценными были люди, которые искренне разочаровались в революционном движении».

К Фрунзе сексотов не подсылали, потому что он был социал-демократом. А самой опасной царская власть по-прежнему считала партию социалистов-революционеров, делавшую ставку на террор. Причем боевая организация партии действовала автономно — во имя конспирации. Но это социалистов-революционеров не спасло. После Григория Гершуни террористов возглавил Евгений Филиппович (Евно Фишелевич) Азеф, член ЦК партии эсеров и самый, пожалуй, крупный агент охранного отделения.

Потом, когда Азеф был разоблачен, многие революционеры, в том числе Фрунзе, пытались понять: как тому удалось обвести вокруг пальца опытных эсеров? Лев Троцкий писал в «Киевской мысли» об Азефе, размышляя, как же мог идеалист Гершуни довериться провокатору: «Плут всегда импонирует романтику. Романтик влюбляется в мелочный и пошлый практицизм плута, наделяя его прочими качествами от собственных избытков. Потому он и романтик, что создает для себя обстановку из воображаемых обстоятельств и воображаемых людей — по образу и подобию своему».

Азеф сам предложил свои услуги жандармскому управлению.

«Азеф, — считал Герасимов, — был наблюдательный человек и хороший знаток людей. Меня каждый раз поражало и богатство его памяти, и умение понимать мотивы поведения самых разнокалиберных людей, и вообще способность быстро ориентироваться в самых сложных и запутанных обстановках».

Обычно осведомителю не удавалось продержаться больше двух лет — его разоблачали. Азеф проработал на полицию 16 лет. При этом он был далеко не единственным, кто снабжал полицию информацией о планах революционеров.

«Окончившая Смольный институт Зинаида Федоровна Жученко по своим убеждениям была далека от революционных стремлений и согласилась пойти в секретную агентуру от любви к таинственности, риску, а отчасти авантюризму, — вспоминал Заварзин. — Жученко была полезнейшей сотрудницей Московского охранного отделения. На ней базировалась работа этого учреждения много лет, пока наконец она не была разоблачена».

Один из эмигрантов наблюдал ее в эмигрантской среде в Германии: «Жученко все любили за тихий нрав и преданность делу. Спокойный голос и разумные советы этой скромно одетой и гладко причесанной худощавой женщины с маленькими, желто-карими и слегка как будто косившими глазами часто улаживали семейно-партийные споры по устройству вечеров».

Окружающие ее сильно недооценивали. Она обожала музыку и оперу. Целью ее жизни было воспитать и поставить на ноги сына. Охранное отделение оказалось в трудной ситуации, когда эсеры поручили Жученко руководить убийством минского губернатора Павла Григорьевича Курлова (со временем он станет заместителем министра внутренних дел). Арестовать всю боевую группу — провалить агента. Но и позволить убить губернатора невозможно. Нашли такой выход. Жученко тайно привезла взрывное устройство в Московское охранное отделение, где его обезвредили, после чего она отдала бомбу исполнителю. В губернатора полетело совершенно безвредное устройство...

Еще одним крупным осведомителем среди эсеров был Николай Юрьевич Татаров, но он через год прокололся.

«Сын протоиерея варшавского кафедрального собора Татаров был выслан в Сибирь за организацию нелегальной типо-графин, — рассказывал генерал Герасимов. — Ему предложили довольно высокую сумму. Николай Татаров, в жажде денег и тяготясь ссылкой, выразил готовность поступить

на службу в полицию. Но анонимным письмом Татаров был разоблачен. Комиссия, созданная партией социалистов-революционеров, подвергла его перекрестному допросу. Татаров запутался в противоречиях, был пойман на лжи. В страхе неминуемой смерти он бежал в Варшаву и скрылся в квартире своего отца.

4 апреля 1906 года позвонили в дверь дома протоиерея Татарова. Старик открыл двери. Снаружи стоит какой-то человек и хочет говорить с Николаем.

— Моего сына здесь нет, — отвечает старик, — и с ним вообще говорить невозможно.

Тут выходит мать, а за нею сын. Без слов вынимает незнакомец револьвер и стреляет».

Сергей Зубатов внушал своим подчиненным — жандармским офицерам:

— Вы, господа, должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный шаг, и вы ее опозорите.

Но в мире спецслужб людей продавали и перепродавали. Татарова сдал тот, кто по долгу службы должен был заботиться о безопасности агентуры, — сотрудник полиции Леонид Петрович Меньшиков. В юности он состоял в народовольческом кружке. Его арестовали и предложили сотрудничать. Он позволил себя завербовать, но взглядов своих не переменил. Работая в особом отделе департамента полиции, оставался революционером. Он и сообщил эсерам о предательстве Азефа и Татарова.

Подозрения уже открыто подтвердил бывший начальник полиции Александр Лопухин. Он был сильно обижен на власть — всех директоров департамента полиции после отставки делали сенаторами, но не его...

Товарищи приговорили Азефа к смерти. Разоблаченный агент в полном отчаянии пришел на конспиративную квартиру генерала Герасимова в Петербурге: «Осунувшийся, бледный, со следами бессонных ночей на лице, он был похож на затравленного зверя. Революционные охотники, с которыми он так часто вел свою смелую игру, теперь шли по его собственным следам».

Подавленный Азеф, сидя в кресле, расплакался:

— Всю жизнь я прожил в вечной опасности, под постоянной угрозой. И вот теперь, когда я сам решил покончить со всей этой проклятой игрой, теперь меня убьют.

Некоторые осведомители сами мстили за свое унижение. Александр Алексеевич Петров был среди эсеров, арестованных в Саратове 1 января

1909 года.

«Вошел, прихрамывая, блондин лет тридцати, довольно приятной наружности, обросший в тюрьме редковатой бороденкой, — вспоминал жандарм. — Он объяснил, что несколько лет назад в Казани участвовал в покушении на жизнь командующего войсками Казанского военного округа, что его фамилия Воскресенский и что он при этом покушении был ранен осколком разорвавшейся бомбы в колено, затем ему удалось бежать за границу, где он лечился в госпитале и в санатории и где ему изготовили прекрасный протез, благодаря которому он сравнительно легко ходит, хотя и прихрамывая. Петров показал нам свой протез на ноге».

Петров согласился стать осведомителем. Его перевели в Петербург, где с ним работал полковник Карпов. Наняли для этого конспиративную квартиру. Карпов поручил своему агенту провести в квартире электропроводку. В нарушение правил работы с агентурой Петров получил право заходить в квартиру, когда там никого не было. Он заложил в диван, на котором обыкновенно устраивался жандармский полковник, взрывчатку, протянул провод через всю квартиру, а кнопку устроил с наружной стороны двери. Во время разговора с полковником Карповым Петров вышел как бы за папиросами — и нажал на кнопку. Незадачливый жандармский полковник взлетел на воздух.

В своем кругу Фрунзе и другие большевики говорили, что их бог миловал: среди них предателей нет. И ошибались.

Среди большевиков самым крупным осведомителем был Роман Вацлавович Малиновский. Его высоко ценил Ленин, сделал членом ЦК партии и депутатом Думы. Кто из большевиков мог предположить, что Малиновского завербовали после ареста?

Роман Малиновский родился в обедневшей дворянской семье. Жизнь у него была трудная. Когда разрешили профсоюзы, организаторская жилка сделала его, работавшего тогда токарем, секретарем крупнейшего в России союза металлистов. Его задержали в 1910 году в Москве за попытку создать нелегальную типографию. Завербовал его ротмистр Иванов, который заведовал социал-демократическим отделом Московского охранного отделения (это подробно описано в книге Исаака Розенталя «Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время»).

«При первом свидании я увидел прилично одетого рабочего, высокого роста, рыжеватого шатена с небольшими усами, с ликом скорее красивым, но слегка испорченным «рябинами», интеллигентски польского типа, — вспоминал жандармский офицер. — Малиновский производил впечатление заурядного фабричного рабочего, но из агентурных источников было

известно, что он смелый и бойкий митинговый оратор и видный деятель фракции. Было решено попытаться склонить Малиновского работать в качестве секретного сотрудника».

Ротмистр поставил арестованного перед обычным в таких случаях выбором: либо он соглашается сотрудничать с полицией, тогда дело прекращается и он немедленно выходит на свободу, либо его судят, в таком случае жена и дети остаются без средств к существованию. Стандартный вербовочный прием удался.

«На допросе Малиновскому дали понять, что убежденности в его поступках как большевика нет и что в нем сквозит деятель, толкаемый на революционную работу лишь авантюризмом его натуры, денежным расчетом и желанием обрести ореол борца за народную свободу. Ему было также указано на не совсем устойчивое его прошлое и преследование по суду за присвоение чужой собственности».

— Я предполагаю следующее, — вспоминал работавший с ним офицер, — у Малиновского было уголовное прошлое. В молодости он попался на какой-то краже, да еще со взломом. Это прошлое он тщательно скрывал. Но оно могло помешать ему выплыть на большую дорогу при огласке.

Допрос затянулся до утра. Наконец после долгого разговора Малиновский выразил согласие. И тут же вышел на свободу. Чтобы не вызвать подозрений, охранному отделению пришлось отпустить и остальных задержанных вместе с ним членов большевистской группы.

Малиновскому поначалу платили 125 рублей в месяц, дали псевдоним «Портной». И тут его полицейским кураторам невероятно повезло. Большевики хотели ввести в состав ЦК партии хотя бы одного реального рабочего и остановились на кандидатуре Малиновского. Ленину нужны были помимо подпольщиков люди, способные работать легально и привлекать к большевикам рабочие массы.

Избирательный закон предусматривал вхождение в Думу шести рабочих. Социал-демократы сумели провести Малиновского одним из шести. В 1913 году в Думе образовалась самостоятельная фракция большевиков, возглавить ее поручили Малиновскому как получившему широкую известность рабочему трибуну.

Когда Роман Вацлавович стал депутатом Думы, то получил новый псевдоним — «Икс». Член ЦК Малиновский был ценнейшим источником информации для полиции. Но депутат-большевик Малиновский произносил с думской трибуны такие речи, которые наносили серьезный ущерб царскому режиму. Фактически с санкции полиции — он свои

выступления показывал офицерам охранного отделения. Характерная черта спецслужб — ведомственный интерес важнее государственного...

В январе 1913 года заместителем министра внутренних дел был назначен Владимир Федорович Джунковский, бывший московский губернатор, имевший репутацию абсолютно порядочного человека. Он потребовал от своих подчиненных убрать Малиновского из Думы, чтобы не получалось, что секретный сотрудник произносит антиправительственные возмутительные речи. Он опасался скандала, который мог бы разразиться в случае разоблачения, и считал, что Малиновский приносит больше пользы большевикам, чем полиции. Осведомителю предложили пять тысяч отступного. Роман Вацлавович получил годовой оклад и уехал за границу.

После Февральской революции Чрезвычайная следственная комиссия, назначенная Временным правительством, обнаружила в полицейских архивах документы, подтверждавшие, что Малиновский был полицейским агентом по кличке «Портной». Фрунзе был потрясен открытием, как и другие большевики, хорошо знавшие Малиновского. После Октябрьской революции дело предателя рассматривал Революционный трибунал ВЦИКа, заседавший в Кремле. Судебное заседание продолжалось всего один день. Вечером недавнего члена ЦК Малиновского приговорили к смертной казни, ночью расстреляли...

Но мы опять заглянули вперед. А после первой русской революции основные кадры социалистических партий либо были арестованы, либо бежали из страны.

«Разоблачение агентов, — вспоминал занявший крупный пост в полиции Мартынов, — нанесло такой моральный удар по партии социалистов-революционеров и ее боевым конспиративным центрам, что они уже не смогли оправиться от него. Партия как таковая развалилась окончательно».

Охранные отделения остались без работы и стали ее себе придумывать. Генерал Джунковский увидел, что его подчиненные фальсифицируют дела: сами создают мнимые подпольные организации, а потом их ликвидируют, чтобы продемонстрировать эффективность своей работы.

«Одно время мода была такая — открывать тайные типографии, — возмущался Джунковский. — Сами устроят в охранном отделении типографию, а потом поймают и получают за это ордена. Вот относительно таких вещей я был немилосерден».

Начальник одного из жандармских управлений, ротмистр Леонид Николаевич Кременецкий, регулярно ставился в пример всему корпусу

жандармов: вот молодец, каждый год арестовывает три-четыре типографии! А для его сослуживцев не было секретом, что Кременецкий через своих агентов устраивал эти типографии, давал им шрифт и деньги.

Один из жандармов не выдержал и заявил публично:

— Я не арестовываю типографии, потому что у меня в городе их нет. А самому их ставить, как делает Кременецкий, и получать награды потом — не намерен...

УДАЧНЫЙ ПОБЕГ

В августе 1914 года началась Первая мировая война. Она разрушила четыре империи, стала катастрофой для Европы, послужила причиной нескольких революций и еще более кровавых войн. И как странно вспоминать сейчас, что тогда, в 1914-м, люди с радостью отправлялись на фронт, потому что они хотели воевать...

Первые залпы были восприняты в Европе как желанное избавление от гнетущей духоты нестерпимо долгого, затянувшегося исторического лета. В Германии патриотический подъем в 1914 году был таков, что говорили о горячке или «мобилизационном психозе».

— Вы вернетесь домой раньше, чем листья упадут с деревьев, — напутствовал кайзер Вильгельм II своих солдат.

А император Николай II 26 июля 1914 года в Зимнем дворце произнес речь, означавшую, что страна вступает в мировую войну:

— Германия, а затем Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к родине и преданности престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах и, думаю, в ваших речательством в том, что наша великая матушка Россия доведет ниспосланную Господом Богом войну до желанного конца... Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах земли своей, но боремся за единокровных и единоверных братьев-славян... Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете мне перенести испытания, и что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог земли Русской...

Произнося эту речь, последний российский император, конечно же, не подозревал, чем кончится война для страны, для него самого и всей его семьи.

Первая мировая поставила в тупик социалистов. Им полагалось выступать против войны, но как же отказаться от защиты отечества? Фрунзе тоже пребывал в состоянии неуверенности и растерянности (см.: Вопросы истории. 2000. № 8). Ленинские указания: «Война войне!» до него не дошли. Призывать к поражению собственного правительства, чего хотел Ленин, он не решался.

Михаил Васильевич верно оценивал серьезность и масштабность только что начавшейся войны в Европе: «Она, по моему мнению, внесет чрезвычайные изменения во всю русскую жизнь». Но не мог и предположить, что война породит революцию.

В августе 1915 года Михаил Васильевич бежал из ссылки. Из Манзурки ссыльнопоселенцев этапировали в Иркутск. В пути он незаметно исчез. Самостоятельно добрался до Иркутска. Здесь товарищи по подполью изготовили ему паспорт на имя Владимира Григорьевича Василенко. В царские времена у спецслужб было множество недочетов, которые большевики учтут после революции. Например, сравнительно легко подделывались любые документы, и при обычной проверке полиция даже не могла установить их подлинность. Единственная предосторожность, которую следовало соблюдать — и Фрунзе об этом помнил — не откровенничать в письмах.

Система перлюстрации писем действовала успешно.

«Многолетняя практика выработала у цензоров такой опыт, — вспоминал Павел Заварзин, начальник Московского охранного отделения, — что, основываясь на каких-то никому другому не уловимых признаках письма, они обнаруживали переписку с шифром, химическим текстом или условными знаками.

Когда письмо вызывало подозрение, оно вскрывалось специальной машинкой или на пару. Снималась копия, и оно вновь заклеивалось, так что адресат, получая его, и не подозревал, что содержимое письма известно властям. Письма с химическим текстом приходилось подвергать реактиву, поэтому по назначению оно не отправлялось... Простейший способ — написать текст лимонным соком или молоком, а чтобы его проявить, надо нагреть бумагу до начала ее обугливания или смазать полуторапроцентным раствором хлористой жидкости».

Фрунзе с документами на чужое имя уехал в Читу, где легализовался — получил место временного агента в справочном бюро статистического отдела губернского переселенческого управления. Здесь Михаил Васильевич познакомился со своей будущей женой Софией Алексеевной Поповой, дочкой народовольца, который, отбыв свой срок, обосновался в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ).

Фрунзе ездил по Забайкалью, собирал необходимые для статистических исследований данные, проводил анкетирование предпринимателей, составлял таблицы.

Писал с дороги своему начальнику Виктору Эдуардовичу Монтвиду: «Должен сознаться, что я не предполагал, что работа будет настолько утомительной. Встречается масса неудобств. При мало-мальски добросовестном отношении к делу приходится испытывать бездну тревог и хлопот. Как только имеешь дело с крупным предприятием, то сразу убеждаешься, как трудно получить за короткий срок

удовлетворительные сведения. У меня, большей частью, какое-то смутное недовольство получаемыми результатами».

Михаил Васильевич совершенно не опасался, что полиция установит, кто он такой. Стал писать в газеты. В «Забайкальском обозрении» опубликовал цикл «Писем о войне». Со знанием дела анализировал ход мировой войны. Эти статьи свидетельствуют о несомненном публицистическом даровании автора и о его очевидном интересе не только к чисто экономическим, но и к военно-политическим аспектам драматических событий, разворачивавшихся на Европейском континенте.

«Характер войны определился, — писал Фрунзе. — Война идет не на захват тех или других центров, а на истощение противников. Раньше всего проявилось это в тактике немцев, когда они начали обирать занятую их войсками Бельгию, облагая огромными контрибуциями города и провинции, торопясь использовать производительные силы побежденной страны для усиления своей военной мощи.

И стремление оставлять за собой при отступлении безлюдную пустыню и обугленные развалины как нельзя более соответствует характеру нынешней войны.

Задача сводится к тому, чтобы обеспечить себя всеми средствами борьбы до момента истощения сил противника. В чем же должно раньше всего сказаться это истощение? Поищем ответа на эти вопросы».

Фрунзе сразу подметил, что не было в мировой истории таких войн:

«Аэропланы, из заоблачной выси осыпающие бомбами людей... Субмарины, незаметно подплывающие к пароходу и пускающие его ко дну... 42-сантиметровые орудия... Удушливые газы... Блиндированные (бронированные. — Л. М.) автомобили... На этом человеческий гений не остановится. Придумают в ходе войны и новые, еще более грозные средства разрушения!»

Занятия статистикой дисциплинировали его ум. Статьи полны цифр и фактических данных, чем выгодно отличались от обычной публицистики. Подсчеты, сделанные Фрунзе, показывали, что силы Германии и Австро-Венгрии истощатся раньше, чем силы Антанты, ресурсы центральных держав меньше: «Германия живет на свои запасы, урезая до последней степени потребление. Длительное время такое существование невозможно. А потому хозяйственное истощение страны неизбежно. Но это не приведет к окончанию войны. Число убитых, раненых и взятых в плен наших противников огромно. И запас пушечного мяса у наших врагов в два раза меньше, чем у нас».

Но строить надежды на истощение личного состава не стоит, считал

Фрунзе. Он задавался вопросом: возможно ли заключение мира? И отвечал: «Еще недостаточно пролито крови. Еще недостаточно пало убитых. Слишком мало вдов и сирот в мире. Еще не зазубрилась коса смерти — и не пришло время кончать кровавую жатву».

Он предсказывал: «В момент окончательного истощения сил среднеевропейских держав Европа в целом будет разорена, государства будут на грани полного банкротства». И в значительной степени оказался прав. Война погубила экономику Германии. Проиграв Первую мировую, немцы станут винить в своем бедственном положении победителей, хотя финансовая катастрофа была следствием политики кайзеровского правительства. В Берлине финансировать войну решили не за счет повышения налогов, а путем печатания денег. Расплатиться за войну Германия рассчитывала, победив Антанту и потребовав от нее контрибуции, а получилось наоборот... Экономический кризис поможет нацистам прийти к власти.

Фрунзе тогда полагал, что «капитализм — лишь преходящая форма исторической жизни людей». И вот что его в этом убеждало: «Воюющая Европа избежала промышленного краха, который многие ожидали при начале всемирной войны. Но капиталистический строй принужден был в целях приспособления к условиям военного времени сдать целый ряд своих позиций. Частнопредпринимательский интерес, как регулятор производства, оказался никуда не годен. Капиталисты должны были уступить руководящую роль во всех областях хозяйства государственной власти».

Он исходил главным образом из опыта кайзеровской Германии: «Капитализм не нашел в себе сил и средств для того, чтобы перестроить хозяйство страны. В этом сказалось бессилие капитализма как системы хозяйства...капитализм превращается в свою противоположность. Создается крепкая и стройная система военно-государственной регламентации, вытесняющая старую систему свободной конкуренции. Эта система получила меткое название «военного социализма».

Фрунзе уверенно предсказывал: «Только слепцы могут думать, будто после войны Европа сможет вернуться к системе свободной конкуренции. Из военно-государственного социализма, на наших глазах расцветшего в Германии и пробивающего себе путь и в других странах, исчезнет специфически военный дух. Но новый принцип хозяйствования останется. Господство государственной власти над хозяйственными силами страны сохранится. На очередь станет вопрос: кому, какому классу должна принадлежать государственная власть?»

Михаил Васильевич сильно ошибался относительно будущего развития мировой экономики. Пройдя через суровые кризисы, капиталистическая экономика, свободное предпринимательство докажут свою жизнеспособность и эффективность. А вот попытки административного управления хозяйством не выдержат испытания временем.

Эти статьи Фрунзе военной эпохи ценны тем, что объясняют экономическую политику большевиков после того, как они взяли власть в Петрограде. Михаил Васильевич и его соратники уверились в том, что не рынок и не свободное предпринимательство, а прямое руководство промышленностью и сельским хозяйством со стороны государственного аппарата делает экономику успешной.

«Правительства, — прогнозировал Фрунзе, — превратятся в ответственных приказчиков финансового капитала. Министры будут работать на банкиров как служащие, приставленные к заведованию отдельными отраслями огромного хозяйства». Поэтому, считал будущий военный министр, прочный мир может быть установлен «лишь с переходом господства в руки пролетариата, мир, установленный до торжества пролетариата, будет непрочен».

НЕОЖИДАННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В Чите Фрунзе проработал полгода, потом перебрался в Москву, обосновался у друзей. Давние знакомые, еще по городу Верный, отдали ему документы своего пропавшего без вести на фронте сына — Михаила Александровича Михайлова. Он привык к этой фамилии, носил ее до самой революции. Чувствовал себя уверенно, полиции совершенно не опасался. Ему подыскивали хорошую работу — устроили статистиком от Всероссийского земского союза в Минске.

Земских деятелей называли цветом русской деловой интеллигенции. Земцы помогали правительству в снабжении действующей армии и организации ее тыла — создавали банно-прачечные отряды, пункты питания, пошивочные мастерские.

Обеспечение вооруженных сил всем необходимым оказалось для страны труднейшей задачей. Только через год после начала войны, 7 июня 1915 года, царское правительство учредило «Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения».

Семнадцатого августа эту структуру разделили на четыре: по обороне государства;

по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны;

по продовольственному делу;

по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов.

Государственного аппарата оказалось недостаточно для обеспечения вооруженных сил. IX Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли в конце мая 1915 года учредил военно-промышленные комитеты для содействия правительству «в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия». Они координировали производство более чем тысячи предприятий.

В свою очередь Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов (объединение местных органов самоуправления) образовали главный комитет земского и городского союзов («Земгор») по снабжению армии. Они совместными усилиями мобилизовали кустарную и местную промышленность.

В будущую столицу Белоруссии Фрунзе приехал в апреле 1916 года. Ему полагалась военная форма, но без знаков различия. Мундир надежно гарантировал бежавшему из ссылки отсутствие внимания со стороны полиции. В мае 1916 года он даже поступил на военную службу «охотником на правах вольноопределяющегося 1 разряда в 56-ю артиллерийскую бригаду». Это позволяло со временем рассчитывать на офицерские погоны.

Свои обязанности Михаил Васильевич выполнял на совесть. Начинал статистиком на пункте питания Ивенец, потом его поставили заведовать хозяйственным отделом Всероссийского земского союза при 10-й армии.

Он не без гордости писал сестре из Минска: «Я по службе преуспеваю. У меня под началом находятся, между прочим, и ваш брат — врачи. Так-то милая, «судьба играет человеком»!»

Но Фрунзе, конечно, не мог не заметить через год после начала войны, что воодушевление войск испарилось, наступательный порыв потух. Огромные армии увязли в позиционной войне. Многие стали терять веру в справедливое дело родины. Молодежь чувствовала себя удручающе — залитая кровью земля, гниющие на поле боя трупы, ядовитые газы, от которых нет спасения.

Двадцать второго апреля 1915 года в половине шестого вечера на реке Ипр облако удушливого газа накрыло французские позиции. Пострадали семь тысяч человек, 350 погибли. Две дивизии потеряли боеспособность, и в позициях французской армии образовалась брешь в несколько километров.

Созданием арсенала отравляющих газов Германия была обязана химику Фрицу Хаберу из берлинского института кайзера Вильгельма. Он опередил своих коллег из других стран, что позволило германской армии весной 1915 года устроить первую газовую атаку на Западном фронте.

Газовые атаки проводились обычно поздно вечером или перед рассветом, ведь в темноте нельзя заметить, что газовая атака началась. Снаряды, запропавшие газом, разрывались с характерным шипением. Но надеть противогазы солдаты не успевали. Они кричали от боли, задыхались и умирали в страшных муках.

Через год после атаки на Ипре англичане нагнали немцев по производству отравляющих веществ.

Страны Антанты маркировали химические боеприпасы цветными звездочками. «Красная звезда» — хлорин, «желтая звезда» — более мощное сочетание хлора и хлорпикрина. Часто использовали «белую звезду» — сочетание хлора и фосгена. Самыми страшными были

парализующие газы — синильная кислота и сульфид. Эти газы воздействовали на нервную систему, что приводило к смерти через несколько секунд. Последним в арсенал союзников поступил иприт, немцы именовали его «желтым крестом», потому что снаряды с этим газом помечались лотарингским крестом. Иприт известен как горчичный газ из-за своего запаха, напоминавшего горчицу или чеснок.

На фронте Фрунзе увидел, что война разрушает не только тела, но и психику солдат. Сначала сотни, потом тысячи, потом сотни тысяч становились инвалидами, не потеряв ни единой капли крови. Парализованные, утратившие координацию движений, слепые, глухие, немые, страдавшие тиком и тремором чередой шли через кабинеты психиатров. Страх перед войной, перед жизнью в траншее, перед артиллерийскими обстрелами, перед атаками врага породил страстное стремление бежать из окопов.

Но одновременно в солдатской среде появились пацифистские идеи, утопическая вера в достижение всеобщего мира, в братание, во всеобщее обновление, в возможность преобразования общества. Люди думали, что после окончания войны исчезнет ненависть и восторжествует всеобщее братство.

Долгая и кровопролитная война разрушила российскую армию. С лета 1914-го и до осени 1917 года было мобилизовано почти 16 миллионов человек. Из них почти 13 миллионов, то есть подавляющее большинство, были крестьяне, которые не понимали, за что они должны воевать. Введенный в стране «сухой» закон вызвал настоящие бунты, потому что мобилизованные в армию не могли устроить положенные проводы. Будущие солдаты в поисках спиртного громили магазины и склады и проклинали власть.

Армия понесла серьезные потери — убитыми, ранеными, попавшими в плен. Неудачи на фронтах, слухи о немецком заговоре в дворцовых кругах подрывали не только репутацию императора, но и боевой дух вооруженных сил. Николай II вступил в войну, руководствуясь сложными геостратегическими расчетами, а его солдаты, вчерашние крестьяне, думали о другом: передадут после войны крестьянам землю или нет? Никакие другие ценности, кроме земли, для крестьянина не имели значения. А из дома солдаты получали письма, в которых родители и жены жаловались на реквизиции хлеба, проводившиеся царским правительством, на то, что без мужчины невозможно прокормить семью...

Армия, как и большинство народа, прониклась ненавистью к императорской семье. В феврале 1917 года никто в Вооруженных силах

России и пальцем не пошевелил, чтобы спасти монархию.

Марксисты не зря говорили, что исход дела решат не теракты, не револьверы и не бомбы, а настроения людей:

— Химия взрывчатых веществ не может заменить массы.

После Февральской революции бывшие руководители царской политической полиции признавали, что допустили ошибку. Занимались почти исключительно вооруженным подпольем, а ситуацию в обществе некому было анализировать. Охранка искала боевиков-бомбистов, но не они представляли опасность для самодержавия.

«Организованное революционное подполье, — свидетельствовал Александр Мартынов, который к 1917 году возглавил охранное отделение в Москве, — представленное разрозненными и разбитыми ударами розыскных органов разными группами и отдельными партийцами, конечно, не могло организовать той катастрофы, которая вылилась в Февральскую революцию».

Революцию совершили не эсеры и не большевики. Департамент полиции, по мнению бывших жандармов, мало обращал внимания на партии, которые задавали тон в Думе, не изучали общественное мнение.

«Не успели, — сокрушались бывшие жандармы, — вовремя «переставить» секретную агентуру и не пытались бросить большие денежные ассигнования на подкуп крупных политических фигур».

Жандармы, пожалуй, напрасно кляли себя и свое начальство. Спецслужбы пытались сформировать нужные власти политические партии, поддерживали их, финансировали партийную печать.

«Вся деятельность Союза русского народа, — писал бывший начальник Петербургского охранного отделения генерал Герасимов, — и других монархических групп, созданных в это время, протекала под непосредственным руководством начальника политической части департамента полиции Рачковского.

Союз русского народа существовал на деньги, получаемые от правительства. Большие деньги отпустил Столыпин, но потом его отношения с Союзом начали портиться. Руководители отделов Союза русского народа были часто проворовавшиеся чиновники или исправники, изгнанные за взятки со службы, состоявшие под судом и следствием. Я составил справку и передал ее Столыпину. Он представил ее царю».

После убийства Столыпина правительство возглавил Владимир Николаевич Коковцов. Его информировали, что правительство щедро финансирует крайних националистов: и сам черносотенный Союз русского народа, и его лидеров — депутатов Думы Пуришкевича и Маркова 2-го.

Деньги на черносотенные газеты поступали из так называемого «рептильного фонда» Министерства внутренних дел. Коковцову, как выходцу из Министерства финансов, было жаль казенных денег.

«Я видел, — вспоминал Коковцов, — какую ничтожную пользу оказывали эти ассигнования, как пуста и бессодержательна была эта печать, и насколько бесцельны были неумелые попытки руководить через нее общественным мнением, никогда не считавшимся с ничтожными листками и прекрасно осведомленным о том, что они издаются на казенный счет и приносят пользу только тем, кто пристроился к ним».

При активной поддержке петербургского градоначальника Владимира Федоровича фон дер Лауница при Союзе русского народа была создана боевая дружина. По приказу Лауница ей выдали оружие. Но среди дружинников было немало людей с уголовным прошлым, о чем жандармский генерал Герасимов предупредил Лауница. Однако градоначальник стоял за них горой:

— Это настоящие русские люди.

Дружинники-патриоты устраивали мнимые обыски, во время которых просто крали ценные вещи. Но полиция получила указание Союз русского народа не трогать. Националисты знали, как влиять на Николая II.

«Императору нравились их хвалебные песнопения на тему о безграничной преданности ему народа, его несокрушимой мощи, колоссальном подъеме благосостояния, нуждающегося только в более широком отпуске денег», — вспоминал Коковцов.

«Вся наша революция, — провидчески писал бывший глава правительства граф Сергей Юльевич Витте, — произошла оттого, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах. А если оно этого не делает, а грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп».

Только самые дальновидные чиновники и жандармы понимали, что поддержка Союза русского народа и других крайних националистов — сигнал окраинам к восстанию и шаг к разрушению империи. Главным врагом России стала сама власть. Знаменитый фельетонист Аркадий Аверченко с горечью писал: «Какое-то сплошное безвыходное царство свинцовых голов, медных лбов и чугунных мозгов. Расцвет русской металлургии».

Последним руководителем царской полиции стал Алексей Тихонович Васильев.

«Прекрасный был человек, — иронически вспоминал один из его

подчиненных, — с сильной ленцой и пристрастием к товарищеским обедам и ужинам, за которыми он был остроумнейшим рассказчиком анекдотов. Рассказывал он их мастерски. При этом сам увлекался, посмеиваясь и с лукавым любопытством посматривая на собеседника».

В октябре 1916 года Васильева пригласила императрица. Главный полицейский империи успокоил Александру Федоровну:

— Революция совершенно невозможна в России. Конечно, есть среди населения определенное нервное напряжение из-за продолжающейся войны и тяжелого бремени, которое она вызвала, но народ доверяет царю и не думает о восстании.

К 1917 году самый знаменитый начальник московской охраны Сергей Васильевич Зубатов давно был не у дел.

«Зубатов несколько опустил, — вспоминали его коллеги, — и чувствовалось, что он относится к своей отставке как к несправедливой обиде. Сидя за столом, в кругу своей семьи, Зубатов узнал о начавшейся в Петербурге революции лишь на третий день, когда она докатилась до Москвы. Задумавшись на один момент, он встал и прошел в свой кабинет, откуда тотчас же раздался выстрел, и Зубатова не стало».

Тогдашний начальник Московского охранного отделения Александр Павлович Мартынов немедленно перешел на сторону новой власти: «Я распорядился, чтобы все арестованные были освобождены... Невероятное ослепление, в котором находилась старая власть, не умевшая слушать докладов, которые ей неоднократно делали, указывавших и на падение престижа династии, и на всеобщее негодование, ставило в невозможное положение службу при этом режиме».

Заключенных выпускали повсюду. В Минске об этом распорядился Фрунзе. Февральская революция изменила его жизнь. Скромный армейский хозяйственник превратился в крупную политическую фигуру.

Четвертого марта 1917 года приказом гражданского коменданта Минска служащий Всероссийского земского союза М. А. Михайлов (Фрунзе всё еще пользовался чужими документами) был назначен первым начальником городской милиции. Михаил Васильевич распорядился разоружить полицейских и жандармов — они и не сопротивлялись — и выпустить из тюрьмы — Пицаловского замка — политических заключенных.

Это сейчас некоторым историкам кажется, что Февральская революция произошла как-то случайно, чего никто не ожидал. На самом деле ее ждали и встретили восторженно. Временное правительство, образованное Государственной думой, возглавил князь Георгий Евгеньевич Львов. В

начале войны его избрали главноуполномоченным Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Львов был человеком уважаемым, но принято считать, что ему недоставало командных качеств.

Пятого марта 1917 года князь Львов разослал по телеграфу циркулярное распоряжение — «устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей». Власть следовало передать председателям губернских земских управ в качестве правительственных комиссаров.

— Назначать никого правительство не будет, — сказал журналистам князь Львов. — Это вопрос старой психологии. Такие вопросы должны решаться не в центре, а самим населением. Пусть на местах сами выберут.

Мера была, по мнению многих политиков, необдуманная. Исчезновение вертикали власти привело к хаосу. Люди не были готовы к самоорганизации и устройству жизни на новых началах. В результате власть в стране исчезла, как исчезла полиция. Власть брал тот, кто мог. Винтовка рождала власть. И кровь. Но Львов не хотел в этом участвовать. Первый состав Временного правительства в мае 1917-го опубликовал декларацию: «Основною политического управления страной Временное правительство избрало не принуждение и насилие, но добровольное подчинение свободных граждан... Временным правительством не было пролито ни капли народной крови».

Руководители Временного правительства искренне говорили:

— Мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободные, избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих доверия. Господа, власть берется в эти дни не из сладости власти. Это — не награда и не удовольствие, а заслуга и жертва.

Февральская революция и по сей день считается всего лишь прелюдией Октября. Но именно Февраль избавил страну от архаичной системы управления. Временное правительство объявило амнистию по всем делам политическим и религиозным, свободу союзов, печати, слова, собраний и стачек. Отменило все сословные, вероисповедные и национальные ограничения. Стало готовиться к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое должно было установить форму правления и принять конституцию страны.

Но Временное правительство сразу же оказалось под огнем яростной критики со всех сторон. Это была первая власть в России, которая позволяла себя как угодно оценивать — и не карала за это. И все те, кто

еще недавно, при царе, видя даже самые большие безобразия, испуганно помалкивал, теперь разносили новых руководителей страны в пух и прах.

И Фрунзе в Минске тоже обрушился на Временное правительство. И за что же?

«Свобода слова и печати урезаны, — писал он. — Стеснена, а частью прямо уничтожена свобода собраний. Введена смертная казнь».

Наверное, тогда Михаил Васильевич был искренен в своем возмущении. Но очень скоро его собственная партия полностью уничтожит все эти свободы, и это нисколько не смутит Фрунзе. А смертная казнь станет повседневным методом расправы с политическими противниками.

Михаила Васильевича избрали членом Минского совета рабочих депутатов и утвердили руководителем фракции большевиков. В конце августа 1917 года он писал сестре: «Ты зовешь меня. Голубка, я и сам бы хотел, но это сейчас невозможно. Я же связан и службой, и рядом дел общественных. При первой же возможности постараюсь приехать».

Большевики были в оппозиции. Что Фрунзе требовал тогда от Временного правительства?

«Оно обязано немедленно взять в свои руки не только нормирование цен и распределение продуктов по всей стране. Закрывать целый ряд предприятий, выделяющих предметы роскоши для забавы богатых людей; здания же и машины обратить на выделку того, что нужно всему народу. Объявить всеобщую трудовую повинность. Никто не должен теперь шлаться без дела; всех на землю, фабрики, заводы, конторы. Взять в руки государства те предприятия, от которых особенно зависит благополучие страны».

Его примитивные представления об устройстве жизни, в том числе экономические, скоро станут практической политикой большевиков и приведут к полному развалу народного хозяйства страны...

Впрочем, летом 1917 года его позиции были далеки от ленинских. Владимир Ильич, ощутив, что солдаты желают мира любой ценой, требовал скорейшего окончания войны с Германией. В прифронтовом городе думали иначе. Михаил Фрунзе писал в минской газете «Звезда»: «Задача революционной армии — остановить натиск германских войск. Не место теперь никаким сомнениям и колебаниям в ее рядах. Каждый солдат, идя ныне в бой, должен понять, что иначе поступать он не может, не подвергая гибели нашу и международную революцию... Мы никогда не были пораженцами, как это пытаются представить наши враги... Спасая фронт, мы спасаем и нашу, и международную революцию».

ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ, ИЛИ ГЛОТОК СВОБОДЫ В СГОРЕВШЕМ ГОРОДЕ

Фрунзе не остался в Минске. Сначала поехал в Петроград на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Потом несколько раз еще возвращался в Минск, пока окончательно не перебрался в те края, где он участвовал в первой русской революции и где его хорошо помнили партийные товарищи.

Здесь и началась его большая политическая карьера. В сентябре 1917 года Фрунзе избрали председателем Шуйского уездного Совета и уездным комиссаром юстиции. Тогда большевики старались легальным образом утвердиться в местных органах власти, так что его избрали еще и председателем уездной земской управы и городской думы. Словом, вся власть сконцентрировалась в его руках.

«В самом Иваново-Вознесенске, — вспоминал Михаил Васильевич, — господство в Советах принадлежало безраздельно нашей партии, не имевшей никаких сколько-нибудь серьезных политических конкурентов. Несколько хуже дело обстояло в Шуе, где довольно сильно сказывалось влияние социалистов-революционеров, успевших прочно осесть в Совете крестьянских депутатов.

Помимо своего промышленного значения Шуя являлась довольно крупным военным центром, так как в ней были расквартированы около тысячи солдат и офицеров. Шла неустанная работа в гарнизоне, в результате которой фактическими руководителями гарнизона были полковые комитеты, которые были целиком в руках нашей партии».

Февраль был праздником избавления от власти, которая так надоела и опротивела всем. Люди, которых никто не выбирал, которые сами себя назначали на высокие должности и высокомерно взирали на народ, вдруг обнаружили, что их ненавидят и презирают.

А дальше начались революционные будни. Надо устраивать жизнь по-новому. А как? Считалось, что освобождение России от царского гнета само по себе вызовет энтузиазм в стране. Но выяснилось, что нет привычки к самоорганизации. В стране всегда существовала только вертикаль власти, но не было горизонтальных связей. Люди не привыкли договариваться между собой — ведь всё решало начальство. Не было привычки принимать

во внимание интересы других. Господствовала нетерпимость к иному мнению. Компромисс — презируемое слово.

Всё, что делалось после Февраля, делалось слишком поздно, слишком медленно, слишком половинчато. Упущения и ошибки складывались и умножались, под их бременем республика пала. Временному правительству не хватало авторитета. Общество так быстро устало от бесконечных раздоров, уличных демонстраций, нищеты и нехватки продовольствия, что жаждало передать власть тем, кто вернул бы стране порядок и благополучие.

Эпоха Февраля была слишком короткой, чтобы демократические традиции укоренились. Для этого требуются не месяцы, а десятилетия. К Октябрю 1917-го все были подавлены, измучены, истощены. Страна не выдержала испытания свободой.

Двадцать пятого октября 1917 года Фрунзе созвал у себя в городе чрезвычайное заседание Совета, объявил о перевороте в Петрограде и о переходе государственной власти к большевикам.

«Не помню ни одного случая протеста или недовольства, — рассказывал Михаил Васильевич. — Все противники переворота из числа интеллигенции и городского мещанства не могли бы слова сказать против при том настроении, какое имело место в народе. Разумеется, переворот произошел без пролития капли крови, без единого выстрела».

Фрунзе провел собрание офицеров местного гарнизона. Объявил им о государственном перевороте и предложил всем принять присягу советской власти. Тем, кто отказался, рекомендовал подать в отставку, гарантировал им полную безопасность. Почти все офицеры присягнули большевикам.

Тридцать первого октября Фрунзе поехал в Москву, чтобы понять, как действовать дальше. Добрался до бывшего генерал-губернаторского дома на Тверской улице, где разместился военно-революционный комитет. Но всем было не до него — еще шли бои.

«Тверская улица по направлению к Кремлю была пересечена окопом, — вспоминал Михаил Васильевич. — Позади окопа стояла трехдюймовая пушка».

Он вознамерился лично принять участие в сражении за город, который в отличие от Петрограда не желал без сопротивления сдаваться большевикам. Присоединился к отряду красногвардейцев.

«При выходе на Петровку перестраиваемся и двигаемся узкой лентой в два ряда по тротуару. Вдруг где-то близко раздается выстрел. Весь наш отряд испуганно шарахается в сторону, причем некоторые по неопытности задевают прикладами, а порой и штыками своих соседей, и до меня

доносится злобная ругань. Раздается еще несколько беспорядочных выстрелов. Всматриваюсь в окна, стараясь узнать, откуда стреляют. Никого не видно. Вдруг слышу шипящий от злобы голос нашего начальника:

— Прекратите пальбу, идиоты.

Стрельба прекратилась. Оказывается, тревога поднялась из-за выстрела, нечаянно сделанного одним из наших красногвардейцев. Двигаемся дальше. Подходим к Большому театру. Здесь расположен перевязочный пункт; со стороны «Метрополя» тащат носилки с ранеными. Скапливаемся против здания «Метрополя». Задача выбить противника из «Метрополя». С кремлевских стен и здания городской думы противник развивает бешеный огонь, непрерывно стреляет пулемет и трещат оружейные выстрелы.

Врываемся в здание. Белых уже нет. Побродив по коридору, присел на подоконник отдохнуть. В ушах всё еще треск выстрелов; закрыл глаза, и показалось, что всё происходящее — какой-то сон. Вспоминаю, что мне надо ехать, и иду обратно к штабу. Между прочим, меня никто не спросил, кто я. У штаба пленные — большинство студенты, затем офицеры, юнкера».

Здесь Фрунзе свел знакомство с Николаем Ивановичем Мураловым, который вскоре примет под командование Московский военный округ.

Александр Яковлевич Аросев (отец популярной актрисы Театра сатиры), член Военно-революционного комитета в Москве, вспоминал: «Рядом со мной на диване Аркадий Павлович Розенгольц (будущий член РВС Республики. — Л. М.), наклонившись к моему плечу, тихо, устало и по-дружески сказал:

— Надо будет заготовить приказ, что Муралов назначается командиром... или нет, комиссаром округа.

— Комиссаром или командующим? — спросил я.

— Комиссаром округа, но это и значит командующим.

Написал. Барышня на машинке отхлопала этот приказ. Потом его голосовали, и Муралов стал не Муралов, а командующий округом. Через час Муралов стоял уже во дворе Совета возле автомобилей. Вокруг него стояли несколько товарищей. Все мы толкались в ожидании автомобилей.

Муралов будто от нечего делать, ткнув пальцем в сторону Лопашева, спросил:

— Ну, вы какую должность будете нести?

— А там, кажется, есть должность «дежурный генерал», — сказал кто-то.

— Ха-ха-ха, «дежурный генерал», — весело хохотали все.

— Ну, ладно, — заключил Муралов, — вы будете дежурным генералом.

И поехали мы на двух автомобилях в Александровское училище, а оттуда в штаб».

В Петрограде взятие власти практически обошлось без крови. Москвичи сопротивлялись. Большевики стреляли по Кремлю, гибли люди. Новая власть жестоко подавила сопротивление. Наиболее чувствительные большевики были шокированы. Но не Фрунзе.

В марте 1918 года он управлял уже не одним городом, а крупной областью. Михаила Васильевича избрали председателем Иваново-Вознесенского губернского исполкома, затем еще и председателем губернского совета народного хозяйства. Собственно говоря, сама Иваново-Вознесенская губерния (ныне Ивановская область) появилась на карте России стараниями Фрунзе.

На него обрушился груз хозяйственных проблем — в стране, где экономика разрушалась на глазах. Советской власти требовалось много денег. Деньги забирали так же, как взяли власть, — силой.

Совнарком объявил государственную монополию на банковское дело. Частные банки были национализированы. 14 декабря 1917 года вместе с декретом о национализации банков ВЦИК, законодательный орган советской власти, принял декрет о ревизии сейфов. В газетах печатались номера сейфов, которые подлежали проверке в присутствии владельцев. Если они не являлись, сейфы вскрывали, содержимое передавалось в доход государству. Конфискации подлежали: золото в слитках и монетах, платина, серебро и валюта. Забирали также ювелирные изделия, ценные бумаги и наличные деньги. Оставляли владельцам не больше десяти тысяч рублей, с которых еще требовали заплатить налог.

Местные Советы, в свою очередь, требовали денег от Совнаркома. В том числе Фрунзе — для Иваново-Вознесенска.

Правительство приняло решение: «Предложить Советам самим изыскивать средства путем налогов, обложений имущих классов и проч. Совет народных комиссаров обращает внимание всех местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на то, что они в качестве власти на местах обладают также и налоговыми правами...»

Иначе говоря, Фрунзе получил полное право собирать с населения любые средства. Большевики наделили местные советы правом конфисковывать предприятия «саботажников». Что такое саботаж применительно к производителям? Отказ от работы себе в убыток. Совершенно естественное поведение трактовалось как контрреволюция и

саботаж.

Целые заседания Совнаркома посвящались принятию решений о конфискации заводов, фабрик, рудников, нефтяных промыслов... Большевики твердо взяли курс на административно-плановую экономику без частной собственности. Национализация и введение военного коммунизма привели к самому крупному крушению экономики в истории. Промышленное производство обвалилось, население побежало из городов.

Фрунзе национализировал у себя в губернии банки и заводы, устраивал первые коммуны и реквизировал зерно в деревнях, потому что нормальная торговля прекратилась и города стали голодать. Подписал воззвание: «Чтобы получить хлеб, нужны единая воля, единая цель. Наиболее самоотверженные работники уже откликнулись на призыв и двинули вооруженные отряды за хлебом».

Что это означало на деле?

Начальник Управления распределения Наркомата продовольствия Андрей Януарьевич Вышинский (будущий прокурор СССР) выступал на первом Всероссийском совещании распределительных комитетов:

— Ныне в деле распределения не приходится руководствоваться общечеловеческим принципом справедливости... Мы переходим от принципа уравнительного распределения к принципу классового распределения.

Вышинский процитировал, как он выразился, «афористично меткое высказывание товарища Зиновьева» — главы советской власти в Петрограде:

— Мы даем рабочим селедку и оставляем буржуазии селедочный хвостик.

Большевики сломали государственный механизм, отменили законы и судебную систему. Фрунзе издевался над теми, кого это испугало: ««Совет народных комиссаров уничтожил суды, стране угрожает анархия и царство кулака!» — вопит буржуазия. Да, старые суды уничтожены, но на их месте должны быть созданы новые, народные. И так во всём остальном. Не станем скрывать, в процессе этой работы часто делается ненужное, а подчас и вредное, нередко совершаются жестокости. Но в основе этой глубокой, небывалой на земле работы — сдвиг всех общественно-экономических отношений. Из того кажущегося хаоса, который являет сейчас наша родина, родится новая Россия, более прекрасная и человечная, чем какая-либо иная страна».

Михаил Васильевич проявил себя умелым советским администратором, для которого главная задача — выбить для своей области

средства и ресурсы. Связи и личные отношения играли ключевую роль. 20 декабря 1917 года он писал из Петрограда своему заместителю в Шуйской уездной управе Ивану Гавриловичу Храмову, что добыл в Госбанке необходимые городу деньги:

«Дело всё же в шляпе!

Но если бы Вы знали, каких трудов это стоило! Ведь в каждом учреждении не только приходилось отстоять самое право на заем, но и составить бумаги и перепечатать и пр., ибо ничто еще не было налажено. Нам с Любимовым разрешалось это делать исключительно ввиду личного доверия».

Исидор Евстигнеевич Любимов был другом и соратником Фрунзе. Весной 1917 года Любимов был избран заместителем председателя Минского совета рабочих и солдатских депутатов, а в ноябре 1917 года возглавил Иваново-Вознесенский горисполком.

Михаилу Васильевичу доставало энергии и воли добиваться своего, когда государственный механизм практически не работал.

«Мне пришлось зайти в комиссариат продовольствия к товарищу Шлихтеру, — рассказывал Фрунзе. — Огромное здание бывшего Мариинского дворца. Нигде никого нет. Везде пусто. Только изредка мелькнет в углу испуганная фигура. У первого встретившегося солдата спрашиваю: «Где нарком Шлихтер и замнаркома Мануильский?»

Захожу в комнату. Как сейчас помню. Товарищ Мануильский, заложив руки в карманы, похаживая и посвистывая, ходит из угла в угол. Мы составили с ним необходимую мне бумажку. Но ведь нужно перепечатать и нужно приложить печать. Захожу в соседнюю комнату. Сидит машинистка и тыкает пальцами — раз, два, три. Я говорю:

— Товарищ, пожалуйста, перепечатайте мне эту бумажку.

А она мне отвечает:

— Товарищ, вы мне мешаете работать.

Вот каков был тогда наш советский «аппарат».

Упомянутый Михаилом Васильевичем старый большевик Александр Григорьевич Шлихтер в свое время учился на математическом факультете, затем на медицинском; после революции он был утвержден наркомом земледелия, а в ноябре 1917 года — наркомом продовольствия. Дмитрий Захарович Мануильский всего несколько месяцев проработал в этом наркомате — до того, как его командировали на Украину.

Фрунзе оставил неплохую память о себе в городе, заманив в Иваново-Вознесенск именитое учебное заведение — Рижский политехнический институт. Еще в 1915 году его эвакуировали из Риги, к которой

приближались немецкие войска. Но устроить институт на новом месте не смогли. Он застрял в Москве, где для него не нашлось достойного помещения. Всё имущество так и оставалось в вагонах.

Третьего мая 1918 года Фрунзе писал ректору института академику Паулю Вальдену (на русский манер его именовали Павел Иванович): «Предлагаем перевести вас в Иваново-Вознесенск, центр большого промышленного района. Город и район окажут широкое содействие. Помещения для размещения института имеются. Выясняем размеры возможной финансовой помощи».

Фрунзе добился своего. Совнарком 10 августа 1918 года принял решение «Об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института». Осенью начались занятия, но Михаил Васильевич уже покинул город.

Фрунзе в Первую мировую не стал офицером, но в нем проснулся интерес к военным делам. После революции он сразу заговорил о том, что советской власти нужна своя армия. В апреле 1918 года писал: «Если народ хочет жить, хочет улучшить свой быт, он должен заставить себя уважать. А для этого нужна вооруженная сила. Не та сила, которую представляла из себя наша Красная гвардия, часто недисциплинированная, не обладающая сознанием долга перед страной и революцией, и не те разрозненные, партизанские отряды, которые могут храбро погибать, но не спасать положение. Необходима организованная, дисциплинированная, технически хорошо обставленная сила».

Однако же вполне возможно, что Михаил Васильевич никогда бы не надел военную форму, если бы летом 1918 года одновременно с восстанием левых эсеров в Москве не вспыхнул и мятеж в соседнем Ярославле, который самым неожиданным образом изменил жизненную траекторию Фрунзе.

На Леонтьевском кладбище, неподалеку от железнодорожной станции Всполье, в ночь с 5 на 6 июля 1918 года собралось около ста бывших офицеров царской армии. Это были участники заговора. Рядом с кладбищем находились артиллерийские склады. Помощник начальника складов тоже входил в подпольную организацию, поэтому караул не сопротивлялся. Офицеры забрали пулеметы, винтовки, патроны. Нашли даже несколько орудий. Восставших поддержал броневомобиль под названием «Добрыня Никитич».

Заговорщики заняли город без боя. Утром 6 июля 1918 года горожане приветствовали офицеров криками «ура» и бросанием вверх шапок. Никто не встал на защиту большевиков. Началась Гражданская война. В стране —

хаос. Люди пребывали в растерянности. Не знали, на кого надеяться и кого поддерживать. Власть валялась под ногами. Надо было только нагнуться, чтобы ее подобрать. Или, точнее, взять винтовку, чтобы захватить власть и заставить людей подчиниться.

Всех поразила легкость, с которой большевики утратили власть над крупным городом, находящимся всего в нескольких часах езды от Москвы. Ярославль стоит на Волге, через него проходит важная железная дорога. Поэтому город называют северными ключами к Москве. Если сравнительно небольшая группа офицеров под аплодисменты народа берет власть в крупном губернском городе, то, может быть, дни большевиков в России сочтены?

Руководил заговорщиками бывший полковник царской армии Александр Петрович Перхуров. Он объявил себя командующим вооруженными силами Ярославского района Северной добровольческой армии. В городе расклеивали подписанную им листовку:

«Граждане! Власть большевиков свергнута. Те, кто несколько месяцев назад обманом захватил власть и затем путем неслыханных насилий и издевательств над здоровой волей народа держал ее в своих руках, те, кто привел народ к голоду и безработице, восстановил брата на брата, разделил по карманам народную казну, — теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия.

Мы действуем вместе с Сибирским и Самарским правительством и подчиняемся общему главнокомандующему — старому генералу Алексееву. Северной Армией командует старый революционер Борис Савинков. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилия — и предатели, засевшие в Кремле, разорившие страну и морящие народ голодом, будут сметены с лица русской земли...»

Арестованных большевиков держали в плавучей тюрьме — на барже с дровами, которая стояла на Волге. Сразу убили двоих: председателя исполкома Ярославского совета Давида Закгейма и комиссара Ярославского военного округа Семена Нахимсона — как большевиков и как евреев.

Нахимсона арестовали и бросили в каземат. С ним сидел большевик Петр Филиппович Путков. Он рассказывал: «Спустя час входит офицер: «Выходи, еврейская морда, твоя жизнь кончена». Нахимсона вывели во двор и расстреляли во дворе милиции, в садике». Труп Закгейма выволокли на Духовскую улицу, где, как вспоминали ярославцы, «он в течение нескольких дней валялся и служил предметом издевательств проходивших мимо хулиганов и черносотенцев. Когда труп окончательно разложился, его сбросили в канаву».

Штаб Перхурова разместился в конторе государственного банка.

Заведующий охраной банка вспоминал: «Как только заняли учреждение, стали ввозить продовольствие: бочки с селедками, черной икрой, маслом, ящики с колбасой, сахаром, с конфетами, чаем, кофе, табаком».

На верхнем этаже устроили телефонную станцию. Перхуров занял кабинет управляющего на втором этаже, но через несколько дней из-за обстрелов перебрался на нижний этаж. Рядом устроился его заместитель генерал-лейтенант Петр Петрович Карпов.

Смена власти приободрила всех, кто уже пострадал от революции, в первую очередь профессиональных военных.

«Я тотчас отправился в штаб Добровольческой армии, — вспоминал бывший полковник Петр Фомич Злуницын. — По дороге встретил знакомую певицу — артистку Барковскую. Она очень обрадовалась мне:

— Вы какими судьбами, Петр Фомич? Вот и отлично! Поможете нам большевиков бить. Мы так много слышали о храбрости вашего полка. Пойдемте в штаб.

По дороге Барковская рассказала, как город оказался во власти восставших. Она была в близких отношениях со всеми политкомиссарами и красными командирами. По ее предложению в день восстания был устроен ужин, на котором присутствовало много женщин и коммунистического начальства. К ночи все перепились, и переловить их не представляло затруднения...»

Эпизод с вечеринкой — байка. Но молодая, красивая женщина в кожаной куртке, с револьвером у пояса запомнилась многим ярославцам, пережившим восстание!

Валентина Николаевна Барковская играла в Интимном театре, появившемся в городе как раз летом 1918 года. Это не кабаре со стриптизом, ничего эротического, камерный театр, театр миниатюр для ценителей искусства. А еще Барковская открыла при театре свой салон. Это была решительная женщина с авантюрной жилкой, что так привлекает мужчин.

«В Севастополе я познакомилась с Дмитрием Васильевичем Ботельманом, — рассказывала Валентина Николаевна. — Он был молодой поручик, только что вернувшийся с японской войны. Мы полюбили друг друга. Муж по моему настоянию освободился от военной службы и тоже пошел на сцену. До начала мировой войны мы играли в разных городах в России... После объявления войны мой муж был призван на военную службу. Но он был тяжело ранен и освобожден от воинской повинности. После полного выздоровления опять поступил на сцену... Мы подписали

контракт в Ярославле в Интимный театр на три месяца, считая со второго дня Пасхи...»

Вот уж ей ярославское восстание показалось увлекательным приключением. Валентина Барковская ощущала себя в восставшем городе как на огромной сцене.

«В коридоре штаба меня представили полковнику Перхурову, — вспоминала Барковская. — Он просил поскорее, распорядиться чаем и куда-нибудь, до прибытия сестер, поместить раненых. Раненых мы поместили в одну из комнат на столах, потом появились сестры и доктор, которые ими занялись, а ко мне подбежал офицер и сказал, что полковник приказывает отправиться в хлебную лавку и немедленно принести хлеба. Вслед за хлебом меня послали на двор гимназии, где находился вещевого склад, присмотреть, как отбирают для солдат шинели, чтобы не раскрали. Так совершенно незаметно для меня самой навалилась на меня и эта работа...»

Барковская всегда мечтала о главной роли. И она ее получила — в драме, которую придумал знаменитый революционер Борис Викторович Савинков. Вождь боевой организации партии эсеров и фактический руководитель военного министерства во Временном правительстве, Савинков вел с большевиками свою личную войну.

«Я буду бороться, пока стою на ногах, — писал Савинков за полгода до восстания в Ярославле. — Бороться за Россию. Пусть «товарищи» называют меня «изменником» и «продавшимся буржуазии». Я верю, что единственная надежда — вооруженная борьба. И надежды этой я не оставлю».

Борис Савинков с его бешеной энергией, с его даром убеждать, с его почти дьявольским обаянием взялся организовать антибольшевистское восстание.

«В начале марта 1918 года, — вспоминал Савинков, — кроме небольшой Добровольческой армии в России не было никакой организованной силы, способной бороться против большевиков. В Петрограде и Москве царили уныние и голод. Казалось, страна подчинилась большевикам».

В Москве, под боком у ВЧК, Савинков создал тайную организацию «Союз защиты Родины и Свободы». Завербовал в нее две тысячи человек и намеревался поднять восстание сразу в нескольких городах. «В июне 1918 года, — вспоминал Савинков, — был выработан окончательный план вооруженного выступления. Предполагалось: в Москве убить Ленина и Троцкого и одновременно выступить в Рыбинске и Ярославле, чтобы

отрезать столицу от Архангельска, где должен был высадиться десант союзников...»

Савинков взял себе в помощники полковника Перхурова. Он окончил Академию Генерального штаба, прошел Первую мировую, командовал артиллерийским дивизионом на Северном фронте. В декабре 1917 года офицерские звания отменили. Ставший рядовым солдатом Перхуров по возрасту подлежал демобилизации.

«Семью я застал в плохом положении, — рассказывал Перхуров, — жена потеряла зрение, сын маленький. Была надежда на дочь, которая служила на Содовом заводе, но ее уволили как дочь офицера. Самому найти работу — бывшему полковнику — было невозможно. Поехал в Москву. Полковники Троицкий и Григорьев поступили в артель по разгрузке шпал. Хотел туда пристроиться...

Когда в конце семнадцатого я был выброшен за борт, я столкнулся с действительной жизнью людей: сплошные жалобы, плач, когда отбирают последнее. На станциях видел сценки, когда забирали последние два-три пуда. Видел женщину, которая сошла под поезд с криком: «Если отобрали хлеб, кормите моих детей». Я решил встать на сторону недовольных. Люди, у которых отбирают хлеб, имеют право протестовать...»

Полковника Перхурова Савинков отправил в Ярославль. «Мы получили сведения, — вспоминал Перхуров, — что в Верхнем Поволжье население изнывает под бременем реквизиций, разверсток, голодает — купить хлеба нельзя, словом, готово выступить против Советской власти с колями и дрекольями».

Савинков напутствовал полковника: продержитесь всего четыре дня. Скоро подоспеют союзники — солдаты стран Антанты. Так рождался миф о союзных армиях, спешащих на помощь белым. В это хотелось верить, и верили.

«Французы, — рассказывал Перхуров, — обещали высадить десант, который поможет и в борьбе против Германии, и в устройстве нашей внутренней жизни... Они назначили срок высадки между 4 и 8 июля...»

Савинков легко давал обещания и не считал грехом ложь во спасение.

«Я не надеялся на удачу в Ярославле, — признавался Савинков. — Зато был уверен, что мы без особого труда овладеем Рыбинском. В Рыбинске наше тайное общество насчитывало до четырехсот отборных офицеров, большевистский же гарнизон был немногочислен. В Ярославле соотношение сил было гораздо хуже... Как это часто бывает, произошло обратное тому, чего мы ждали. В Рыбинске восстание было раздавлено. Я послал офицера предупредить Перхурова, что в этих условиях

бессмысленно выступать в Ярославле. Офицер не успел. Перхуров уже поднял восстание...»

Иначе говоря, восстание было обречено с первого дня. Никто не придет на помощь мятежному городу. Тем более французская армия. Но ни полковник Перхуров, ни его офицеры об этом не подозревали, пребывали в эйфории, поскольку еще и пришла весть о восстании левых эсеров в самой Москве.

Брестский договор, с одной стороны, спас правительство большевиков, с другой — настроил против них пол-России. Мир с Германией на невыгодных условиях вызвал массовое возмущение, в первую очередь кадрового офицерства, которое восприняло его как позор и предательство. Но мир не приняли и многие большевики, и особенно их единственные союзники — левые эсеры.

Против ратификации договора с немцами был и Фрунзе. Но при голосовании на чрезвычайном IV съезде Советов воздержался, не посмев выступить против Ленина. А левые эсеры проголосовали против ратификации мирного договора. Наркомы от партии левых эсеров вышли из правительства. Левые эсеры провели свой съезд и потребовали расторжения Брестского договора, считая, что он душит мировую революцию. А в июле подняли в Москве восстание.

В Ярославле же от имени штаба Перхурова полковник Карл Янович Гоппер (в царской армии командир 1-й латвийской стрелковой бригады) информировал население:

«Ввиду множества разноречивых и нередко злонамеренно распространяемых слухов о текущих событиях, в целях действительного осведомления граждан гор. Ярославля мною будут выпускаться извещения об истинном положении всего происходящего.

Радиотелеграфом получено сообщение, что Московский Кремль, в котором засели большевики, окружен восставшими. Вокзалы находятся в руках восставших против советской власти. Германский посол Мирбах убит разорвавшейся бомбой. Получены сведения, что всё Поволжье восстало против советской власти...»

Но это были слухи. Неумелое восстание левых эсеров в Москве быстро подавили.

Девятого июля полковник Перхуров объявил мобилизацию в свою армию мужчин в возрасте от 18 до 39 лет. Положил оклады: командиру полка — 600 рублей, обученному бойцу — 300 рублей, необученному — 275. Семейным добавил еще по 100 рублей. В извещении полковник Перхуров приписал: «Чем добросовестнее будет выполнять каждый свои

обязанности, тем скорее всё наладится».

В Добровольческую армию записались шесть тысяч ярославцев. Новую власть поддерживали духовенство, городская интеллигенция, крестьянство. Несколько дней казалось, что всё удалось, верили, что придут союзники, что восстанут соседи и большевистская власть падет. На самом деле борьба только начиналась.

В Москве долго не могли поверить, что в Ярославле восстание. Главный комиссар охраны Северных железных дорог Я. Т. Руцкий понял, что нужно доложить самому председателю Реввоенсовета Республики и наркому по военным и морским делам Льву Давидовичу Троцкому. Руцкому сказали, что наркома можно будет найти на вечернем заседании съезда Советов в Большом театре.

Троцкий сидел за столом президиума, что-то писал. Вокруг него собралась толпа. Руцкий увидел члена коллегии Наркомата по военным делам Михаила Сергеевича Кедрова, председателя Высшей военной инспекции Николая Ивановича Подвойского и чекиста Яна Карловича Берзина (будущего начальника военной разведки). Подошел к ним, показал телеграмму из Ярославля с просьбой о помощи. Кедров недоверчиво заметил:

— Я вчера только из Ярославля, там всё спокойно.

Кто-то из присутствующих сказал:

— Всё же нужно переговорить с товарищем Троцким.

Комиссар Руцкий добрался до Троцкого и передал ему телеграмму. Прочитав ее, наркомвоенмор произнес:

— Провокация...

В конце концов большевики решили попытаться подавить мятеж в Ярославле местными силами.

«Первые дни, — вспоминал председатель военно-революционного комитета Северных железных дорог Миронов, — мы пытались взять город ружейной атакой, но у белых было слишком много пулеметов, мы потерпели поражение. Поэтому мы перешли вскоре главным образом к артиллерийскому обстрелу города, и обстрел был непрерывный, круглые сутки, за исключением глубокой ночи...»

Большевик Александр Громов в первый день восстания принял на себя обязанности коменданта станции Всполье: «Пошли в наступление. Цепи засыпаны были пулеметным огнем поставленных на чердаках пулеметов. Потери большие. Рядом с моим домом, где была квартира, в трактире, угол Сенной площади и Пошехонской улицы, был поставлен пулемет. Приказал сбить этот пулемет. Исполнили... Дом загорелся, загорелся и мой, то есть

где была первая моя квартира. После выяснилось: жену перенесли в другой дом через дорогу... Родился сын... Горит и этот дом... Потолок валится... Акушерка бежит, оставляя жену и ребенка. Жена без памяти выползает. Сын, лежа на столе, горит...»

Александр Поляков командовал сводным батальоном, сформированным в Новгороде. Батальон в момент начала мятежа находился на станции Всполье:

«На платформах стояли двенадцать новеньких трехдюймовых орудий, было несколько вагонов снарядов. Орудия навели на центр города, где по указанию моей разведки находился штаб белых. Я приказал открыть огонь. Красноармейцы стрелять отказались, говоря, что там есть мирные граждане. Проверив наводку орудия, я сам выпустил четыре снаряда, после чего начали и красноармейцы обстреливать город».

«Канонаду, которая была в Ярославле, не всегда можно было услышать и на фронте в германскую войну, — вспоминал Перхуров. — Я сам артиллерист и знаю, что полевым снарядом нельзя зажечь здание без соломенной крыши. Здесь же горели здания каменные с железными крышами. Потом я узнал, что стреляли зажигательными снарядами...»

По своей жестокости артиллерийский обстрел города не знал себе равных. Красных командиров нисколько не останавливало то, что снаряды убивают мирных жителей. Перхуровский штаб обратился за помощью к горожанам: «Заведующий санитарной частью штаба Северной добровольческой армии призывает всех жителей оказывать помощь по уборке трупов, не допускать их до разложения и закапывать в ближайших церковных оградах; фамилии и адреса похороненных следует сообщать в санитарную часть штаба».

Стояла невыносимая жара. Водокачка была разбита, и в городе не хватало воды, поэтому населению запретили стирать белье и вообще использовать воду кроме как для питья.

Ярославская городская управа объявила: «Мстя за изгнание из города, большевики в жестоком безумии разрушения города не пощадили и городского водопровода, в котором снарядами разбили котел. Временно вода будет подаваться насосами в чаны у Некрасовского бульвара, против дома Огнянова, в фонтане на Казанском бульваре (в саду) и во Власьевском сквере — откуда население и может брать воду...»

Самые смелые пытались брать воду из реки, хотя все набережные находились под обстрелом. Некоторые из них не возвращались. На Семеновском спуске к Волге под аркой лежало несколько трупов офицеров в полной форме с георгиевскими крестами, рядом валялись пустые ведра.

На другое утро офицеры были раздеты мародерами...

Тринадцатого июля санитарный отдел штаба Северной добровольческой армии обратился в Ярославскую городскую управу: «Просим Городскую Управу образовать собственными средствами братскую могилу при одной из сгоревших церквей в Кремле и других местах для погребения трупов, уже начавших разлагаться. Трупы находятся в саду при бывшем «Доме Народа» и кроме того в разных частях города, при церквях».

Командование Красной армии широко использовало авиацию.

Четырнадцатого июля военный летчик Кушлянский получил приказ: «Выяснить точное расположение наших частей и банд противника. Узнать расположение штаба белых в городе. Уничтожить его бомбами. Пролетая над городом, занятым белогвардейцами, разбрасывать приказы и воззвания».

Чрезвычайный штаб Ярославского фронта докладывал: «Летчиками, прилетевшими из Москвы, совершено два полета над городом для подготовки наступления наших войск. За два полета было сброшено более двенадцати пудов динамитных бомб, большая часть которых, по полученным сведениям, попала в район расположения штаба противника».

В тот же день, 14 июля, из Иваново-Вознесенска Михаил Фрунзе обратился с личным письмом к командующему войсками Московского военного округа Николаю Муралову:

«Многоуважаемый Николай Иванович!

Решился послать Вам лично гонца, дабы поставить в известность о ярославских делах. Мне сейчас ясно, что и Вы, и Троцкий были введены в заблуждение. Когда Троцкий объявил на V Всероссийском съезде Советов, что они почти ликвидированы, то был совершенно не прав. С тех пор прошло уже пять дней... Начиная с позавчерашнего дня (12 июля) у нас в Иванове, то есть на расстоянии ста верст, слышна орудийная канонада.

Борьба длится уже семь дней, значительная часть зданий разрушена, город горит в нескольких местах, а белогвардейцы всё еще не сломлены. Это становится уже опасным, ибо является побудительным моментом к подобным выступлениям в других местах. Недалеко от Нижнего Новгорода уже организовалась тысячная банда деревенских кулаков, выступающая с оружием в руках.

Всю эту историю надо кончить как можно скорее. По-видимому, тамошние силы справиться не могут. Необходимо: 1) послать хороших руководителей, 2) два или три броневика, 3) человек пятьсот хорошего войска.

Словом, имейте в виду, что без немедленной солидной помощи от Вас дело грозит затянуться».

От Вологды вдоль железнодорожной линии против восставших выступили войска Северного Ярославского фронта под командованием бывшего офицера царской армии Анатолия Ильича Геккера. А с юга, от Рыбинска, наступали войска Южного Ярославского фронта под командованием Юрия Станиславовича Гузарского, тоже недавнего офицера.

Со станции Всполье Гузарский связался с Москвой: «Если не удастся ликвидировать дело иначе, придется скрыть город до основания. Нужно десять вагонов снарядов, среди них химические и зажигательные. Одна тяжелая батарея и особенно артиллеристы, так как здесь нет прислуги даже для половины орудий».

Семнадцатого июля его штаб телеграфировал в Москву: город выжжен, весь. Еще через два дня последовало новое донесение: противник сжат в кольцо, можем ликвидировать его за несколько часов химическими средствами. Но поскольку в городе остается мирное население, то для ликвидации противника потребуются еще сутки.

Когда с севера к городу приблизились войска Геккера, они оказались под обстрелом артиллерии Гузарского, а связаться с его штабом, чтобы не били по своим, не могли: «Связи никакой не было, и вследствие плохой квалификации наших артиллеристов мы сильно друг другу вредили — ввиду перестрелки через город с обеих сторон...»

Через Москву Гузарскому передали телеграмму: «Немедленно прекратите огонь по северному берегу Волги, наши несут потери...»

Военный комиссар Ярославского округа Василий Платонович Аркадьев телеграфировал в Москву, в оперативный отдел Наркомата по военным делам: «Предприняли наступление. Сначала имели успех, затем ввиду утомления и упадка духа сила удара стала ослабевать, местами отошли на прежние позиции. Бои идут семь дней. Шлите отряд в тысячу штыков, желательно латышей, для штурма...»

Из Всполья тоже телеграфировали в Москву: «Положение ухудшается тем, что наши красноармейцы страшно и доблестно грабят город, не удерживаемые своими начальниками... Для ликвидации белых потребуется еще пятьсот человек латышских стрелков или интернациональных отрядов».

Все требовали прислать латышей, потому что дисциплинированные и надежные латышские части стали своего рода гвардией большевиков.

Еще в 1915 году в составе русской армии сформировали восемь полков

латышских стрелков. В декабре 1916-го полки свели в Латышскую дивизию. Они воевали с немцами на Северном фронте. Среди солдат-латышей было немало социал-демократов. Они поддерживали Октябрьскую революцию. В отличие от русских или украинских крестьян отрезанным от родных мест латышам некуда было деваться. Они не могли разбежаться по родным селам. Им оставалось только одно — воевать. В апреле 1918 года большевики сформировали Латышскую стрелковую дивизию, которую бросили на подавление мятежа эсеров в Москве и в Ярославле.

А в окруженном и горящем городе надеялись только на чудо. Слухи ходили один фантастичнее другого. Рассказывали, что к городу уже подходит пехота союзников (но не французов, а англичан — и называлась грандиозная цифра: десять тысяч солдат и офицеров) и здесь, в штабе, на эти десять тысяч человек уже готовят обед.

«Перхуров — человек храбрый и беззаветно преданный делу, — считали кадровые военные, участвовавшие в восстании. — Но стратег и тактик он был скверный, не способный организовывать и распоряжаться. Им было сделано очень много крупных ошибок, благодаря чему восстание и кончилось так печально. Кто знает — что было бы, если бы во главе восстания стоял кто-либо другой...»

Впрочем, стратегические и тактические неудачи Перхурова — не главная причина поражения ярославского восстания.

«Когда в селах узнали, что в Ярославле восстание, — рассказывал полковник Петр Злуницын, — крестьяне явились и предложили свои услуги. Им были выданы винтовки и обмундирование. Крестьяне под шумок разграбили город и уехали в свои деревни, заявив, что если большевики только вздумают показаться в селах, то они их мигом выгонят; защищать же город им вовсе нежелательно...»

В этом и состояла разница между большевиками и их противниками, которые раскололись на множество различных лагерей с разными идеями и лозунгами. Одни считали необходимым сражаться за свои идеалы, другие надеялись как-то договориться, третьи полагали, что сумеют отсидеться. Поэтому и проиграли.

Восставшие ярославцы, конечно же, не подозревали, какой кровавый конец их ожидает. Они вообще плохо понимали, с кем имеют дело. А большевики сразу поделили мир на своих и чужих. Чужие — враги, с ними война не на жизнь, а на смерть. Красные войска получили приказ не просто подавить восстание в Ярославле, а уничтожить непокорных.

Константин Константинович Юренев, который возглавлял Всероссийское бюро военных комиссаров, то есть руководил всей

политической работой Красной армии, распорядился: «Белогвардейское восстание в Ярославле должно быть подавлено беспощадными мерами. Пленных расстреливать; ничто не должно останавливать или замедлять суровой кары народной. Террор применительно к местной буржуазии и ее прихвостням, поднимающим головы перед лицом надвигающихся французских империалистов, должен быть железным и не знать пощады».

Двадцатого июля из Всполья доложили в Москву: «Противник зажат в кольцо в трех кварталах, нами второй день ведется наступление. Противник теснится к Волге, ураганный огонь нашей артиллерии со вчерашнего дня принес громадный урон противнику. Могли бы химическими снарядами задушить всех в течение нескольких часов, но ввиду мирных жителей к этому пока не прибегаем, и потому придется затратить около суток или полутора».

Оперативный отдел наркомата по прямому проводу запросил штаб фронта:

— Сколько у вас химических снарядов?

— Снарядов вовсе нет, имеются в Иваново-Вознесенске.

— Есть ли баллоны с удушливыми газами?

— Баллонов с газом здесь нет, также нет масок. Маски есть в очень незначительном количестве.

Тогда же, 20 июля штаб Ярославского фронта обратился к горожанам: всем, кто желает остаться живым, предлагается в течение двадцати четырех часов покинуть город и выйти к мосту. Оставшиеся в городе будут приравнены к мятежникам. Пощады никому не будет, потому что по городу откроют ураганный артиллерийский огонь, в том числе химическими снарядами. Все оставшиеся погибнут вместе с мятежниками, предателями и врагами революции.

«После открытия огня появилось очень много беженцев из города, — докладывал один из красных командиров. — У меня был организован концлагерь для ненадежных. Но по дороге красноармейцы по рукам судили того или иного беженца. Если руки похожие на рабочие, то вели в концлагерь, а если непохожие на рабочие, то расстреливали».

Двадцать первого июля всех мужчин вывели из домов и пригнали на Всполье. Здесь выясняли, кто что делал во время восстания... Вызванных сомнение расстреливали прямо на насыпи.

Командующий Южным Ярославским фронтом Гузарский получил приказ: «Не присылайте пленных в Москву, так как это загромождает путь, расстреливайте всех на месте, не разбирая, кто он. В плен берите только для того, чтобы узнать об их силах и организациях».

Гузарский успокоил наркомат: «Захваченных с оружием расстреливаем на месте, а остальных забирает ЧК».

Расстреляли и мужа актрисы Барковской бывшего поручика Дмитрия Васильевича Ботельмана, коменданта штаба восставших. Валентину Барковскую спас сам Юрий Гузарский. Эффектная женщина в кожанке досталась командующему фронтом по праву победителя. Актриса всё еще рассчитывала на ведущие роли.

«Первый раз заговорила с Гузарским на платформе, — рассказывала потом Барковская, — прося разрешения напиться, так как целый день нам не давали воды. На допросе всё ему рассказала. За два с половиной часа допросили 73 человека, из которых осталось 18 человек, из которых было три женщины. Остальные тут же у вагона были расстреляны.

Через некоторое время в вагон пришел военный с завязанной головой и сказал, что я свободна. Я упростила караульного доложить начальнику, чтобы он меня принял, и когда меня к нему пустили, я на коленях его умоляла довезти меня до Москвы...»

Командующий фронтом Юрий Гузарский чувствовал себя героем. Он завоевал и мятежный город, и красивую женщину. 21 июля в половине двенадцатого вечера он телеграфировал в Москву: «Передайте Троцкому, что вся канитель ликвидирована. Белогвардейский штаб арестован. Я удивлен телеграммами от имени Троцкого, которые приписываю интригам всех приезжих гастролеров, которые ни в чем не помогают, но зато подкапываются под меня. Ныне, считая возложенную на меня задачу выполненной, передаю военную власть Окружному Комиссару, гражданскую — Исполнительному Комитету и возвращаюсь в Москву для доклада и разъяснения кому следует, что я отлично знаю свои обязанности».

«Гузарский с Барковской удрали, — вспоминал Громов. — Все из штаба уехали в город. Я один остался. Много пришлось терпеть от солдат, которые после награвления разных вещей рвались домой».

О судьбе бывшего командующего фронтом Юрия Станиславовича Гузарского ходили разные слухи. Говорили, что «он связался с крупной контрреволюционеркой — артисткой Барковской, находившейся в штабе белых, скрыл эту контрреволюционерку, за что был привлечен к ответственности и приговорен к высшей мере наказания».

Валентина Барковская действительно оказалась на Лубянке. Чекисты лишили Юрия Гузарского его трофея. Но в порядке компенсации он получил новое назначение. В ноябре 1918 года Гузарский принял под командование 15-ю стрелковую дивизию, воевавшую в составе 9-й армии.

Но в январе 1919 года его дивизия фактически вышла из подчинения. Жестокое наказание не заставило себя ждать. С победителем Ярославля поступили так же, как он обошелся с мятежниками.

«Революционный начдив Гузарский самовольно нарушил приказ и дезорганизовал хорошо налаженную операцию, — сообщил председатель Реввоенсовета Республики Троцкий в ЦК партии. — Гузарский был расстрелян по постановлению трибунала, которому он был предан мною. После этого митингование начдивов и комиссаров прекратилось. 9-я армия сразу перешла в наступление».

Историки считают, что наказанием мятежников в Ярославле ведал член коллегии ВЧК Дмитрий Гаврилович Евсеев. В протоколе № 1 Ярославской губернской ЧК от 18 августа 1918 года написано: «Применить высшую меру наказания по отношению ко всем, принимавшим участие в белогвардейском мятеже».

По сообщению ВЧК сразу после того, как красные заняли город и нашли в театре вожаков мятежа, они расстреляли 57 человек. Потом еще 350. Еще несколько лет искали участников восстания, чтобы наказать.

Из активных участников ярославского восстания выжили немногие. Убежать удалось чуть ли не одному только полковнику Перхурову. Александр Петрович добрался до Сибири, служил у адмирала Колчака, который произвел его в генералы. После разгрома колчаковской армии Перхуров попал в плен к красным. Но прошел фильтрацию — сибирские чекисты имя Перхурова не знали. В феврале 1921 года его освободили и как опытного военспеца даже взяли в штаб Приуральского военного округа. Он составлял инструкции по ведению войсковой разведки и контрразведки. Но в мае 1921-го добрались и до него. Перхурова арестовали.

— Мне говорили, что если не будешь сознаваться, мы сдерем шкуру, — рассказал на суде Перхуров. — Меня повалили на пол и начали избиение шомполами. Эта история продолжалась до рассвета... На следующий день у меня было всё окровавлено. Ничего есть мне не дали. Потом при каждом допросе опять повторялось избиение шомполами и жгутами с проволокой. Я провел там шестнадцать дней. За это время было восемь допросов и из них шесть с избиениями, причем каждое в два-три приема...

В тюрьме у него развивалась цинга. Перед отправкой в Ярославль следователь сказал:

— Мы вас немного покормим, потому что иначе вы по дороге сдохнете.

Судили бывшего полковника Перхурова в Ярославле летом 1922 года.

Верховный трибунал при ВЦИКе заседал в здании старейшего русского театра им. Федора Волкова. Председательствовал печально знаменитый Василий Васильевич Ульрих, который долгие годы будет председателем Военной коллегии Верховного суда и подпишет смертные приговоры многим полководцам Красной армии.

Когда Перхуров стал рассказывать, как над ним измывались в Екатеринбургской губчека, Ульрих его прервал:

— Это нас не интересует.

В последнем слове Перхуров сказал:

— Я с самого начала своей службы глубоко был убежден, что исполняю маленькую роль в очень большом деле. Служба эта была для России. Я отдавал этой службе всё, что только мог. Во время Февральской революции я оставался на фронте. Наступила Октябрьская революция — я там же остался. Я считал, что воюю ради России, независимо от того, какое правительство сидит. Но когда мне сказали в семнадцатом году, что мы не нужны, я не мог этого понять. И вот, оставив фронт, я задал себе вопрос, нужен я России или составляю ненужный элемент. Ответ на это я буду искать в приговоре.

Вождя ярославского восстания Александра Петровича Перхурова приговорили к высшей мере наказания. Расстреляли бывшего полковника во дворе дома, где тогда находилась ярославская ЧК.

Михаил Васильевич Фрунзе, глубоко переживавший неспособность Красной армии быстро справиться с опасным мятежом, в письме командующему столичным округом Муралову объяснял, почему подавление восстания так затянулось: «Главная причина — отсутствие надежного и опытного руководителя. У отрядов не было даже связи, каждый действовал самостоятельно. В войсках началась деморализация, наблюдаются случаи грабежей... Состав окружного штаба в лице Аркадьева, по-видимому, очень слаб. Черт их знает, зачем путались несколько дней в Иванове.

Я боюсь, что вы в Москве склонны чересчур уж преуменьшать значение ярославских событий. Конечно, не ими решится дело, но многое всё же зависит и от них. А потому прошу лично Вас отнестись ко всей этой истории как можно серьезнее. Поставьте в известность и т. Троцкого. Хотя я пишу Вам неофициально, но по существу я обращаюсь к Вам от имени всего Иваново-Вознесенского губисполкома».

Николай Муралов не только выполнил просьбу Фрунзе, поставив в известность председателя Реввоенсовета, но и самым положительным образом охарактеризовал самого Михаила Васильевича. Реакция Троцкого

была совершенно неожиданной, но, как выяснится позже, разумной и дальновидной. В первых числах августа Лев Давидович предложил Фрунзе должность военного комиссара Ярославского окружного комиссариата по военным делам.

Михаил Васильевич не уклонился от вызова. Ему хотелось попробовать себя на совершенно новом поприще. 8 августа он телеграфировал Троцкому: «Случае отсутствия лучших кандидатов центре согласен тчк желательно назначение Позерна».

Он имел в виду своего товарища-большевика Бориса Павловича Позерна, студента-медика, который в 1917 году был членом президиума Минского совета. С Позерном они еще встретятся: Борис Павлович станет членом Реввоенсовета 7-й армии, а затем и членом РВС Восточного фронта, который примет под командование Фрунзе.

Троцкий настоял на своем выборе. Василий Платонович Аркадьев, комиссар Ярославского военного округа, был освобожден от должности. 13 августа его место занял Фрунзе. Ехать ему никуда не пришлось. После мятежа в Ярославле управление военного округа перевели в Иваново-Вознесенск.

В Ярославский военный округ включили восемь губерний — Архангельскую, Вологодскую, Владимирскую, Северо-Двинскую, Костромскую, Иваново-Вознесенскую, Тверскую и Ярославскую. В условиях разгоравшейся Гражданской войны задача окружного военкома состояла в формировании новых боевых частей для Красной армии.

ОБЛАСТНОЙ КОМИССАР

Пятнадцатого октября 1918 года новый военный комиссар Ярославского военного округа Фрунзе обратился в секретариат ЦК РКП(б). Он доложил о «бесконечных раздорах и трениях между губисполкомами, уездисполкомами и военкомами, основанных отчасти на недостаточно ясно усвоенном местными работниками представлении о задачах и компетенции каждого из этих учреждений и отчасти на слабо развитом сознании идеи преобладания общегосударственного начала над местными интересами. Отсюда соревнование, параллелизм в работе, трения, вражда».

Окружной военный комиссар назначался Реввоенсоветом Республики и подчинялся непосредственно Всероссийскому главному штабу. С появлением Фрунзе на этом посту ситуация быстро изменилась. Местные советы потеряли право руководить военным комиссаром. Фрунзе, получив все полномочия, взялся за труднейшую задачу — обеспечить мобилизацию в Красную армию.

Дело в том, что служить практически никто не хотел. Большевики — до того, как они взяли власть, — не собирались ни воевать, ни иметь армии. Им пришлось создавать Красную армию на обломках вооруженных сил императорской России, чтобы удержать власть, которая им так легко досталась в октябре 1917 года.

С лета 1914-го и до осени 1917 года армия понесла серьезные потери — убитыми, ранеными, попавшими в плен. Долгая и кровопролитная Первая мировая война постепенно разрушила российскую армию. В 1917 году действующая армия, не желавшая больше воевать, насчитывала больше семи миллионов человек. От ее позиции зависела судьба страны. С февраля по октябрь шла борьба за армию между Временным правительством и Петроградским советом рабочих депутатов.

Социал-демократы победили, когда включили в Совет солдатских депутатов и полностью поддержали самые радикальные требования армейской массы (история этой борьбы подробно описана в журнале «Вопросы истории». 2000. № 10). В состав Петроградского совета вошли сотни солдатских депутатов. Они принесли с собой ненависть к офицерам, дисциплине, самой воинской службе и, разумеется, к войне.

Сразу после Февральской революции в войсках начался саботаж. Солдаты хотели мира любой ценой. Саботаж выражался в разных формах, в том числе в дезертирстве, в чрезвычайно медленном передвижении

частей, в постоянном требовании сменить фронтовые части и отвести их в тыл.

«Армия вконец дезорганизована, — докладывал сотрудник французской военной миссии в России Жак Садуль. — По вине командования, говорят большевики. По вине большевиков, отвечает командование. По вине и тех и других, считают люди. Действительно, армия находится в состоянии неслыханного упадка. Нехватка офицеров. Презрение к военачальникам. Дисциплина падает. Массовое дезертирство. Отказы идти в бой».

Комиссары, назначенные еще Временным правительством, сбивались с ног, переезжая на автомобилях из полка в полк, уговаривая солдат не покидать фронт. Уговоры помогали всё меньше и меньше.

Временное правительство пыталось продолжать войну и поэтому требовало сохранять в армии дисциплину. Большевики, напротив, призывали к миру и отмене чинопочитания в армии, что и отразилось в принятом Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов приказе № 1: «Отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п., а заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. п. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты» воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов».

Приказ добивал уже и без того разрушенную в армии дисциплину и главное — наделял солдата правом заниматься политикой, то есть вступать в партии, участвовать в митингах, демонстрациях и вне службы вообще не обращать внимания на начальство: «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется».

Офицерский состав лишался какой-либо власти, которая переходила к солдатским комитетам. Приказ требовал передать «всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее» под контроль ротных и батальонных комитетов. Запрещалось выдавать оружие офицерам «даже по их требованиям».

С помощью солдатских комитетов армия фактически выводилась из подчинения командования, воинские части должны были руководствоваться указаниями местных советов: «Во всех своих

политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам».

Тем самым петроградский гарнизон уже в марте фактически переходил в подчинение Совету. Правительство лишалось власти над армией. В приказе № 1 об этом говорилось совершенно определенно: «Приказы Военной комиссии и Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов».

Временное правительство вынуждено было исходить из того, что уже решил Петроградский совет. Поэтому приказ военного министра № 114 требовал обращаться к солдатам на «вы», отменял титулование офицеров и наименование «нижний чин» (теперь военнослужащих следовало называть «солдатами»), разрешал рядовым военнослужащим «курение на улицах и в общественных местах, посещение клубов и собраний, езду внутри трамваев, участие в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью».

Временное правительство в марте 1917 года освободило солдат от обязательного исполнения религиозных обрядов и таинств. Доля солдат православного вероисповедания, которые причастились на пасху 2 апреля 1917 года, сократилась до десяти процентов. А ведь годом раньше, на пасху 1916 года, причастились почти все...

Одно послабление следовало за другим, ломая привычные устои воинской службы. 8 марта 1917 года Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев разрешил снять накладные императорские вензеля с погон и аксельбанты. Солдаты и матросы вообще требовали отменить погоны. Балтийцы первыми добились своего. Командующий Балтийским флотом по собственному усмотрению разрешил снять погоны. А 16 апреля последовал приказ военного и морского министра — снять погоны на флоте «в соответствии с формой одежды, установленной на флотах всех свободных стран».

Восемнадцатого апреля вышел новый приказ министерства: «На берегу вне строя отдание чести отменяется. Военнослужащие при встрече могут взаимно приветствовать друг друга, прикладывая руку к головному убору. Это взаимное приветствие, будучи необязательным, зависит исключительно от доброй воли и такта встречающихся».

Как и всё, что делало в те месяцы Временное правительство, приказ был половинчатый. Не устроил ни офицеров, считавших, что армия рушится, ни солдат, которые офицеров ненавидели и не хотели их приветствовать ни в строю, ни вне строя. 11 мая глава правительства

Александр Федорович Керенский, принявший на себя еще и обязанности военного и морского министра, разрешил солдатам вне службы вообще ходить в штатском.

Сам Керенский создал новую моду — военный френч и фуражка. Но без погон, кокарды и знаков различия. Вслед за ним так же оделись все комиссары Временного правительства. После Октябрьской революции сходную форму носили Сталин, а подражая ему, и целая армия аппаратчиков.

Но требования матросов и солдат этим не исчерпывались. Они настаивали на отмене воинских чинов и званий, предлагая оставить только должности. Но это осуществится лишь после Октябрьской революции. 16 декабря 1917 года Совет народных комиссаров принял «Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах»: отменялись все чины и звания, все преимущества и «наружные отличия», то есть погоны и петлицы...

Еще Военная комиссия, назначенная Временным правительством, составила «Декларацию прав солдата». Она подтверждала право солдата участвовать в политических организациях, ходить вне службы в гражданском. Упразднялся институт денщиков. Оскорбительные для чести солдата и вредные для его здоровья приказы предписывалось отменить. Телесные наказания запрещались.

Керенский 11 мая подписал декларацию, которая получила название «Положение об основных правах военнослужащих». Но документ получился недостаточно радикальным.

Командиры могли применять вооруженную силу против тех, кто в боевой обстановке отказывался выполнить приказ: «В боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против неисполняющих его приказания подчиненных».

Кроме того, не было пункта о выборности командиров. Категорически возражало командование: «Право назначения на должности и в указанных законом случаях временного отстранения начальников всех степеней и должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право распоряжения, касающегося боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных работ, инспекторской и хозяйственной частей».

Большевики резко выступили против этой декларации, назвав ее «Декларацией бесправия», и благодаря этому привлекли к себе дополнительные симпатии солдат. Солдаты-депутаты всерьез требовали права выбирать себе командиров вплоть до командующего армией.

Большевики демагогически поддерживали это абсурдное требование и после Октябрьской революции ненадолго ввели выборность командного состава в армии.

Шестнадцатого декабря 1917 года появились подписанные Лениным и первым главнокомандующим Николаем Васильевичем Крыленко Декрет об уравнивании всех военнослужащих в правах и Декрет о выборном начале и организации власти в армии. Упразднялись все воинские чины и звания, а также ордена и медали и предоставляемые их кавалерам привилегии. Ношение георгиевских крестов и медалей разрешалось. Все военнослужащие получали звание «Солдат революционной армии».

Вся власть в воинской части переходила к солдатским комитетам. Солдатские комитеты получили право избирать и смещать командиров, переводить их на более низкие должности и даже разжаловать в рядовые. Командиры выше полкового уровня и начальники штабов избирались съездами соответствующих комитетов.

На съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Могилевской губернии революционный главком Николай Крыленко (по военному званию прапорщик) говорил:

— Прошло то время, когда солдаты были только пешками в руках титулованных вершителей судеб, баловней счастья, поднимавшихся на верхи власти капризами или улыбкой власть имущих. Только теперь, когда волею революции мне пришлось близко столкнуться с механизмом старой власти в Ставке и в военном министерстве, я смог в достаточной степени оценить, как мало стоила в глазах этих господ человеческая жизнь, как легко они играли жизнью русского солдата...

Революция нанесла армии смертельный удар.

Вооруженные силы России как единый механизм, подчиняющийся воле командования и способный выполнять боевые приказы, больше не существовали. Большевики располагали только Красной гвардией — вооруженными рабочими Петрограда, матросскими сводными отрядами, латышскими стрелковыми частями.

«Регулярные полки старой империалистической царской армии оказались непригодными, небоеспособными для Гражданской войны», — вспоминал Крыленко в своих записках «Смерть старой армии». — Эту армию уже ничто не могло оживить. Когда ее вызвали с фронта для борьбы на Дону с Калединым, с Украинской радой или с польскими legionами, полки, вызываемые с фронта, выйдя за линию окопов в тыл, отказывались идти в бой, независимо от целей, которые эта борьба преследовала».

Восемнадцатого декабря Крыленко доложил Совнаркому, что армия

утратила боеспособность и придется принять любые условия, которые выставят немцы при заключении мира.

Правительство приняло план реорганизации армии — из 159 дивизий, находившихся на фронте, сохранить 100 и сформировать еще 36 дивизий из добровольцев. Но это были нереальные планы. Начальникам железнодорожных станций было приказано задерживать всех, кто не получил разрешения солдатского комитета покинуть действующую армию. И всё равно в начале 1918 года каждую неделю с фронта убегало примерно три тысячи человек. Дезертировали даже офицеры.

Большевики решили создавать новую армию вместо старой. 23 декабря 1917 года на фронт поступил приказ готовиться к священной революционной войне. Всех революционно настроенных солдат призвали записываться в новую добровольческую регулярную армию.

Приказ возымел обратное действие.

Солдаты старой армии приняли его как приказ о возобновлении опостылевшей войны. Если до сих пор донесения с фронта говорили о том, что в окопах царит спокойствие и солдаты доверяют новой власти, то после опубликования приказа паника охватила целые части.

«Фронт был обнажен, — вспоминал Крыленко, — и полки из линии окопов отведены в линию расположения ближайших резервов с обслуживанием окопов только сторожевыми охранениями. Для тех, кто оставался для охраны имущества, устанавливалось повышенное жалованье. На железных дорогах всюду располагались дежурные роты для поддержания порядка, и в иных случаях, как это было на Северном фронте, пришлось прибегнуть к угрозе оружием и пулеметным огнем, чтобы заставить полки вернуться в окопы».

Двадцать пятого декабря 1917 года Крыленко подписал приказ о формировании из солдат-добровольцев народно-социалистической гвардии: «Народно-социалистическая гвардия создается из солдат действующей армии, запасных частей и всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды для защиты завоеваний революции и борьбы за демократический мир и торжество социалистической революции на Западе и в России».

Таких планов формирования добровольческих частей было много. Ни один не удавалось воплотить в жизнь. 15 января 1918 года Совнарком принял Декрет об организации Рабоче-крестьянской Красной армии. Декрет подписали Ленин, Верховный главнокомандующий Крыленко, народные комиссары по военным и морским делам балтийский моряк Павел Ефимович Дыбенко и Николай Ильич Подвойский, бывший

семинарист и профессиональный революционер.

Положение Советской республики сильно ухудшилось. Враги советской власти множились на глазах, и все они брались за оружие. Ленин разочаровался в своих помощниках по военной части, всех сменил и поручил армейские дела Троцкому. 14 марта 1918 года Троцкий приступил к исполнению обязанностей наркома по военным и морским делам. Тогда же образовали Революционный военный совет Республики (РВСР). Наступил звездный час Троцкого.

Первоначально предполагалось, что каждый вступающий в Красную армию берет на себя обязательство прослужить не меньше полугода. Никто еще не знал, что предстоит долгая и кровавая Гражданская война.

Троцкий реорганизовал всю систему военного управления. Он был штатским человеком, о военном деле имел весьма относительное представление. Но он умел учиться и сразу обратился за помощью к профессионалам. Троцкий занял принципиальную позицию: военными делами должны заниматься кадровые офицеры.

Так же у себя в округе поступил Фрунзе. Военным руководителем округа назначили Федора Федоровича Новицкого, генерал-лейтенанта царской армии — командира 43-го армейского корпуса. Генеральские погоны Новицкого большевика Фрунзе не смущали. У него в штабе округа служили восемь генштабистов — выпускников бывшей Николаевской военной академии, то есть опытных высших офицеров с прекрасным образованием. Михаил Васильевич научился ценить их опыт и знания.

Белая и Красная армии по социально-сословному составу не слишком различались. В белой армии три четверти составляли крестьяне, рабочие и казаки. В Красной крестьяне составляли те же три четверти.

Двадцать девятого мая 1918 года ВЦИК принял постановление о переходе ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в Рабоче-крестьянскую Красную армию.

V Всероссийский съезд Советов в июле 1918 года принял первую советскую конституцию, в которой говорилось, что все граждане обязаны защищать социалистическое отечество. С этого момента началось комплектование армии по призыву. Съезд запретил представителям буржуазии служить в строевых частях Красной армии — «вооружать буржуазию — значило бы вооружать врага».

Десятого апреля 1919 года вышел декрет Совнаркома «О призыве на военную службу в городах Москве и Петрограде и Петроградской, Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Иваново-Вознесенской и Рязанской губерниях всех рабочих и

крестьян 1890–1896 годов рождения, не эксплуатирующих чужого труда».

Даже само название — Рабоче-крестьянская Красная армия — подчеркивало классовый характер вооруженных сил социалистической России. И когда Троцкий ставил на высшие командные должности бывших генералов, он противопоставлял себя немалой части партии.

Видные большевики не принимали его кадровой политики. 17 апреля 1918 года на заседании малого Совнаркома (правительственной комиссии, занимавшейся текущими делами) было принято решение «о нежелательности назначать в качестве командного состава в Красную армию генералов». Бюро печати при ВЦИКе 10 августа 1918 года сообщало: «Для обеспечения тыла от попыток восстания в Петрограде арестованы все офицеры».

Ленин первоначально сильно заблуждался насчет того, как строить армию. В ноябре 1918 года он говорил: «Теперь, строя новую армию, мы должны брать командиров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм».

Но без кадровых офицеров вести боевые действия было невозможно. Поначалу Гражданская война носила в основном партизанский характер, сражались между собой отдельные отряды. Нов 1918 году в дело вступили регулярные армии. Образовались фронты. Воевать надо было профессионально. Троцкий привечал людей умелых, образованных, талантливых, выдвигал их на высокие должности, не обращая внимания на то, есть у них партийный билет или нет.

Создать чисто добровольческую армию не удалось ни одной из сторон. Поэтому прибегли к мобилизации. 23 ноября 1918 года появился приказ Реввоенсовета о призыве на военную службу бывших офицеров младше 50 лет, штаб-офицеров младше 55 лет и бывших генералов в возрасте до 60 лет. И за малым исключением они преданно служили советской власти.

Троцкий отдал бывшим офицерам почти все высшие командные посты. Выступая на VIII съезде партии, он говорил, что надо шире привлекать людей из «старого командного состава, которые либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей».

Владимир Ильич быстро убедился в правоте Троцкого. Постановление ЦК РКП(б) «О политике военного ведомства» от 25 декабря 1918 года полностью поддержало деятельность Троцкого и снимало с него все обвинения в том, что он дал много прав царским офицерам.

Но одни всё равно считали, что Троцкий, продвигая бывших офицеров,

отступает от принципов революции. Другие сами метили на высшие должности и хотели избавиться от конкурентов. На этой почве у Троцкого появилось много врагов. В большевистском руководстве бывших офицеров и генералов на дух не принимали.

Один из подчиненных Фрунзе — будущий писатель Дмитрий Андреевич Фурманов, комиссар чапаевской дивизии, писал: «Спецы — полезный народ, но в то же время народ опасный и препотешный. Это какое-то особое племя — совершенно особое, ни на кого не похожее. Это могиране. Больше таких Россия не наживет: их растила нагайка, безделье и паркет».

До революции армейское и флотское офицерство не очень интересовалось политикой. В дни Февральской революции они поддержали свержение царя, считая, что неизбежности следует подчиниться. Многие из них исходили из того, что нельзя идти против народа. Это привело их в Красную армию.

В 1918 году в РККА добровольно вступили или были призваны 22 тысячи бывших офицеров. В белой армии служили 100 тысяч офицеров. В Красной немногим меньше — 75 тысяч.

Появился и институт военных комиссаров, которые должны были представлять в воинских частях советскую власть, контролировать действия военных специалистов и следить за тем, чтобы они не перебежали к врагу.

Троцкий так и писал в 1918 году: «Комиссары ставятся у нас в первую голову для наблюдения за командным составом. Если командир перебежал, виноват комиссар, и в боевой обстановке он за это отвечает головой».

При этом в приказе Троцкого говорилось:

- «1. Комиссар не командует, а наблюдает, но наблюдает зорко и твердо.
2. Комиссар относится с уважением к военным специалистам, добросовестно работающим, и всеми средствами Советской власти ограждает их права и человеческое достоинство».

Но многие военкомы априори не доверяли бывшим офицерам. Вмешивались в чисто военные дела. Еще до перехода Фрунзе на военную службу, 8 апреля 1918 года, при Высшем военном совете образовали Всероссийское бюро военных комиссаров. Председателем бюро назначили Константина Константиновича Юренева. Бюро должно было руководить всей политической работой на фронте и в тылу.

Профессиональный революционер Юренев после очередного ареста в 1916 году был мобилизован в армию и отправлен в 26-й запасной пехотный батальон. Служить будущий член Реввоенсовета Республики не захотел и

через полторы недели бежал из казармы. Однако и этот скромный военный опыт сочли полезным, когда в сентябре 1917 года поручили Юреневу формировать в Петрограде отряды Красной гвардии и даже сделали начальником Главного штаба.

С одной стороны, Троцкий требовал расстреливать комиссаров и командиров дивизий и полков, если у них офицеры перебегают к противнику. Из-за этого у Льва Давидовича в октябре 1918 года вышел конфликт с командованием Восточного фронта, которое справедливо воспротивилось жестоким мерам. С другой стороны, Троцкий предложил Ленину, Свердлову и Дзержинскому выпустить из тюрем всех офицеров, против которых нет серьезных обвинений, если они согласятся служить в Красной армии.

В Красной армии служило более 600 бывших генералов и офицеров Генерального штаба. Из 20 командующих фронтами 17 были кадровыми офицерами, все начальники штабов — бывшие офицеры. Из 100 командующих армиями — 82 в прошлом офицеры.

В РККА служило даже больше выпускников Николаевской академии Генерального штаба, чем у белых. Поступить в академию было очень сложно, ее выпускники получали прекрасное образование, считались элитой Российской армии и быстро занимали высшие командные посты. По мнению историков, занявшие сторону советской власти офицеры-генштабисты внесли очень весомый вклад в победу Красной армии.

Историк Сергей Константинов приводит такой факт: на одном из фронтов начальником штаба у Фрунзе был генерал-майор Николай Семенович Махров, а начальником штаба у барона Врангеля служил генерал Петр Семенович Махров, то есть братья сражались друг с другом. В штабе будущего маршала Михаила Николаевича Тухачевского, наступавшего на Варшаву, служил Николай Владимирович Соллогуб. А в штабе маршала Юзефа Пилсудского, оборонявшего Варшаву, — двоюродный брат граф Владимир Александрович Соллогуб. Полковник Виктор Иванович Моторный в 1918 году был начальником отдела организационного управления Всероглавштаба Красной армии. Его брат Владимир Моторный, тоже выпускник Николаевской академии Генерального штаба, в 1919 году служил у адмирала Колчака начальником штаба одного из фронтов.

Впрочем, вначале казалось, что Троцкий взялся за невыполнимое дело и советская власть долго не протянет.

Одним из первых шагов по созданию новой армии была замена военной присяги торжественным обещанием, которое должны были давать

красноармейцы: «Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабочей и Крестьянской армии. Перед лицом трудящихся классов России и всего мира я обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучать военное дело и, как зеницу ока, охранять народное и военное имущество от порчи и расхищения... Если по злему умыслу отступлю от этого моего торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня суровая рука революционного закона».

Был издан декрет, в котором оговаривалась и материальная сторона военной службы:

«1. Воины Рабоче-Крестьянской Красной армии состоят на полном государственном довольствии и, сверх всего, получают 50 рублей в месяц.

2. Нетрудоспособные члены семей солдат Красной армии, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечиваются всем необходимым по местным потребительным нормам, согласно постановлений местных органов Советской власти...»

Летом 1918 года одиноким красноармейцам стали платить 150 рублей, семейным — на 100 рублей больше. В мае 1918 года в РККА было 300 тысяч бойцов, за несколько месяцев ее численность увеличилась втрое.

Фрунзе внес свой вклад в наращивание армии. Активного и деятельного военкома заметили. 26 декабря 1918 года Троцкий принял еще одно неожиданное кадровое решение — назначил Фрунзе командующим 4-й армией Восточного фронта, которая последние месяцы действовала крайне неудачно. Человек, ни дня не служивший в армии, должен был руководить огромным военным коллективом.

Главкомандующий вооруженными силами республики Иоаким Иоакимович Вацетис, выпускник Академии Генерального штаба и бывший полковник царской армии, возражал против назначения Фрунзе командармом. Профессиональный военный, он не верил в полководческие способности партийных выдвиженцев. И был по сути прав. Но Фрунзе, как и Троцкий, понимал, что сам не справится и нуждается в военных специалистах. Начальником штаба 4-й армии Михаил Васильевич сделал бывшего генерала Новицкого. Он по существу и руководил военными действиями.

Новицкий вспоминал, что первоначально его самого прочили на должность командующего армией. Но, понимая политическую ситуацию, он настоятельно рекомендовал Михаила Васильевича, обещав помогать ему всячески по военной части. Они воевали вместе на Восточном, а затем и на Туркестанском фронтах.

Двадцать первого января 1919 года Фрунзе и Новицкий приказом по военному комиссариату попрощались с округом: «Волею рабоче-крестьянского правительства мы привлекаемся к другой деятельности в связи с командированием нас на фронт.

Начав почти одновременно работу по управлению Ярославским военным округом, мы в течение минувшего полугода переживали период лихорадочной деятельности всего окружного аппарата, призванного к сложной, тяжелой и ответственной работе по спешному созданию частей формируемой Красной армии. Расставаясь с округом, от всего сердца шлем нашим сотрудникам, сослуживцам, подчиненным и товарищам самые горячие чувства признательности за помощь в тяжелой работе».

ПРОТИВ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Тридцать первого января 1919 года Фрунзе прибыл в Самару, в штаб вверенной ему 4-й армии. Подписал составленный вовсе не по-военному приказ о вступлении в должность:

«Товарищи, глаза тыла, глаза рабочих и крестьян всей России прикованы к вам. С замиранием сердца, с трепетом в душе следит страна за вашими успехами. Невзирая на все попытки черных сил посеять рознь и смуту в ее рядах, армия должна пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю.

Я надеюсь, что совокупные усилия всех членов армии не дадут места в рядах ее проявлению трусости, малодушия, лености, корысти или измены. В случае же проявления таковых суровая рука власти беспощадно опустится на голову тех, кто в этот последний решительный бой труда с капиталом явится предателем интересов рабоче-крестьянского дела. Приветствую вас, своих новых боевых товарищей, и зову всех к дружной, неустанной работе во имя интересов трудовой России.

Командующий 4-й армией, член ВЦИК

Михаил Михайлов-Фрунзе».

До Фрунзе 4-й армией командовал бывший генерал-лейтенант Александр Алексеевич Балтийский. Он сдал Фрунзе должность и остался при нем «для поручений» — фактически в качестве военного советника. Фрунзе быстро учился у своих военных наставников.

Восточный фронт был образован для борьбы с чехословацким корпусом, который восстал против советской власти, а затем с войсками адмирала Колчака.

Чехословацкий корпус неожиданно вмешался в российскую политическую жизнь. А в те месяцы корпус был единственной реальной военной силой от Москвы до Владивостока.

Чехи и словаки находились под властью австрийского императора. Но в Первую мировую переходили на сторону России, чтобы воевать в рядах Антанты и заслужить право на самостоятельное государство. Однако Советская Россия подписала сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией и вышла из войны. Тогда будущий первый президент Чехословакии Томаш Масарик договорился с союзниками, что чехословацкие части перебросят на Западный фронт.

Высший военный совет Антанты решил сосредоточить чехословацкие

части в Мурманске, Архангельске и Владивостоке, откуда их эвакуируют на Западный фронт. Но большевики, подчиняясь требованию Германии, которая пыталась помешать переброске дополнительных сил врага, настояли на том, чтобы эвакуация шла только через Владивосток.

Весной 1918 года сорокапятитысячный корпус двинулся в сторону Тихого океана. Составы растянулись от Пензы до Владивостока. Но тут Германия предъявила Москве новый ультиматум: Россия обязана демобилизовать все воинские формирования на своей территории.

Томаш Масарик не желал, чтобы его люди ввязывались во внутрироссийскую борьбу. Отказывал белым в поддержке: «Я не позволю, чтобы чешская армия пошла на службу контрреволюции». Но когда большевики занервничали и попытались силой разоружить чехов и словаков, те восстали и без труда заняли основные города по трассе великой транссибирской магистрали.

Выступление чехов и словаков стало сигналом для всех антибольшевистских сил, которые только и ждали момента, чтобы расквитаться за поражение в октябре 1917-го. Чехословацкие войска встречали тогда — без преувеличения — как богом посланных избавителей.

Временное Сибирское правительство, которое управляло обширной территорией от Зауралья до Забайкалья, а фактически подчинило себе и Дальний Восток, 30 июня 1918 года обратилось к «Доблестным чехословацким эшелонам»:

«Братья чехи и словаки!

Война забросила вас в далекую от вашей родины Сибирь, где значительная часть населения связана с вами узами национального родства. Судьба объединила нас в борьбе против общего врага... Временное Сибирское правительство с искреннею и глубокою признательностью отмечает ваши крупные заслуги в истории не только Сибири, но и всего славянства, и выражает твердую уверенность, что и предстоящие совместные наши действия будут сопровождаться таким же выдающимся успехом...»

Временное Сибирское правительство обратилось к населению:

«Граждане! Сибирь очищается от большевиков; они бегут, унося с собой всё, что можно захватить. Ярмо нового самодержавия уничтожено, Сибирь вновь свободна... Согласно постановлению Чрезвычайного Сибирского областного центра устанавливаются цвета — белый и зеленый — флага автономной Сибири — эмблема снегов и лесов сибирских».

Четвертого июня 1918 года Временное Сибирское правительство

приняло декларацию «О государственной самостоятельности Сибири»:

«Российской государственности как таковой уже не существует, ибо значительная часть территории фактически оккупирована Германией и Австро-Венгрией, а другая захвачена узурпаторами — большевиками. Характер дальнейших взаимоотношений между Сибирью и Европейской Россией будет определен Всесибирским и Всероссийским Учредительными собраниями».

Аннулировали декреты советской власти. Объявили полную свободу экономической деятельности. Запретили военно-полевые суды. Либерально-демократическое правительство имело все шансы получить народную поддержку. В Сибири у власти находились эсеры, народные социалисты, беспартийные областники.

Но демократические силы оказались слабы в политических интригах, в борьбе за власть. Представителей демократических сил постепенно выдавили из аппарата управления. Верх брали сторонники единоличной власти, сильной руки. И казалось, будто в условиях Гражданской войны иное и невозможно. Все чаще звучало:

— Не доросла Сибирь до демократии!

В сентябре 1918 года собравшиеся в Уфе представители разных антибольшевистских политических партий и организаций образовали Всероссийское Временное правительство. На французский манер его называли Директорией.

Председателем избрали правого эсера Николая Дмитриевича Авксентьева. Европейски образованный, доктор философии, он был председателем исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, министром внутренних дел во Временном правительстве, депутатом Учредительного собрания, членом Петроградского совета. После Октябрьской революции большевики продержали его три месяца в Петропавловской крепости.

Военные не приняли Авксентьева. Считали вторым Керенским — прекраснодушным говоруном, требовали заменить его сильной личностью. В переполненном Омске для правительства не нашлось места, и оно расположилось в вагонах прямо на железнодорожной ветке. Поэтому о Директории презрительно говорили:

— Воробьиное правительство, уселось на ветке — на него дунешь, оно слетит.

«Омск был набит «до отказа» офицерами, у которых солдаты на фронте сорвали погоны, фабрикантами, которых рабочие вывезли на тачке, помещиками, чьи земли поделили... — вспоминал лидер эсеров Виктор

Михайлович Чернов. — В этой бытовой и политической тесноте и давке царила спертая атмосфера лихорадочной борьбы разочарованных честолюбий, горечи обманутых надежд, интриг и подвохов. Здесь кишмя кишели просто спекулянты вперемежку со спекулянтами политическими, бандиты просто и бандиты официальные. Здесь неудобные люди исчезали среди бела дня бесследно, похищенные или убитые неизвестно кем...»

Членов Директории предупреждали, что, отправившись в Омск, они сунут голову в волчью пасть.

— Ничего, — хладнокровно отвечал Авксентьев, — надеюсь, волк подавится.

Чешские офицеры предложили ему предварительно очистить город от переворотчиков и атаманов. Авксентьев отказался, весьма нелюбезно заметив:

— Я не хочу заводить собственных латышей.

Латышские полки в ту пору играли роль кремлевской гвардии, и в антибольшевистском лагере их ненавидели.

Офицерский корпус Сибири не принял Директорию, не желал подчиняться либеральным демократам. Демократическая власть казалась слабой, безвольной. Не только военные, но и политики пришли к выводу, что страной должен править диктатор до полного наведения в России порядка. Идея демократической контрреволюции сгорела в пламени Гражданской войны.

«Заговорщикам не доставало человека, который бы мог послужить, так сказать, «живым знаменем» русского бонапартизма», — вспоминал Виктор Чернов.

И тут в Омске появился Александр Васильевич Колчак.

Он с отличием окончил Морской кадетский корпус, много лет провел в полярных экспедициях. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов участвовал в обороне Порт-Артура, командовал миноносцем. После трагической гибели русского флота в войне с Японией группа офицеров с разрешения морского министра образовала полуофициальный кружок с целью разработки плана воссоздания и реформирования флота. Председателем кружка стал капитан второго ранга Александр Васильевич Колчак, автор трудов по океанографии и гидрологии. Члены кружка подали министру записку с предложением создать Морской генеральный штаб. Весной 1906 года штаб был создан, естественно, в Генштаб зачислили капитана второго ранга Колчака.

Ему не нравилось, как осуществлялась программа военного кораблестроения. Строили не тот корабль, который был нужен, а тот,

который соответствовал ассигнованным средствам. В 1908 году Колчак ушел из Генштаба и увлекся гидрографическими изысканиями, научными экспедициями. В 1910-м он вернулся в Морской штаб на прежнюю должность. В 1912-м получил под командование эскадренный миноносец. В Первую мировую войну командовал минной дивизией на Балтике. За высадку десанта в немецком тылу удостоился Георгия IV степени. В июле 1916-го вице-адмирал Колчак стал командующим Черноморским флотом.

После Февральской революции, в июле 1917 года, Колчака командировали в США во главе военно-морской миссии. После Октябрьской революции он попросил англичан взять его на службу. Ему предложили отправиться аж в индийский Бомбей и получить там назначение на Месопотамский фронт. Он добрался до Сингапура, но там англичане посоветовали ему вернуться в Россию, чтобы бороться с большевиками.

Сначала Колчак отправился в китайский город Харбин, где собралось много беженцев из России. Они сформировали эмигрантское правительство во главе с генерал-лейтенантом Дмитрием Леонидовичем Хорватом, который был управляющим Китайско-восточной железной дорогой. Колчак присоединился к генералу Хорвату, но пытался найти самостоятельное место в российской политике.

Два с половиной месяца адмирал провел в Японии. Старался поладить с военными, многозначительно говорил им:

— Япония играет решающую роль на Дальнем Востоке, только Япония может помочь воссозданию нашей боеспособности.

Но в Токио предпочли сделать ставку не на Колчака, а на другие фигуры. Так что в основном адмирал отдыхал на японском курорте с любимой женщиной, поправлял здоровье. Потом поплыл во Владивосток.

Принято считать, что адмирал Колчак намеревался добраться до Юга России, чтобы присоединиться к Добровольческой армии генерала Антона Ивановича Деникина. Но путь туда был слишком долгим и опасным. А тут, совсем рядом, в Сибири, сформировалась крепкая антибольшевистская власть. Из Владивостока Колчак поехал в Омск, который превратился в столицу Сибири.

Колчак добирался до Омска 17 дней. Прибыл вовремя — 13 октября 1918 года, когда шло формирование нового состава правительства. Поначалу Колчак жил в вагоне. В соседнем разместился главком Сибирской армии генерал Василий Георгиевич Болдырев. Генерал попросил Колчака остаться в Омске.

— А что же мне здесь делать? — спросил Колчак. — Здесь же нет

флота.

— У меня в отношении вас далеко идущие планы, — ответил Болдырев.

Через два дня Болдырев предложил ему войти в Сибирское правительство в роли военного и морского министра.

Некоторые люди отмечали, что адмирал «производит впечатление неуравновешенного человека». Но какое это имело значение в сравнении с блеском его золотых эполет! Это на Юге России генералов и адмиралов было хоть отбавляй, а в Сибири — считанные единицы. Во время Первой мировой войны это был глубокий тыл. За Колчака ухватились еще и потому, что здесь его никто не знал. Все эти месяцы яростной междоусобной борьбы его не было в России. Новый человек!

Четвертого ноября 1918 года было сформировано правительство. Колчак получил пост военного и морского министра.

На следующий день председатель Временного правительства устроил в Коммерческом клубе прием, который продолжался пять часов. Александр Васильевич сидел одиноко в углу. Его соседи по столу не пришли, и места пустовали. В конце приема председатель правительства провозгласил тост:

— За наше блестящее прошлое и, надеюсь, блестящее будущее. За адмирала Колчака!

Можно только поражаться наивности этих людей! Адмирал вошел в состав социалистического и демократического правительства, которое искренне презирал. На заседаниях кабинета министров обычно угрюмо молчал. Да он и не собирался работать в этом правительстве.

Задача военного министра состояла в том, чтобы комплектовать, обучать и снабжать действующую армию. Александр Васильевич желал командовать войсками. Но действующая армия подчинялась не министру, а главнокомандующему генерал-лейтенанту Болдыреву. А с Болдыревым они не сошлись.

«Я редко видел человека, столь быстро загоравшегося и так же быстро гаснувшего после спокойного отпора его натиску, — таковы были впечатления генерала от встречи с адмиралом. — Очень нервный и неустойчивый.хлопот с ним будет немало».

Колчак предложил генералу взять на себя всю полноту власти, Болдырев отказался:

— Власть принадлежит правительству, а мое дело командовать армией.

Ответ Колчака устраивал. Всё бросив, он внезапно отправился на

фронт. Это была идея его сторонников. Они решили показать адмирала солдатам и устроить ему встречу с офицерами определенных взглядов — с таким расчетом, чтобы под влиянием услышанного и увиденного на фронте он принял на себя роль диктатора.

Адмирала привезли в штаб корпуса, которым командовал младший брат одного из главных заговорщиков Виктора Николаевича Пепеляева — молодой генерал-майор Анатолий Пепеляев, который освободил Иркутск от большевиков.

Вечером 15 ноября 1918 года товарищ министра внутренних дел Евгений Францевич Роговский, дворянин, член ЦК партии эсеров и член Учредительного собрания, предупредил правительство: правые готовят переворот.

Главком Болдырев подписал приказ: «Армия вне политики, публичное выявление своих политических симпатий совершенно недопустимо со стороны представителей армии». Но через сутки главком срочно отбыл на Уфимский фронт, а Колчак, которому сообщили, что генерал Болдырев покинул город, вернулся утром 17 ноября в Омск. И к ночи свершился военный переворот.

Три сотни казаков разоружили батальон государственной охраны, подчинявшийся заместителю министра внутренних дел Роговскому. Член Директории Владимир Михайлович Зензинов, эсер по политическим взглядам, вспоминал, как они сидели у Роговского и пили чай. Вдруг открывается дверь, и врываются несколько десятков офицеров с криком:

— Руки вверх!

Почти все были пьяны. Свергнутых членов Директории держали в сельскохозяйственном училище, которое занял под свой штаб казачий атаман Красильников. Потом их выслали из Омска. Сопровождали министров британские солдаты, дабы по дороге, как водится, их не расстреляли при попытке к бегству.

Председатель Совета министров Петр Васильевич Вологодский узнал об арестах в половине четвертого утра. Телефонными звонками подняли с постели и остальных членов правительства: Директория арестована, назначено чрезвычайное заседание кабинета министров. Настроение у собравшихся было подавленное. Вологодский был так потрясен, что даже расплакался. Он потребовал арестовать организаторов переворота.

Но его никто не поддержал, напротив, все заговорили:

— Сделано то, что нужно!

Директория всем надоела. Правые министры настаивали на необходимости сосредоточить всю власть в руках одного человека,

Верховного правителя.

— Значит, диктатура, — утвердительно сказал один из министров.

А кто же в таком случае диктатор? Прозвучали три имени: генерал Болдырев, генерал Хорват и вице-адмирал Колчак. Один из министров проголосовал за Болдырева. Выходец из крестьянской семьи, он храбро воевал, придерживался демократических убеждений, но был мало известен в армии. Остальные отдали голоса Колчаку. На том же заседании правительства Александра Васильевича произвели в полные адмиралы.

Через несколько дней он встретился с журналистами и с чувством превосходства сказал:

— Меня называют диктатором — пусть! Я этого слова не боюсь.

«Очевидно, что это будет очень скверный диктатор, — меланхолически заметил один из министров, — для диктатуры одной импульсивности и вспыльчивой решительности недостаточно...»

По всему городу были развешаны листовки с обращением к народу России. Омичи первыми узнали, что Всероссийское Временное правительство (то есть Директория) низвергнуто и власть перешла к Колчаку. А сам он принял присягу на верность государству и законам страны. В Успенском соборе архиепископ омский Сильвестр благословил Колчака на службу России.

Военный переворот есть военный переворот. По всему городу начались аресты. Озлобленные офицеры расправлялись с политическими противниками. Заодно сводили счеты с неугодными. Через месяц после военного переворота, 22 декабря 1918 года, отряд большевиков поднял в городе восстание. Оно было жестоко подавлено, но большевики успели напасть на тюрьму, желая освободить заключенных. Выпустили 200 человек.

Несколько десятков эсеров, в том числе члены Учредительного собрания, которых бросили за решетку после взятия власти Колчаком, не захотели бежать, считая это недостойным поступком, и вернулись в тюрьму... Это было роковое решение. На следующий день офицеры из отряда атамана Красильникова забрали из тюрьмы наиболее известных заключенных, отвезли на берег Иртыша и прямо на льду расстреляли или зарубили.

Так началось колчаковское правление. Александр Васильевич Колчак — историческая фигура, он нуждается в справедливом и объективном освещении, но что было, то было. В те дни колчаковские офицеры совершали убийства по всему городу.

Дмитрий Федорович Раков, член ЦК партии эсеров, тоже был

арестован, но выжил. «Разыскивать трупы убитых было чрезвычайно трудно, — вспоминал он, — убитых было бесконечное множество, не меньше 1500 человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши».

Историки отмечают: приняв участие в государственном перевороте, Колчак совершил измену, что по тем временам каралось смертной казнью. Но не это главное. Поразительно, с какой легкостью отвергались все попытки переустроить жизнь на демократических началах! Призывы действовать спокойно, медленно, обдуманно, осторожно не находили отклика. Шансы были только у радикалов. Как избавить страну от хаоса? Самим взять власть.

Адмирал Колчак вышел на авансцену в исключительно благоприятный для себя момент. Рушился кайзеровский рейх. В Москве большевики ожидали немецкой революции. Им было не до Колчака. И у адмирала появился шанс. Его поддержало Белое движение на Юге России. 30 мая 1919 года генерал Деникин объявил, что подчиняется Колчаку как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему русскими армиями.

Но адмирал принял на себя ответственность, справиться с которой не смог. Военный моряк Колчак не был подготовлен ни к политической работе, ни к командованию сухопутными силами. Колчаку и его подчиненным не хватило знаний и опыта для руководства боевыми действиями на таком огромном театре военных действий.

Особое значение приобретал пост начальника штаба Верховного главнокомандующего. Колчак отдал его полковнику Дмитрию Антоновичу Лебедеву. Полковника прислал для связи генерал Деникин в надежде объединить силы белого Юга и белой Сибири.

«Лебедев стал центром группы отчаянных людей, которым недоставало только холодного рассудка, чтобы сделаться страшными», — писал начальник британского экспедиционного корпуса в Сибири Джон Уорд.

Лебедев получил генеральские погоны. Но, как и Колчак, не был готов руководить войсками на таком огромном театре военных действий. Не хватало таланта, опыта и знаний. Никто не думал тогда, заметил один из его министров, что назначение Лебедева могло быть элементарно результатом неумения адмирала разбираться в людях.

«Колчак, — вспоминал один из близких ему людей, — чувствовал себя беспомощным в сухопутных операциях Гражданской войны, где психология значила больше, чем что-либо другое. Оттого, когда он видел

генерала, он сейчас же хватался за него, как за якорь спасения. Каждый генерал казался ему авторитетом...»

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

4-я армия Фрунзе должна была действовать на южном фланге Восточного фронта. Первоначальная задача — «ликвидация белого уральского казачества», а затем наступление на Ташкент, чтобы вернуть Туркестан Советской России. Край оказался отрезан от страны, когда восстали оренбургские казаки атамана Александра Ильича Дутова и железнодорожное сообщение Самара — Ташкент было прервано. Возвращению Туркестана придавалось большое значение. В Москве сформировали комиссию ВЦИКа с особыми инструкциями и полномочиями. Она прибыла в Самару в начале 1919 года и оставалась при штабе Фрунзе.

Но Михаил Васильевич понимал, что двух стрелковых дивизий (22-й и 25-й), входивших в состав армии, явно недостаточно для столь масштабной цели. Подчиненные ему войска были наскоро сколочены из разрозненных партизанских и красногвардейских отрядов, которые не признавали никакой дисциплины. Командиров и комиссаров убивали, если те пытались навести порядок.

Одиннадцатого февраля 1919 года Фрунзе телеграфировал председателю ВЦИКа Якову Михайловичу Свердлову: «Прибыл лично в расположение армии, ознакомился с составом и настроением, а равно с командным составом и политработниками. Требуются большие персональные изменения. Необходимо тщательное расследование всей деятельности не только мятежных частей, но и всего руководящего персонала армии».

В войсках царила революционная вольница. Один командир бригады, получив от Фрунзе выговор, вины не признал, обратился за поддержкой к подчиненным, и командный состав бригады потребовал от Михаила Васильевича явиться для объяснений с революционными бойцами. Командир другой бригады потребовал отвести его часть в тыл на отдых, угрожая в противном случае оставить позиции. Третий комбриг вообще отказался исполнить боевой приказ.

Отсутствие дисциплины было вполне закономерным. Сразу после революции большевики Николай Ильич Подвойский и Константин Степанович Еремеев разработали декларацию прав солдата. За подписью Ленина появились декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Власть в армии

передавалась солдатским комитетам. Солдаты получили право выбирать себе командиров.

Крыленко самокритично писал: «Конечно, тут не обошлось без тяжелых эксцессов, страданий для части ни в чем не повинного младшего офицерства, повсеместно смещенного солдатами с должностей и поставленного на уровень рядовых; самоубийства офицеров, брошенных в землянки, приставленных конюхами, кашеварами и т. д., эпидемией прошли по армии, но зато революция была поставлена на ноги в армии».

Вскоре большевикам стало ясно, что такая армия воевать не может, потому что это не армия, а толпа. Французские военные разведчики, докладывая в начале января 1918 года в Париж о ситуации в России, отмечали: «Народные массы хотят мира любой ценой, полагая, что он немедленно покончит с нищетой и обеспечит легкую жизнь. Желают, ничего в этом не понимая, раздела всего и полного равенства без офицеров в армии, инженеров на фабриках и т. д. Опьянены громкими словами, в которых совсем не разбираются: «демократический мир», «право наций на самоопределение», «без аннексий и контрибуций»... Единственный стимул — боязнь побоев. Только палка в твердой руке заставит маршировать тысячи».

Двадцать четвертого сентября 1918 года член Реввоенсовета 1-й армии Сергей Павлович Медведев писал Ленину о положении на фронте борьбы с чехословацкими частями: «Я убедился, что у нас есть толпы вооруженных людей, а не крепкие воинские части. Зло, которое причиняли эти толпы делу борьбы с чехословаками и белогвардейцами, прямо неопишимо. Как только они занимали какую-нибудь деревню или село, они вызывали своей неорганизованностью и распущенностью величайшее озлобление всего населения.

Всякий мало-мальски самостоятельный житель и его дом рассматривался как белогвардейское пристанище и подвергался и явному, и тайному ограблению. Самовольные захваты лошадей, фуража, продуктов питания, обыски в домах и при этом грабеж...

Во всех этих вооруженных толпах не проявлялось никакого понятия о дисциплине, о подчинении командному составу во время операций. Сам же командный состав настолько оказался слабым, безвольным, терроризированным негодными элементами части, что не он командовал частями, а его части тянули, куда хотели. Даже самые стойкие и решительные из них собирались порою бежать, чтоб не нажать себе горя... Каждую минуту можно было ожидать, что всё дело борьбы рухнет безвозвратно...

Части нашей Красной армии формировались в различных местах и совершенно по-разному. Большая часть из них состоит из добровольцев. Никакой военной выучке они не подвергались, и поэтому слишком трудно совершать с ними военные операции. Они могут совершить партизанский набег, но чуть только попадут под военный, а не под партизанский огонь — они обнаруживают всю слабость свою и панически бегут от жалкой горстки опытного противника...

У нас есть некоторое количество честных бывших офицеров. Они знают, что нужно сделать, чтобы превратить нашу борьбу в борьбу военную, но сделать это, по их характеру, им не дано. Те же из них, кои могли бы это сделать, терроризированы негодным в военном отношении, а часто и в моральном, элементом...»

После войны Сергей Павлович Медведев перейдет в профсоюзы, возглавит Союз металлистов. Человек прямой и принципиальный, станет одним из вождей «рабочей оппозиции». Его исключат из партии и уничтожат...

Вести боевые действия в условиях Гражданской войны оказалось во всех отношениях сложным делом. Фрунзе научился ладить со своими подчиненными, добиваясь своего где уговором, а где и жесткостью. Михаил Васильевич был человеком обаятельным, умевшим внушать к себе уважение. И его карьера развивалась стремительно. Он сильно изменился. Ему понравилось воевать.

Фрунзе противостояла Оренбургская армия белых под командованием генерал-лейтенанта Александра Ильича Дутова. Полковник царской армии, он в 1917 году был избран атаманом Оренбургского казачества и членом Учредительного собрания. В лагере белых его считали человеком посредственных способностей, но Колчак одарил Дутова генеральскими погонами. Александр Ильич предпочитал называть себя «походным атаманом всех казачьих войск».

В январе 1919 года Фрунзе вступил в командование армией. Через месяц с небольшим ему подчинили еще одну, Туркестанскую, армию, которой в реальности не существовало. Ему предстояло сформировать это соединение на базе вырвавшейся из окружения 31-й стрелковой дивизии и 3-й кавалерийской, а штаб разместить в Оренбурге. 5 мая командующий Восточным фронтом приказал: «Тов. Фрунзе теперь же приступить к развертыванию армии и представить свои соображения по выполнению операции».

Но все планы фронта были отменены, потому что началось внезапное (для командования Красной армии) наступление Колчака. Фрунзе получил

приказ фронта: «Задача Туркестанской армии временно отложена».

Войска Фрунзе должны были противостоять Западной армии колчаковских войск, которой командовал его тезка — генерал-лейтенант Михаил Васильевич Ханжин. Его последняя должность в царской армии — генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. После революции он перебрался в Сибирь и принял на себя командование армией. 6 марта 1919 года он начал наступление на Уфу, Самару и Казань. Красные отступали. Уфу и Белебей Ханжин взял. Немного не дошел до Волги. Довольный Колчак произвел его в генералы от артиллерии.

Противостоявшая ему Красная армия находилась в бедственном положении. Мобилизованные крестьяне воевать не желали. В середине марта 1919 года Фрунзе доложил Троцкому о положении на фронте: «По последним полученным мною донесениям от лиц, заслуживающих полного доверия, 5-я армия почти утратила боеспособность. Полки ее откатываются назад при первом натиске противника и сразу очищают большие пространства.

В ближайшем тылу армии — в губерниях Самарской, Симбирской, Уральской и Оренбургской — полное неблагополучие, тыл шатается. 8 марта вспыхнуло крестьянское восстание. Взбунтовался 175-й полк; разбив артиллерийские склады и разобрав бывшие там берданки, он пытался поднять другие части. Восстание носило массовый и организованный характер. Целью его ставилось овладение городами Самарой, Сызранью, Ставрополем (на Волге). Руководители движения имели связь с колчаковцами, и ими восстание, несомненно, приурочено к моменту решительного удара, подготовленного и нанесенного Колчаком в районе Уфа — Бирск. Восстание шло под лозунгами: «Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции! Долой коммунистов и коммуны!» В городах, волостях и селах были сформированы волостные военно-революционные штабы. Движение выросло на почве недовольства экономическими тяготами и мероприятиями».

Фрунзе рапортовал о предельно жестоком подавлении крестьянских восстаний карательными отрядами: «Расстреляно свыше шестисот главарей и кулаков. Село Усинское, в котором восставшими был истреблен целиком наш отряд, сожжено совершенно. Сейчас всё спокойно, но, конечно, лишь наружно, то есть ближайший тыл армии неустойчив».

Михаил Васильевич просил подчинить ему эти губернии не только в военном, но и в общегражданском порядке. И прислать достаточное количество опытных работников, которые бы взяли на себя управление этим краем. Членом Реввоенсовета своей армии попросил назначить

Исидора Любимова, который заменил Фрунзе на посту председателя губисполкома в Иваново-Вознесенске.

Колчаковское наступление приобрело опасный характер. Белым оставалось до Волги не больше 100 километров. Если бы войска Колчака дошли до Волги, они смогли бы соединиться с армией Деникина. В штабе Фрунзе созрела идея контрудара. Его 4-я армия прочно удерживала позиции. Поскольку соседи отошли, 4-я армия теперь занимала выступ, глубоко вклинившийся в расположение противника.

Седьмого апреля 1919 года Фрунзе предложил командованию Восточного фронта сформировать в районе Бузулука ударную группу. Предложение было принято. 10 апреля комфронта оперативно подчинил Фрунзе еще две армии — в том числе 5-ю будущего маршала Михаила Николаевича Тухачевского.

В тот же день Михаил Васильевич приказал: «Требую от всех проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успехов противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение».

Но получить подкрепления было не простым делом. Он обратился к недавним коллегам — военным комиссарам Ярославского и Иваново-Вознесенского округов с отчаянной просьбой: «Высылайте возможное количество пополнений, хотя бы без вооружения и снаряжения. Положение исключительно острое». Информировал: «Приказ о мобилизации пятидесяти процентов рабочих санкционирован Реввоенсоветом Республики».

Больше всего рассчитывал на город, где еще недавно работал. Обратился в губком партии, а копию обращения переслал в ЦК: «Прошу мобилизованных коммунистов из Иваново-Вознесенска направить в мое распоряжение для распределения по четырем армиям Южной группы».

Оружие и снаряжение собирал по крохам. 16 апреля по прямому проводу доложил командующему фронтом:

— Мною приказано учреждениям штаба группы и губернского комиссариата работать день и ночь, дабы никаких задержек со снаряжением не было. Я прекратил всякую переписку по таким вопросам, и все делается непосредственным сношением и без всяких проволочек.

В апреле Фрунзе уже официально вступил в командование Южной группой войск Восточного фронта. Невероятно быстрая карьера.

Новый командующий фронтом подписал приказ: «Не место малодушию и робости в наших рядах перед лицом неудач. Эти неудачи

временны и объясняются главным образом тем, что нам пришлось отвлечь часть сил на Южный фронт. Ныне наша задача близка к завершению, и глаза России вновь обратились к нам, на восток. Помощь идет».

Двадцать шестого апреля его части перешли в наступление. Фрунзе подписал оперативную сводку в штаб фронта: «Наши полки атаковали противника, переправившегося через реку Салмыш; противник был сброшен в реку нашим артиллерийским огнем, причем сдалось в плен более тысячи пехоты, захвачена трехорудийная батарея, пятнадцать пулеметов, обозы и другая добыча. Подробности будут донесены дополнительно».

В результате двухнедельного наступления колчаковцы были отброшены от Волги. Михаил Васильевич объявил всем благодарность, а наиболее отличившихся приказал представить к наградам.

Теперь он поставил перед частями задачу овладеть Уфой. 23 мая он прибыл в Бугуруслан, чтобы лично руководить наступлением. Его подталкивал Ленин, который 25 мая телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной».

Долгое время большевики считали важнейшим Южный фронт и там сосредоточили основные силы. И только когда они одолеют Деникина, всей мощью повернут против Колчака. Его войска не выдержат напора Красной армии.

Девятого июня командующий Южной группой Фрунзе уже доложил командующему Восточным фронтом Каменеву об успехах в уфимской операции, о том, что враг отступает, а его части переправляются через реку Белую. Михаил Васильевич неотлучно находился в районе переправы. Требовал от штаба фронта улучшить снабжение: «Прошу принять меры в отношении снабжения меня авиасмесью. Наши аппараты почти бездействуют, позволяя противнику безнаказанно ударять по самым чувствительным местам. Противник стал усиленно бомбардировать с аэропланов, стремясь разрушить наши переправы и вообще нагнать панику. Между прочим, вчера ранен с аэроплана пулей начдив Чапаев, а я слегка контужен бомбой».

Вечером того же дня в Уфу вошла 25-я дивизия Василия Ивановича Чапаева. Довольный успехами своих бойцов, Михаил Васильевич дал интервью «Известиям ВЦИК»:

— Колчак сломан и разбит на пять шестых. Некоторые резервы у него все еще имеются, и сопротивление он будет оказывать, задерживаясь на удобных рубежах. Но по существу спор с Колчаком решен. Разделавшись с

Колчаком, справимся и с Деникиным. Несмотря на временные поражения, я смотрю на будущее чрезвычайно оптимистично. Все те неблагоприятные явления, которые наблюдаются на Южном фронте, имели место в свое время и на Восточном. Но, как показал нам уже опыт, с приближением врага и население, и красноармейские части быстро отрезвляются.

За умелые действия при организации контрудара и взятии Уфы 8 августа 1919 года Михаил Васильевич получил свой первый орден Красного Знамени.

Именно Фрунзе подчинялся Чапаев, который со временем станет самым популярным героем Гражданской войны — пока не перейдет в анекдоты. Он был одной из тех натур, мечтающих о приключениях и авантюрах, желающих жить опасно, которые бросились в революцию и Гражданскую войну от скучной и серой жизни. В этой мятежной стихии он чувствовал себя как рыба в воде.

Сразу после его гибели политотдел фронта издал отдельной листовкой статью комиссара 25-й дивизии Дмитрия Фурманова, который писал: «Точную и подробную биографию покойного Василия Ивановича Чапаева я не знаю. Сообщу лишь те отрывочные сведения, которые запомнились мне из многих разговоров, что вели мы с ним во время бесконечных странствований на перекладных вдоль и поперек по Уральским степям.

Чапаев — сын артиста-цыгана и дочери Казанского губернатора, фамилию которого не помню. Когда девушка, губернаторская дочь, забеременела, цыган бросил ее и скрылся бесследно; губернатора в то время уже не было в живых. Девушка пришла с повинною к матери. Та после строгого выговора приняла ее обратно. При родах губернаторская дочка умерла. Ее матушка-губернаторша, не пожелав воспитывать «незаконного» внука, отдала его на воспитание брату своего кучера...

Чапаев рассказывал мне, что еще нетронутый и чистый, он попал в семью зараженных и развращенных людей, которые отравили его юношеские думы и сбили на узкую, торную дорогу... Восемнадцати лет взял шарманку, захватил с собой девушку — Дуню и отправился по белому свету. Этим делом он занимался несколько лет, вплоть до солдатчины. И до самой смерти из-под ружья так и не выходил».

Совершенно романная история (отец — артист, мать — губернаторская дочка), которую Чапаев под настроение рассказывал своему комиссару, как нельзя лучше свидетельствует о том, как этот человек мечтал избавиться от скуки повседневности, как ему хотелось жизни, полной приключений. Но она оказалась очень короткой.

Он рассорился с прежним командованием 4-й армии. Через голову

начальства обратился непосредственно к Троцкому: «Доношу до вашего сведения — я выбился из сил, мне командарм 4-й не дает развития на фронте, без чего я жить не могу. Желаю воевать. Вы назначили меня начальником дивизии, но вместо дивизии дали растрепанную бригаду, в которой всего тысяча штыков.

Ко мне со всех сторон идут добровольцы, которые хотят умереть со мною вместе за советскую власть или очистить страну от бандитов. Но винтовок мне не дают, шинелей нет, люди раздеты. До сего времени нет еще ни одного автомобиля. Во всём мне задержка — хлеб и снаряды подвозить не на чем. Казаки в Уральске имеют бронированный автомобиль, который курсирует на моем участке. У меня такого не имеется».

В ноябре 1918 года Чапаева отправили учиться в Академию Генерального штаба. Но уже в январе он обратился в Реввоенсовет 4-й армии: «Прошу вас покорно отозвать меня в штаб 4-й армии на какую-нибудь должность — командиром или комиссаром в любой полк. Академия мне не приносит никакой пользы. Что преподают, я это прошел на практике. Вы знаете, что я нуждаюсь в общеобразовательном цензе, которого я здесь не получаю, и томиться понапрасну в стенах я не согласен. Это мне кажется тюрьмой, и я прошу покорно не морить меня в такой неволе.

Я хочу работать, а не лежать, и если вы меня не отзовете, я пойду к доктору, который меня освободит, и я буду лежать бесполезно... Так будьте любезны, выведите меня из этих каменных стен».

Василий Иванович не осилил учебу в академии, считают военные историки. Он и дня не ходил в школу, читать научился уже взрослым человеком. Как раз в октябре 1918 года Троцкий утвердил учебный план Академии Генерального штаба, в который входила 21 дисциплина, среди них философия войны, военная психология, государственное и международное право, социология, логика и методы научного познания.

Желание Чапаева было удовлетворено, он получил под командование отдельную бригаду. Отличился в боях. И 20 марта 1919 года был поставлен во главе новой 25-й дивизии, ставшей главной ударной силой войск Фрунзе. Летом 1919 года Чапаев защищал Уральск от казаков. Бои были невероятно ожесточенные.

Налет белых на станицу Лбищенск, где находился штаб 25-й дивизии, 5 сентября 1919 года привел к гибели ее командира Чапаева. Фрунзе издал по этому случаю приказ: «Я ожидаю от всех войск 4-й армии строгого и неуклонного выполнения их революционного долга. Ожидаю, что их мощный, сокрушительный удар разобьет все надежды врага и отомстит за

гибель своих вождей. Теснее смыкайте ряды, товарищи, крепче сжимайте винтовки в руках и смело вперед на полуиздыхающего, но всё еще дерзко сопротивляющегося врага».

События под Лбищенском начальник штаба группы войск Федор Новицкий назвал катастрофой, перечеркнувшей успехи 4-й армии.

«Состояние наших войск ослабло, — вспоминал Новицкий, — с одной стороны, начались массовые тифозные заболевания, с другой — стал ощущаться резкий недостаток в боеприпасах. И надо признать, что из всех наших противников уральское казачество являлось самым упорным, самым энергичным, предприимчивым и инициативным».

Переброска подкреплений помогла изменить ситуацию на поле боя.

Военное счастье покинуло колчаковцев.

Ханжин, отступая, сдал Уфу. 6 ноября 1919 года его заменил генерал-лейтенант Константин Вячеславович Сахаров, которого в училище именовали «бетонной головой». Сначала он служил генералом для поручений при штабе Верховного правителя, в мае получил назначение начальником штаба Западной армии. Командармом он пробыл какой-нибудь месяц, потому что остановить наступление красных не мог.

Непосредственное руководство действиями войск Фрунзе (как и всеми операциями Красной армии) осуществлял выбранный Троцким на пост главнокомандующего бывший полковник Иоаким Иоакимович Вацетис. Он окончил Академию Генерального штаба, в 1917 году командовал 5-м Земгальским латышским полком, вместе с которым перешел на сторону революции. Весной 1918 года он сформировал Латышскую советскую стрелковую дивизию, которая охраняла Кремль и подавила мятеж левых эсеров. С тех пор Вацетис пользовался у большевиков особым доверием.

В июле 1918 года Вацетис был назначен командующим Восточным фронтом, а в сентябре — Главнокомандующим вооруженными силами республики.

Но Вацетиса не любили в ВЧК, что погубило его военную карьеру. Он держался независимо и не скрывал своих взглядов. 18 апреля 1919 года главком в подробном докладе Ленину вступился за высокообразованных офицеров, которые тащили на себе всю штабную работу, трудились «в высшей степени добросовестно, честно и с гораздо большей затратой энергии, чем это делалось и требовалось условиями службы старой императорской армии». Вацетис писал об оскорбительном недоверии к бывшим офицерам, которые по своей воле пошли служить советской власти, жаловался на несправедливое отношение к ним со стороны комиссаров и чекистов.

В ответ Особый отдел ВЧК арестовал бывшего офицера, состоявшего при Вацетисе, и сообщил Дзержинскому, что в Полевом штабе Реввоенсовета созрел белогвардейский заговор. Феликс Эдмундович доложил Ленину, тот подписал приказ об освобождении Вацетиса от должности главкома.

Полевой штаб РВС существовал с 22 октября 1918 года и руководил всеми боевыми операциями. Вместе с Вацетисом был арестован начальник штаба Федор Васильевич Костяев и еще несколько ключевых штабистов. Эти аресты были проведены летом 1919 года, когда положение на фронтах было отчаянное.

Обвинения против Вацетиса, как и следовало ожидать, оказались липовыми. Освободили и остальных офицеров, дела прекратили за отсутствием состава преступления. Но на свой пост Вацетис уже не вернулся.

Главкомом стал Сергей Сергеевич Каменев, еще один выпускник Академии Генерального штаба. 1 апреля 1918 года он вступил в Красную армию, в сентябре 1918 года сменил Вацетиса на посту командующего Восточным фронтом и сражался против войск адмирала Колчака. Начальником штаба фронта был Павел Павлович Лебедев, бывший генерал-майор. Последняя должность в старой армии — генерал-квартирмейстер (начальник Оперативного управления) в штабе Западного фронта.

Весной 1919 года Каменев вступил в конфликт с Реввоенсоветом Республики, отказавшись исполнить приказ Троцкого прекратить наступление на Восточном фронте, чтобы можно было перебросить силы на Южный фронт против Деникина. За невыполнение приказа Троцкий отстранил его от должности, но в самой вежливой форме: «Напряженная и непрерывная работа командующего Восточным фронтом вызвала потребность во временном отдыхе. Увольняя Каменева в шестинедельный отпуск и выражая ему благодарность от имени Красной Армии, твердо надеюсь, что войска Восточного фронта под руководством нового командующего, А. А. Самойло, разовьют уже полученные успехи и дадут Советской Республике полную победу над Колчаком».

Каменеву было вдвойне обидно: его не только сняли с должности, но и заменили бывшим генерал-лейтенантом Александром Александровичем Самойло, с которым он находился в неприязненных отношениях еще с царских времен.

Самойло командовал 6-й армией, которая сражалась на севере страны. Его вызвал к прямому проводу бывший сослуживец по Генеральному

штабу Федор Васильевич Костяев, начальник Полевого штаба Красной армии, и от имени главкома предложил принять должность командующего армиями Восточного фронта. За ним прислали салон-вагон, на котором он прибыл в Симбирск.

Появлению Самойло в штабе фронта не обрадовались. Дело в том, что снятый с должности Каменев из Симбирска не уехал. Он жил на одной квартире вместе с влиятельным членом Военного совета фронта Сергеем Ивановичем Гусевым. «И через него, — вспоминал Самойло, — пытался влиять на все проводимые мной решения. Неоднократно бывало, что Гусев, соглашаясь со мной по какому-либо вопросу утром, во вторую половину дня, вернувшись с обеда и переговорив, очевидно, с Каменевым, отказывался от своего прежнего мнения».

Действиями Самойло был недоволен и подчинявшийся ему командующий Южной группой войск Восточного фронта Фрунзе. Самойло изменил план боевых действий и собирался расформировать группу Фрунзе, чтобы основной удар нанести на другом участке фронта. Обиженный Михаил Васильевич по прямому проводу сообщил Самойло о своем несогласии: «Должен откровенно сознаться, что директивой я сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение... Я глубоко не согласен и с основной идеей нанесения удара на север от Бугульмы... Свое теперешнее положение считаю ложным и вредным для дела...»

Сергей Гусев и другие члены Реввоенсовета фронта жаловались на Самойло Ленину и просили вернуть на пост главкома Каменева.

Троцкий, желая в тот момент сосредоточить все силы против самого опасного врага — Деникина, стратегически оказался прав. Но опытный Сергей Каменев тоже был нужен Красной армии, и его восстановили в должности. Он вспоминал: «Склянский сообщил, что мне приказано... вновь принять командование Восточным фронтом. Такого оборота дела я никак не ожидал».

Эфраим Маркович Склянский, заместитель наркома по военным и морским делам и заместитель председателя Реввоенсовета, был человеком номер два в военном ведомстве Советской России. Большинство документов издавалось за его подписью.

Всё вернулось на круги своя. Александр Самойло вновь принял под командование 6-ю армию. 8 июля 1919 года Каменев вступил в должность главкома. В августе 1919 года Сергей Сергеевич первым в Красной армии был награжден Почетным революционным оружием — шашкой с прикрепленным к ней орденом Красного Знамени. За всю войну этой награды удостоились всего 20 человек, половину из них Сталин со

временем расстреляет...

Фрунзе тоже был доволен возвращением Каменева. Его дивизии наступали. Успеху Красной армии способствовали настроения сибирских крестьян, среди которых было много вчерашних фронтовиков. Еще недавно они восставали против большевиков, свергали местную советскую власть, захватывали склады с оружием и разоружали части Красной армии. А теперь развернулось краснопартизанское движение против белых. Всего через полгода Колчак потерпел окончательное поражение.

«Я видел адмирала в состоянии почти невменяемом, — рассказывал один из его министров. — Он почти не слышал, что ему говорили. Стучал кулаком, швырял все предметы, которые были на столе, схватил перочинный нож и ожесточенно резал ручку кресла.

— Оставьте меня в покое! — кричал адмирал».

Наверное, он ощущал свою неудачливость как полководца и политика.

Историки говорят об излишней эмоциональности Колчака, о том, что он слишком поддавался влиянию. В минуты душевного упадка инстинктивно прислушивался к тем, кто говорил приятное. Им верил, их отличал. При дворе адмирала торжествовали угодливость и лукавство, особо опасные в такую эпоху.

Восемнадцатого апреля 1919 года в Успенском соборе прошла пасхальная служба. Последняя в жизни адмирала Колчака. После службы он обошел войска, выстроенные на Соборной площади, и уехал на автомобиле.

«Я, как и все, — вспоминал очевидец, — вглядывался в его лицо. Если предаваться фантазии, то можно было, пожалуй, сказать, что на лице была печать рока, обреченности».

Колчак утратил поддержку Сибири и Дальнего Востока. Когда казачьему офицеру Ивану Николаевичу Красильникову, одному из тех, кто привел адмирала к власти, передали, что Верховный правитель недоволен его самоуправством, он нагло ответил:

— Я его посадил в это кресло, я его и смещу...

Девятнадцатого июля 1919 года Фрунзе получил очередное повышение — он стал командующим войсками всего Восточного фронта — вместо Сергея Каменева, назначенного главкомом вооруженных сил республики и отозванного в Москву.

Фрунзе разместился в Симбирске. Приказал вести преследование отходящего противника. 25 июля оповестил своих подчиненных: «Поход на Туркестан решен в положительном смысле. Подготовку следует вести немедленно».

Одиннадцатого августа его фронт разделили на два — Восточный и Туркестанский. 13 августа Фрунзе принял Туркестанский фронт в составе трех армий. 18 августа подписал приказ: «Сего числа я прибыл и вступил в командование Туркестанским фронтом».

Членом Реввоенсовета он запросил к себе Валериана Владимировича Куйбышева. Тот уже был членом РВС у Фрунзе в Южной группе армий Восточного фронта. Они дружили. В 1921 году Куйбышева заберут в Москву и назначат членом президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). В апреле 1922 года изберут секретарем ЦК. В 1923-м он станет наркомом рабоче-крестьянской инспекции и одним из верных сотрудников Сталина.

Седьмого октября 1919 года Михаил Васильевич подписал приказ, который должен был вдохновить бойцов: «Вы, доблестные войска, многомесячными усилиями в бездорожном районе через горы, леса, по песчаным степям очищали путь в Красный Туркестан, где приготовлен для окруженной кольцом врагов Советской России столь нужный для нее хлопок, чтобы одеть нашу пролетарскую семью. Свершилось. Путь на Туркестан свободен».

Личному составу 1-й армии он распорядился выдать месячный оклад.

Пятнадцатого ноября Фрунзе оповестил своих красноармейцев: «14 ноября героическими войсками Сибирского фронта взята столица Колчака город Омск. Остатки колчаковских войск переходят на нашу сторону и сдаются в плен. Один из главных врагов рабоче-крестьянской России разгромлен. Поздравляем все войска Туркестанского фронта с этим радостным известием. Я требую и от вас последнего и решительного напряжения сил».

Вот теперь Михаил Васильевич мог вернуться к главной задаче — открыть путь на Туркестан, восстановить железную дорогу и наладить отправку оттуда эшелонов с нефтью и хлопком.

ХОЗЯИН ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Огромный Туркестанский край, где предстояло действовать Фрунзе, включал Сыр-Дарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую, Закаспийскую и Семиреченскую области. Основную массу населения составляли узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки...

В старой России они находились на положении второразрядных народов. Казахам, узбекам, киргизам в царскую армию не брали. От воинской повинности в Туркестанском крае освобождалось не только «инородческое» население, но и русские переселенцы; как было записано в законе: «по причинам недостаточной еще ассимиляции и культурности». Скорее царские власти не хотели призывом в армию уменьшать русское население края. Взамен личной воинской повинности предполагалось ввести военный налог. Но ограничились тем, что объявили мобилизацию на строительство.

Почти в конце Первой мировой войны, 25 июня 1916 года, император Николай II подписал рескрипт «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ».

Казахи-скотоводы отказывались оставлять семьи, которые без кормильца погибли бы. Не хотели ехать во фронтовую зону. В результате в июле — августе 1916 года вспыхнуло восстание. Его утопили в крови. Войска сжигали целые кишлаки и аулы. Пытаясь спастись, почти миллион казахов бежал в сопредельные страны. Только Февральская революция 1917 года прекратила карательные экспедиции.

Седьмого марта 1917 года Временное правительство амнистировало участников национально-освободительного восстания, 20 марта отменило всякие ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию или национальности. В конце июля в Оренбурге прошел I Всеказахский съезд, на котором была образована партия «Алаш» и принята программа действий. Съезд поддержал идею превращения России в демократическую федеративную республику, частью которой станет Казахстан.

На выборах в Учредительное собрание партия «Алаш» провела своих депутатов. II Общеказахский съезд в декабре 1917 года провозгласил создание Алашской автономии и сформировал временный Народный совет,

предполагая, что Учредительное собрание утвердит конституцию автономии. Лидер партии «Алаш» Алихан Букейханов говорил:

— Среди нас нет стремлений к сепаратизму. Мы едины с великой демократической Федеративной Россией. Получить культуру мы сможем через Россию, при посредстве русских.

Но власть взяли большевики, Учредительное собрание разогнали, история России и Казахстана пошла иным путем.

Фрунзе подписал приказ, адресованный всем частям Туркестанского фронта:

«Красная армия вступила в полосу, занимаемую слабыми народами: киргизами, узбеками и другими, доселе изнывавшими под тяжелой пятой российского империализма и самодержавия. Красная армия, выполняя заветы, возложенные на нее мировой революцией и непосредственными задачами российской революции, является освободительницей всех малых народов Азии от векового гнета.

Из целого ряда докладов с мест видно, что у киргизского населения отбирается скот, подвод, производятся грабежи и совершаются даже убийства.

Реввоенсовет приказал:

Объявить во всех частях и учреждениях, что всякий красноармеец, учиняющий какое-либо насилие, грабеж, незаконный захват подвод и т. п., будет рассматриваться как сознательный контрреволюционер, с которым будет поступлено по всей суровости революционного закона, вплоть до расстрела».

Фрунзе особо отметил, что с партией «Алаш» большевики иметь дело не намерены.

«Так называемое алаш-ордынское правительство считает себя равной с нами стороной и выдвигает соответствующие этому договорные условия. В дополнение к прежним директивам разъясняю:

Никакого алаш-ордынского правительства мы не знаем и не признаем и в договорные соглашения с ними вступать не можем.

Правительство как таковое распускается.

Переговоры не тянуть.

Наилучшим разрешением вопроса является энергичное продвижение вперед наших частей согласно моего приказа».

Наступавшим войскам Фрунзе противостояли в основном казачьи части. Красные действовали крайне жестоко, что, впрочем, определялось приказами сверху. 30 августа 1919 года Михаил Васильевич получил шифротелеграмму от Ленина: «Особо обсудите внимательнейше, как

захватить нефть в Гурьеве, это обязательно, действуйте и подкупом, и угрозой поголовного истребления казаков, если они сожгут нефть в Гурьеве. Отвечайте скорее и точнее».

Затем последовала новая телеграмма вождя: «Все внимание уделите не Туркестану, а полной ликвидации уральских казаков».

Двадцатого октября Фрунзе телеграфировал Ленину: «Поступили сведения о нахождении нефти и сланцев в районе Уральска. Для производства обследования изысканий необходимо командирование в распоряжение фронта из Саратовского губсовнархоза инженера, знакомого с районом. Ходатайство направлено. Просим содействия».

Ленин торопил Фрунзе, упрекал в медлительности. Командующий оправдывался: «Армия страдает от крайнего недостатка патронов, винтовок, обмундирования и белья; были случаи, когда части делались жертвой противника вследствие отсутствия патронов».

Сам Михаил Васильевич уехал в Москву на съезд Советов. Телеграфировал своим подчиненным: «Категорически требую перехода в общее наступление не позднее 12 декабря. Наступление крайне необходимо ввиду особого постановления Совнаркома, имеющего быть принятым на днях в отношении уральского казачества. Возможно, что из Москвы непосредственно выеду лично в Уральск».

На фронт он вернулся через любимую Шую, где ему устроили торжественную встречу. На вокзале партийный актив города выстроился в две шеренги. Фрунзе повезли в Клуб коммунистов, где он держал речь и рассказал, что революционное движение разрастается не только на Западе Европы, но и в Азии, и Африке.

Командующий фронтом исполнил приказ вождя. В результате Уральско-Гурьевской операции (2 ноября 1919 — 10 января 1920 года) возглавляемый им Туркестанский фронт восстановил советскую власть в Уральской области. Гурьев войска Фрунзе взяли 5 января 1920 года. Сжечь нефть казаки не успели.

Михаил Васильевич телеграфировал Ленину: «Уральский фронт ликвидирован. Сегодня на рассвете кавалерия, пройдя за три дня 150 верст, захватила последнюю вражескую базу — Гурьев».

Фрунзе был доволен победой. Перед отъездом из Гурьева он писал старой знакомой, с которой не виделся много лет: «Несколько слов о себе. Я женат: моя жена — сибирячка; детей у нас нет. Начиная с своего бегства из Сибири (март 1916 г.), непрерывно варюсь в супе общественной жизни на самых различных амплуа. Последнее время специализировался на военном деле и, как видите, состою ныне командующим фронтом,

сделав «некоторую карьеру». В общем же и целом, пожалуй, остался такой, каким и был».

Теперь Фрунзе предстояло наладить управление огромными областями, занятыми Красной армией. Михаила Васильевича, еще остававшегося со штабом в Самаре, ждали в Ташкенте. 21 января с ним связался оттуда по прямому проводу Куйбышев:

— Наконец-то мы добились связи с вами. Сможем выслушать ваши упреки и уверены, что оправдаемся. Наиболее важный вопрос, который мы хотели поднять, — это присылка живой силы вместо учреждений и чиновников. Здесь и без того достаточно. Вы приблизительно знаете политическую атмосферу Туркестана и наше здесь положение и поэтому поймете, что присылка одних учреждений, создающих пока квартирный и другие кризисы, вредно отражается на нашей работе.

Куйбышев просил прежде всего перебросить свежие части, чтобы сменить ташкентский гарнизон.

— Ругать вас не собираюсь, — ответил Фрунзе, — всё равно не поможет. Относительно скорейшей подачи войск должны меры приняты.

Его возможности были ограничены пропускной способностью железной дороги и нехваткой топлива.

— Настроение в центре таково, — объяснил Фрунзе, — что туркестанские интересы отодвинуты на задний план. Прошу не ограничиваться надеждой на нас; всё, что можно, то сделаем, но этого будет недостаточно. Всё.

— Торопитесь ехать, — повторил Куйбышев, — не задерживайтесь в пути. Есть масса политических, дипломатических и военных вопросов крайне острых и спешных, которые мы бы хотели решить вместе с вами. До свиданья.

Фрунзе подписал новый приказ частям фронта:

«Ваша прямая боевая задача блестяще выполнена. Враг разбит. Издыхая, он напрягал остатки своих сил, выявил все знания и богатства, чтобы уничтожить ненавистную ему власть рабочих и крестьян, которые были рабами капитала, за счет труда и нищеты которых пухли, росли кошельки других, наполнялись сундуки банкиров, велась сытая, роскошная и развратная жизнь тунеядцев. Но эти знания и богатства оказались ничтожеством перед объединенными в мощную Красную армию рабочими и «мужиками».

Теперь предстоит выполнить последнюю, но и самую важную задачу — устроить жизнь, наладить расстроенное хозяйство, поднять экономическое состояние страны.

Совет обороны республики постановил 3-ю рабоче-крестьянскую армию преобразовать в 1-ю революционную армию труда. Главной задачей является планомерный сбор избытков хлеба, мяса, жиров, фуража, рубка и распилка леса, подвозка его к заводам и железнодорожным станциям, ремонт сельскохозяйственных орудий.

Будем работу начинать и кончать под звуки социалистических гимнов и песен, ибо работа это не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству!»

Фрунзе прибыл в Ташкент 22 февраля 1920 года. Здесь он после долгой разлуки встретился со старшим братом. 10 марта он писал матери в Пишпек: «Пишу тебе в первый раз после долгого, долгого перерыва. Ты уже, конечно, знаешь, что я в Ташкенте и состою в роли командующего армиями Туркестанского фронта. Как видишь, я вынужден был силою обстоятельств подвизаться на военном поприще».

Михаил Васильевич вошел в состав Туркестанской комиссии, которой предстояло максимально быстро коренным образом преобразовать жизненное устройство в крае, а это были пять областей — Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская и Ферганская. И еще Хива и Бухара.

Из Хивы Красная армия хана изгнала. В Бухаре по-прежнему правил эмир, и Москва до поры до времени признавала его власть.

Фрунзе с помощью своих дивизий взялся установить в крае советскую власть. Он присоединит к Советской России территории бывших вассалов Российской империи — Хивинское и Бухарское ханства. И подавит сопротивление так называемых басмачей — отрядов местных жителей, которые хотели сохранить свою независимость.

Фрунзе успокоил Ленина сообщением, что «басмачество в военном смысле раздавлено». В реальности сопротивление продолжалось. Михаил Васильевич отправил дополнительные силы в Ферганскую долину. Распорядился: «Необходимо уничтожить эти шайки, где бы они ни находились. Пусть даже слово «басмач» исчезнет с языка жителей Ферганы».

Но задача оказалась трудно исполнимой.

«Басмачи представляли собой сплошь партизанские отряды, почти исключительно конные, — вспоминал Федор Новицкий. — Противник этот был зачастую совершенно неуловим и буквально на глазах наших отрядов иногда растворялся в окрестных селениях, немедленный повальный обыск коих часто не давал никаких результатов».

Красноармейцы, не зная местных условий, не могли угнаться за своим

противником.

Командующий фронтом распекал подчиненных: «Последнее время поступают донесения о боевых столкновениях, причем последние характеризуются как упорные бои, но в конечном итоге этих упорных боев нет ни убитых, ни раненых и даже никаких результатов.

По-видимому, или донесения совершенно не отвечают действительности, или операции проводятся слишком своеобразно — с массовым огнем, с передвижением боевых цепей на большие расстояния — при наличии неясных, а возможно, и мнимых целей. Тратится много сил и средств впустую. Операции против отдельных групп противника, имеющие целью простое вытеснение их из географических пунктов, бесцельны».

Местному населению Фрунзе обещал, что военные не станут его грабить, за всё, что понадобится красноармейцам, они расплатятся: «Так приказано действовать войскам, и я ожидаю, что не услышу слез и жалоб тех кишлаков и аулов, через которые будут проходить войска Красной армии. Если же где-нибудь будет иначе, если где-нибудь будет причинена малейшая обида мирным жителям, то об этом необходимо сейчас же довести до сведения ближайшего военного начальства. Для всех таких хулиганов и насильников у советской власти ответ один: пуля в лоб».

Но и от местных жителей он потребовал прекратить любую помощь басмачам. Предупредил о невероятно жестоких карах: «Всякий, кто будет изобличен в каком бы то ни было содействии басмачам, будет беспощадно расстрелян. Из всякого кишлака, который будет доставлять басмачам продовольствие, будет их укрывать или оказывать какую-либо другую помощь, будут взяты заложники и тоже расстреляны».

Большой же путь прошел Михаил Васильевич Фрунзе от своего юношеского идеализма до приказа без суда и следствия расстреливать заложников, то есть совершенно невинных мирных людей... Обещание хранить покой местных жителей красные не сдержали.

Шестого апреля 1920 года председатель революционного трибунала Туркестанского фронта Игорь Романович Фонштейн докладывал о происходящем своему начальству: «Такого ужаса, какой нами здесь обнаружен, нигде не приходилось видеть. Открытый организованный военный грабеж, во главе коего в качестве активного организатора стоит штаб командующих людей, открыто распределяющий награбленное с оставлением себе львиной доли. Увод женщин, содержание их как пленниц, рабынь, продажа с аукционного торга на базарной площади Петроалександровска и Хивы, разгром хивинских дворцов, расстрел красноармейцами первого встречного как предпосылка ограбления

имущества».

Фрунзе распорядился мобилизовать в ряды Красной армии «тридцать тысяч туземцев-мусульман Туркестанского края от 19 до 35 лет включительно». Поручил отобрать призывников местным органам власти — кишлачным и аульным советам — «путем справедливой жеребьевки».

Но более богатые стали откупаться: платили деньги беднякам, чтобы те служили вместо них. Фрунзе поручил расследовать такие случаи. Тех, кто откупился, велел мобилизовать в тыловое ополчение и отправить «на самые грязные и тяжелые работы». «Мусульмане, поступившие на службу за взятку, возвращению из армии не подлежат и должны быть перевоспитаны для защиты своих истинных интересов».

Своим подчиненным Михаил Васильевич приказал заняться боевой подготовкой новобранцев, обмундировать их и снабдить оружием. Но поскольку не вполне доверял новым бойцам, предупредил: «Выданное оружие не должно храниться на руках, а выдаваться в минуты действительной необходимости».

Он распорядился всячески пропагандировать призыв на армейскую службу: «Организовать митинги с широким привлечением всех наличных агитационных сил и средств. Устраивать парады войскам преимущественно в районах туземных частей городов с привлечением на парады всех призванных в порядке набора мусульман».

Но между русскими крестьянами и местным населением, докладывал Фрунзе в Реввоенсовет Республики, возник конфликт из-за «возвращения туземцев-мусульман на принадлежавшие им ранее земли, кои захватным образом временно находятся в фактическом пользовании крестьян».

В июне 1920 года восстали подчиненные Фрунзе в Семиречье. Вышел из повиновения гарнизон города Верный. Бойцы отказались исполнять приказы и арестовали своих командиров. Это был мятеж. Фрунзе подавил его, отправив в город надежный кавалерийский полк, который разоружил мятежников. Обещал Москве ввести в Семиречье «военную диктатуру».

Фрунзе отправил Ленину обширное послание о положении в Туркестане. Боевые действия отходили на второй план: «Наши войска ныне по всей линии фронта стоят вплотную у грани Республики. Но всё огромное протяжение границы от Памира до Каспия охраняется не более как двумя с половиной тысячами пехоты и тысячей кавалеристов. Мы держимся только обаянием наших побед.

Англичане в Северной Персии развивают лихорадочную деятельность, проводят шоссейные дороги, строят железную дорогу, имея целью вывести ее на Мешхед, возводят укрепления. Но мне думается, что вся их

лихорадочная работа по военному закреплению в Северной Персии вызвана отчаянной боязнью нашего вторжения и носит по существу оборонительный характер».

Двадцать шестого мая 1908 года англичане обнаружили в Персии нефть. Британские геологи искали нефть несколько лет и вложили в поиски немалые деньги. Осенью 1908 года образовалась Англо-Персидская нефтяная компания (ныне «Бритиш петролеум»).

В 1914 году стараниями первого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля британское правительство за два миллиона фунтов стерлингов приобрело больше половины акций компании, чтобы обеспечить военный флот недорогим и надежным источником топлива. В Абадане построили крупнейший в мире нефтеперерабатывающий завод. Главным покупателем был британский военный флот, который получал горючее с большой скидкой. В 1919 году Англия навязала слабому правительству в Тегеране кабальное соглашение, которое наделяло Англо-Персидскую компанию исключительным правом разрабатывать и продавать иранскую нефть. И англичане, конечно же, с тревогой следили за передвижением войск Фрунзе на сопредельной территории.

«Что касается Бухары и Афганистана, — писал Ленину Фрунзе, — то я считаю наше военное положение с этой стороны гораздо более угрожающим и требующим самой серьезной бдительности. Оба государства, безусловно, вооружаются.

Афганистан довольно беззастенчиво проявляет свои агрессивные намерения в отношении нас. Весь Туркестан и особенно Закаспий буквально кишат афганскими шпионами. Видимо, мало умудренные в своем ремесле и поощряемые полнейшей безнаказанностью, они буквально лезут на глаза. Мы в Закаспии не могли нигде ступить шагу, не имея за спиной или рядом двух-трех субъектов из числа наших афганских «друзей». Каждый проходящий из центра поезд, каждая лошадь, каждый человек немедленно берется на учет...

Десять дней назад, возвращаясь из Закаспия, мы с Элиавой были у бухарского эмира. Это человек с европейским образованием (окончил наш бывший Пажеский корпус), политически — верный друг российской монархии, по характеру — слабый и безвольный человек. Мы упорно и настойчиво твердили ему о том, что Советская Россия в величайшей степени заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары и в сохранении существующего в ней режима. Ему же советовали пойти по пути европеизации. В ответ удалось лишь получить уклончивое: «Помаленьку, потихоньку будем, но вот народ...»

Отчитавшись за военно-политические дела, Фрунзе перешел к самому болезненному вопросу — кадровому. Центральной властью в регионе была назначенная ВЦИКом и Совнаркомом Комиссия по делам Туркестана. Помимо Фрунзе в нее входили видные и влиятельные большевики — Шалва Зурабович Элиава (председатель), Валериан Владимирович Куйбышев (заместитель председателя), Глеб Иванович Бокий (чекист), Филипп Исаевич Голощекин (впоследствии первый секретарь ЦК компартии Казахстана) и Ян Эрнестович Рудзутак (будущий член политбюро и секретарь ЦК).

«Единства взглядов в Турккомиссии нет, — жаловался Михаил Васильевич Ленину. — Разногласия порой принимали острый, принципиальный характер. Я стоял и стою за овладение нами местными органами власти. Элиава же держится точки зрения стояния над ними в качестве «дубинки». Как показывает опыт, «дубинка» своего назначения не оправдывает.

Дело обстоит скверно и по личным моментам. Элиава заявляет, что он в силу состояния здоровья не будет летом работать в Туркестане. Рудзутак стремится в Москву, заявляя, что его требует центр. Голощекин норовит туда же, оскорбляясь тем, что Туркестан не оценивает его талантов.

Мое личное мнение следующее: можно пойти навстречу домогательствам Элиавы, ибо он действительно не здоров и, кроме того, психологически не может чувствовать себя хорошо. Что же касается Рудзутака, то его отъезд будет величайшим ущербом для дела. На мой взгляд, он мог бы сделать гораздо больше, чем сделано, если бы не смотрел на туркестанские дела с точки зрения своего близкого отъезда в Москву. Если бы можно было твердо указать, что мысли об этом по крайней мере на ближайший год ему надо бросить.

Работников я не прошу, зная, что их мало и в России; хотя отсюда все стараются удрать. Это объясняется главным образом той невероятной тяжелой атмосферой лжи, интриг и пр., среди которой приходится действовать».

Михаил Васильевич и сам попросил его отозвать: «В частности и я, Владимир Ильич, был бы рад, если б меня направили куда-нибудь в другое место. Я как-то раздвоился — не то быть военным, не то переходить и вплотную браться за партийную или хозяйственную работу. Впрочем, я ни на что не претендую и буду там, где укажут».

Шалва Элиава был у Фрунзе членом военного совета фронта. И он остался в регионе, стал секретарем Туркестанского бюро партии, потом поехал полпредом в Турцию. После отъезда Фрунзе Туркестанскую

комиссию и Туркестанское бюро ЦК возглавит Сергей Гусев. Перед ним будет стоять задача — покончить с басмачами и объединить Туркестан, Хорезм и Бухару.

Двадцать шестого августа 1920 года была образована Киргизская (хотя казахов там было больше, чем киргизов) автономная республика в составе РСФСР со столицей в Оренбурге. 4 октября учредительный съезд Советов республики принял «Декларацию прав трудящихся». В апреле 1925 года Киргизскую АССР переименовали в Казахскую АССР, столицу перенесли из Оренбурга в Кзыл-Орду, а в 1929-м в Алма-Ату. И, наконец, в декабре 1936 года с принятием новой советской конституции Казахстан (как и Киргизия) получил статус союзной республики в составе СССР, но атрибуты самостоятельности, конечно же, носили декоративный характер.

В конце августа 1920 года, вспоминал сам Фрунзе, он «руководил операциями по ликвидации бухарского эмирата и по созданию Бухарской народной Советской республики».

Двадцать восьмого августа комфронта подписал приказ: «В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и поработанных масс Бухары с кровавым правительством эмира и беков. Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу. Да здравствует нарождающаяся Бухарская Советская Республика!»

Тридцатого августа Фрунзе распорядился овладеть Старой Бухарой. Он был недоволен действиями своих подчиненных. 31 августа телеграфировал Куйбышеву: «Дела под Бухарой продолжают обстоять неважно. Несмотря на прибытие солидной помощи из 1-й армии, город до сих пор не взят. Мы несем огромные потери. Главная причина — неумелое командование и отсутствие управления. Бросаю в помощь свой последний резерв.

В Шахризьбске взято огромное количество золота и других ценностей. Всё это укладывается в сундучки, запечатывается и по соглашению с Ревкомом будет перевезено на хранение в самаркандский банк».

В тот же день Куйбышев связался с Фрунзе по прямому проводу.

— Здравствуйтесь, Валериан Владимирович, — отстучал телеграфист. — Что угодно?

— Здравствуйтесь, Михаил Васильевич. Сообщаю, в Ташкенте бухарскими революционерами с нашего согласия или, вернее, при нашей инициативе арестован в консульстве бухарский консул со всеми его служащими...

После внезапного артиллерийского обстрела и бомбардировок с

воздуха, в ночь на 1 сентября войска Фрунзе ворвались в Бухару. Эмир Сеид Алим-хан бежал в Афганистан, где жил до самой смерти в 1944 году...

Михаил Васильевич с гордостью телеграфировал в Москву: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Ре-гистаном победно развевается Красное знамя мировой революции. Эмир с остатками приверженцев бежал».

Пятого сентября Бухарский ревком наградил Фрунзе золотым оружием.

Временно образовали Бухарскую Советскую Народную Республику. Куйбышева назначили полномочным представителем России. А в апреле 1921 года создали Туркестанскую Советскую Социалистическую Республику, которая вошла в состав РСФСР. В начале 1924 года политбюро приняло постановление:

«Принять предложение центральных комитетов совнаркомов Бухары и Туркестана в следующем виде:

а) Выделить туркменские части Туркестана, Бухары и Хорезма и образовать из них независимую Туркменскую республику...

б) Выделить из Бухары и Туркестана узбекские части, образовав независимую Узбекскую республику.

в) Хорезмскую республику оставить в нынешнем виде».

Административная карта края преобразилась. К концу года на территории Туркестана появились Узбекская и Туркменская союзные республики, Таджикская автономная республика, Кара-Киргизская и Каракалпакская автономные области.

После изгнания эмира Бухара перешла под власть Москвы: сначала формально провозгласили Бухарскую народную советскую республику, в 1924-м ее назвали Бухарской социалистической республикой. А через несколько месяцев территорию бывшего Бухарского эмирата поделили между Туркменией, Узбекистаном и Таджикистаном. Бухарцы еще долго сопротивлялись советской власти. Их называли басмачами и планомерно уничтожали.

Видя успехи Красной армии в Средней Азии, советские руководители строили далеко идущие планы похода и в Индию, и в Персию (Иран). Фрунзе рассуждал об этом как о вполне реальном деле: продвижение Красной армии на восток станет ударом «английскому империализму, являющемуся самым свирепым врагом Советской власти».

Осенью 1919 года в Оренбург с агитпоездом «Октябрьская

революция» приехал председатель ВЦИКа Михаил Иванович Калинин. Он провел митинг взятых в плен бывших солдат колчаковских армий, в основном казаков.

После московского гостя с большой речью выступал Фрунзе:

— Теперь вы сами видите, что Красная армия не орудие в руках иностранной политики, императора Вильгельма или какого-нибудь другого тирана. Правда, Рабоче-крестьянская Красная армия не блещет внешностью; правда, она не умела так сражаться, как того требовали правила военного искусства, но она сражается и одерживает победу над теми армиями, во главе которых стоят люди, кичащиеся своими военными знаниями.

Вам решать, с кем быть, с белой костью, с теми, кто держал вас в угнетении, или же с черной костью, которая даст господство труда. У нас царствует черная кость. Перед вами выступал глава нашего правительства, председатель самого верховного органа Республики — простой крестьянин. Бывало ли так раньше? Вам, наверное, чаще говорили, что раньше в России было самодержавие, а теперь комиссародержавие. У нас бывают и плохие комиссары. Советская власть с такими дурными комиссарами расправляется очень просто. Мы их расстреливаем.

Фрунзе говорил, что к казакам советская власть относится с опаской, желает убедиться в их полной лояльности:

— Мы не размазня вроде Керенского. Да, мы жестоко расправляемся с врагами. Врагов у нас много... Но в общем народ добр и милостив. Мы не можем ввести у вас полностью конституцию. Мы, военное командование, говорим: погодите, надо убедиться в том, что казачество искренне. Мы говорим, что казачеству нельзя сразу дать избирательного права, что с этим надо погодить, потому что у нас военное положение. Как только наши ревкомы скажут, что всё обстоит благополучно, что казачество не устраивает восстаний, тогда мы донесем товарищам Ленину и Калинин, что казачество является защитником прав трудового народа, и мы находим возможным ввести у них в действие советскую конституцию, то есть ввести избирательное право.

И, наконец, Михаил Васильевич нарисовал светлые перспективы будущих больших дел:

— Вас, казаков, дураков, бросали в эти голодные степи, чтобы вашим потом, вашей кровью защищать, прикрывать английскую Индию. Теперь вы знаете, что путь в Ташкент уже открыт, и, может быть, то, что не удалось Петру Великому и другим императорам России — их мечта о приближении к Индии, может быть, это удастся нам — измученной

трудовой России. Мы взорвем английский капитал в Индии. Поэтому англичане предпринимают все усилия, чтобы не допустить соединения России с Индией.

Только несколько дней прошло с тех пор, как мы восстановили связь с Туркестаном, и мы уже имеем здесь, у себя, представителей поработоченной Индии. Они просят братской помощи, они говорят, что только и мечтают о том, как сбросить гнет английского капитализма, что они готовы вместе с русским народом делить все тяготы...

Соседняя Персия казалась еще более легкой целью, чем Индия.

Во время Первой мировой войны, в 1915 году, в Персию вошли русские и британские войска, чтобы гарантировать лояльность Тегерана к странам Антанты, сражавшимся против Германии. Персы воспринимали появление чужеземных войск как оккупацию. Но живущие там азербайджанцы были рады русским. В апреле 1920 года вспыхнули восстания по всему Северному Ирану.

Восемнадцатого мая в персидский порт Энзели вошли корабли красной Каспийской флотилии, которой командовал Федор Федорович Раскольников, недавний заместитель наркома по морским делам. Он пришел забрать стоявшие в порту российские корабли, уведенные за границу белыми моряками. Заодно высадил красноармейский десант — для борьбы с английской интервенцией.

Раскольников объявил: «Ввиду восторженного приема советских моряков населением и раздающихся со всех сторон просьб о том, чтобы мы остались и не отдавали на растерзание англичанам, красный флот останется в Энзели даже после того, как всё военное имущество будет вывезено».

С помощью красноармейцев 4 июня 1920 года была образована Советская республика Гиляна (северная провинция Ирана). Почти одновременно появилась Персидская коммунистическая партия. Она делегировала почти две сотни человек на 1 съезд народов Востока, который проходил в сентябре 1920 года в Баку под председательством члена политбюро и главы исполкома Коминтерна Григория Евсеевича Зиновьева.

Нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин, который придавал особое значение развитию контактов с восточными странами, возражал против установления контроля над Северным Ираном: «Советизация, как и везде на Востоке, превратится в оккупацию. Политика подзадоривания революции превратится в наступательную коммунистическую войну, а этого нам не позволяет ни наше внутреннее, ни наше внешнее положение. Итак, от всей этой системы действий надо

безусловно отказываться... Пусть коммунистические партии там действуют обычными легальными и нелегальными методами, не пытаясь посредством наших штыков захватывать власть и устраивать авантюры...»

Мятежные гилянские войска, пользуясь слабостью центральной власти, пытались наступать на Тегеран, но были отбиты. Персидскую Красную армию остановила персидская казачья дивизия. Ее сформировали белые офицеры, бежавшие от русской революции. Вместе с казаками служил совершенно неграмотный персидский офицер по имени Реза; очень скоро во главе отряда из двух тысяч бойцов он возьмет Тегеран и провозгласит себя шахом.

Советское руководство увидело, что дело не очень перспективное, и пошло на переговоры с шахским правительством, которое обещало выгодное для России торговое соглашение. ЦК партии принял решение: «Ликвидировать Советское Правительство Гиляна и ориентироваться на договор о дружбе с Персидским правительством».

Индийский поход тоже был отложен до лучших времен. 3 августа 1920 года Ленин отправил короткую записку наркому иностранных дел:

«т. Чичерин!

Т. Рой (индийский революционер, член конгресса) хотел бы повидать Вас.

Просит помощи для Индии.

Я говорю ему: теперь не можем (оружием). Подождите конца войны с Польшей и Врангелем».

Десятого сентября 1920 года Михаил Васильевич Фрунзе получил телеграмму: «Немедленно выезжайте в Москву, назначаетесь командующим на другой фронт».

Его перебросили на Южный фронт воевать с бароном Петром Николаевичем Врангелем. В тот же день Михаил Васильевич попрощался с войсками: «Согласно постановления Революционного военного совета Республики я назначен на другой фронт. Я рад отметить, что армии Туркестанского фронта честно исполняют свой долг. Уверен, что и впредь красные полки Туркестанского фронта, куда бы их ни поставила рука революции, сумеют поддержать свою боевую революционную славу. Мой прощальный привет вам, товарищи!»

КРЫМ, ИЛИ ПОСЛЕДНЯЯ ТВЕРДЫНЯ БЕЛЫХ

Весной 1919 года Красная армия взяла Крым, но не сумела его удержать. Летом генерал-майор Добровольческой армии Яков Александрович Слащев высадился в Крыму, выбил оттуда красных и удерживал его весь год.

Если бы не Слащев, Гражданская война закончилась бы раньше, потому что к концу 1919 года армия Колчака вовсе перестала существовать, а войска Деникина в беспорядке отступали с Кубани. Благодаря Слащеву разгромленные белые части смогли отойти в Крым и перевести дух (см. журнал «Военноисторический архив». 2000. № 8).

Яков Слащев происходил из военной семьи, воевал всю Первую мировую, дослужился до полковника, не был обижен наградами. В 1917 году получил под командование лейб-гвардии Московский полк. После революции ушел с воинской службы, но в январе 1918 года приехал в Новочеркасск, к генералу Михаилу Васильевичу Алексею, который формировал Добровольческую армию. Сначала стал начальником штаба в казачьем отряде, которым командовал полковник Андрей Григорьевич Шкуро. В апреле 1919 года Слащева произвели в генерал-майоры. В ноябре он принял под командование 3-й армейский корпус.

Он был многократно ранен, страдал от непрекращавшейся боли и, спасаясь от мук, приучился к кокаину. Он был самодуром, но пользовался популярностью в армии. Не допускал мародерства, приказывал пойманных на месте грабителей расстреливать. Демонстративно не носил погоны, объяснив главнокомандующему генералу Деникину:

— Добровольческая армия живет грабежом, не следует позорить наши старые погоны грабежами и насилиями.

Армия морально разлагалась потому, что она так и не стала регулярной силой, а осталась в значительной степени партизанской. А принцип самоснабжения открывал широкие возможности для наживы. Добровольческая армия прославилась грабежами и погромами.

Деникин не сумел этого остановить. Он лишь бессильно возмущался: «Каждый день — картины хищений, грабежей, насилий по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. Помощи в этом деле ниоткуда не жду.

В бессильной злобе обещал каторгу и повешенье. Но не могу же я сам, один ловить и вешать мародеров фронта и тыла».

Иначе поступал генерал Врангель. Он публично вешал грабителей в своей армии. «Я, не останавливаясь перед жестокими мерами, подавил безобразие в самом корне», — писал впоследствии Петр Николаевич.

Он не понимал, почему так же не поступает главнокомандующий: «Казавшийся строгим и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других...»

Врангель окончил Горный институт и сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище, со временем окончил и Академию Генерального штаба. Службу начинал в лейб-гвардии Конном полку. Сражался с японцами, участвовал в Первой мировой, которую закончил командиром корпуса в звании генерал-майора. Петр Николаевич был прекрасным кавалеристом, решительным и умеющим брать на себя ответственность. Высокого роста с зычным голосом, он нравился солдатам.

«На генерале Врангеле была черная бурка, — вспоминал один из добровольцев. — Когда бурка распахивалась, под ней сверкали ордена. Тощий и высокий, он быстро шел вдоль строя. За ним вприпрыжку бежали представители французского командования, толстые и коротконогие. Пытаясь не отстать от Врангеля, французы спотыкались, взбрасывая коленями полы голубых коротких шинелей».

Встречали его восторженно. Приехав в Ростов, который стал временной столицей Юга России, Врангель решил сходить в театр. Он взял ложу на втором ярусе и стал смотреть «Птички певчие».

«Исполнители и постановка были весьма посредственны, однако я давно не был в театре и рад был послушать музыку, — вспоминал Врангель. — В антракте разглядывал толпу, наполнявшую зал. Нарядные туалеты, дорогие меха и драгоценные камни вперемежку с блестящими погонами и аксельбантами военных придавали толпе праздничный, нарядный вид, заставляя забывать тяжелую обстановку смуты...»

Досмотреть спектакль Врангелю не удалось. Антракт кончился, в зале потушили огни, но занавес не поднимался. На авансцену вышел человек и обратился к публике:

— В то время, как мы здесь веселимся, предаваясь сладостям жизни,

там, на фронте, геройские наши войска борются за честь единой, великой и неделимой России. Стальной грудью прикрывают они нас от врага, обеспечивая мир и благоденствие населению... Мы обязаны им всем, этим героям и их славным вождям. Я предлагаю вам всем приветствовать одного из них, находящегося здесь, — героя Царицына, командующего Кавказской армией генерала Врангеля...

Яркий луч прожектора осветил генеральскую ложу, взвился занавес, оркестр заиграл туш, собранная на сцене труппа и публика аплодировали.

Из театра Врангель пошел в гостиницу «Палас» поужинать. Но и поужинать ему не дали, потому что как только он вошел в ресторан, зазвучали крики «ура», оркестр заиграл туш, и все встали. Врангель сел за единственный свободный столик, и сразу же к нему потянулись с бокалами чокаться. Знакомые, незнакомые расспрашивали о положении на фронте, поздравляли с победами — Врангель был тогда невероятно популярен.

Несмотря на присутствие в Екатеринодаре (ныне Краснодар) ставки, вспоминал Врангель, многие офицеры вели себя распушенно. Пьянствовали, гуляли, забыв о служебных обязанностях. Особенно отличились части полковника Шкуро в волчьих папах. После пьянки они носились по городу с криками, гиканьем и стрельбой, распугивая мирных горожан.

Андрей Григорьевич Шкуро сделал изрядную карьеру в Гражданскую войну. Он получил генеральские погоны и у Деникина командовал конным корпусом. Когда Врангель сменил Деникина на посту командующего, он выставил Шкуро из армии. Тот уехал в Германию. В эмиграции Шкуро выступал в цирке. После прихода к власти нацистов поступил к ним на службу. При штабе войск СС был создан Резерв казачьих войск, который возглавил генерал-лейтенант Шкуро. После войны его повесили.

Грабежи процветали в армии генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского, которого блистательно сыграл в известном фильме «Адъютант его превосходительства» Владислав Стржельчик. Генерал Май-Маевский, к примеру, отдал взятый им Харьков армии на разграбление. В отличие от благообразного киногоенерала реальный Май-Маевский еще и пил запойно.

Однажды Деникин поинтересовался у генерала Александра Павловича Кутепова, командира корпуса, подчинявшегося Май-Маевскому, почему тот ничего не рассказывал о поведении командующего. Кутепов ответил:

— Вы могли подумать, что я подкапываюсь под командующего, чтобы самому сесть на его место...

В конце концов Деникин освободил Май-Маевского от командования. Врангель описывал, как заехал к генералу, который обосновался в

гостинице «Кист» в Севастополе.

— На войне, — внушал Май-Маевский Врангелю, — для достижения успеха должно использовать все, не только положительные, но и отрицательные побуждения подчиненных. Настоящая война особенно тяжела. Если вы будете требовать от офицеров и солдат, чтобы они были аскетами, то они воевать не станут.

Врангель возмутился:

— Ваше превосходительство, какая же разница будет между нами и большевиками?

Май-Маевский быстро нашелся:

— Ну вот большевики и побеждают...

Бывший доброволец Дмитрий Лехович в своей книге «Белые против красных. Судьба генерала Деникина» приводит более веские причины победы большевиков.

Антон Иванович не был способен сыграть роль вождя. Он не умел воодушевлять людей, вести их за собой. Он не был политиком. И не стал диктатором. Не сумел, в частности, установить дисциплину в армии, которая занималась грабежами. При том, что сам оставался бессребреником и вел аскетический образ жизни. Жена его сама готовила, он ходил в дырявых сапогах. Он смог прилично одеться, когда англичане прислали большое количество военного обмундирования, ставшего ненужным ввиду окончания Первой мировой войны.

Двадцатого февраля 1919 года у Деникиных родилась дочь Марина. Роды у Ксении Васильевны Деникиной были тяжелыми, врачи телеграфировали генералу на фронт, что, возможно, придется выбирать между жизнью матери и ребенка. Он просил сохранить жизнь жены. К счастью, выжили обе... Он жил замкнуто, дружил только со своим начальником штаба генералом Иваном Павловичем Романовским.

Антон Иванович Деникин обещал не предпринимать будущее устройство России, хотя от него требовали ответа: за какую Россию он сражается — монархическую или республиканскую? Генерал уклонился от ответа, что, вероятно, было ошибкой. Но он предполагал, что любой ответ приведет к тому, что половина его офицеров покинет армию. Единого мнения относительно будущей России в лагере белых не было, и это тоже предопределило их поражение.

Антон Иванович поссорился с донским и кубанским казачеством, отказав им в праве на самостоятельность. Постоянные реквизиции лошадей, продовольствия и фуража настроили крестьянство против белой армии. Деникин, конечно, мог завоевать симпатии крестьян, которые после

революции захватили и земли помещиков, и всё их имущество. Если бы Антон Иванович твердо заявил, что земля у них и останется, крестьяне, возможно, отнеслись бы к белым иначе. Но Деникин обещал, что судьбу земли решит Учредительное собрание после войны. Опять же не хотел ссориться со своими офицерами. Основу белой армии составляли родовитые офицеры, многие были землевладельцами...

Преимущество в Гражданской войне оказалось на стороне Красной армии потому, что в конечном итоге крестьянство поддержало советскую власть в благодарность за Декрет о земле. Большевики обещали оставить крестьянам всю землю, которую они захватили.

Впрочем, некоторые историки полагают, что, потерпев политическое и военное поражение, Деникин одержал победу моральную. Доктор исторических наук Андрей Борисович Зубов пишет, что Деникин пытался восстановить законы Российской империи, собственность возвращалась прежним владельцам, бывшим владельцам земли требовали отдать треть урожая: «Но как же иначе могли поступать честные люди с бандитски поправленными законами и нагребленным имуществом? Неужели согласиться на беззаконие, оставить похищенное в руках грабителей? Крестьянство в годы революции не пошло за белыми, забыв непреложность восьмой заповеди Божией «не укради», и вскоре лишилось и своих, и нагребленных имений. Разве белые должны были потакать пагубным страстям народа ради своей узкой выгоды?»

Деникин недооценил советских полководцев, которые быстро учились воевать и осенью 1919 года перешли в контрнаступление. Белые войска остановились, а потом стали отходить, не выдерживая напора противника.

В 1920 году под властью белых оставался лишь полуостров Крым.

Отступление породило массовое разочарование в войсках. Первым об отставке Деникина заговорил барон Врангель. Именно ему главком в мае 1919 года приказал взять Царицын (ныне Волгоград).

— Ну как, через сколько времени поднесете мне город? — спросил генерал Деникин.

Врангель ответил, что надеется подойти к Царицыну со своей конницей недели через три. «Поезд главнокомандующего отбыл в Ростов, — вспоминал Врангель. — Генерал Деникин, стоя у окна своего поезда, дружески кивал мне и, улыбаясь, показывал на пальцах число три — напоминание о сроке, обещанном мной для подхода к Царицыну».

В тот же день Врангель подписал приказ своим войскам: «От Черного и до Каспийского моря пронеслись вы, гоня перед собой врага, — палящий зной и стужа, горы Кавказа и безлюдные ставропольские степи не могли

остановить вас, Орлы... Орлиным полетом перенесетесь вы и через пустынную степь калмыков к самому гнезду подлого врага, где хранит он награбленные им несметные богатства, — к Царицыну, и вскоре напоите усталых коней водой широкой матушки-Волги...»

Врангель погорячился. Трех недель ему не хватило. 2 июня 1919 года Петр Николаевич докладывал Деникину: «После трехнедельного тяжелого похода, ведя непрерывные бои, армия подошла к Царицыну. Двухдневные кровопролитные атаки разбились о технику, сильнейшую артиллерию и подавляющую численность врага. Честно смотря в глаза истине, вижу, что без мощной пехоты, артиллерии и технических средств взять Царицын не могу...»

Врангель считал, что ставка лишила его успеха, не дав подкреплений: «Ободранные, изголодавшиеся и обескровленные войска подошли к Царицыну... Армия надорвана непосильной работой. Обескровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своей доблестью, но и доблесть имеет свой предел — испытывать ее бесконечно нельзя».

Бои за Царицын носили упорный характер. Врангель жаловался Деникину, что его войска несут огромные потери. Врангель сумел взять город, только получив тяжелую технику: танки, бронеавтомобили и бронепоезда.

В ночь на 16 июня 1919 года Царицын атаковала ударная группа генерал-майора Сергея Георгиевича Улагая. Впереди он пустил четыре танка и три бронеавтомобили: «Едва стало сереть, танки двинулись, давя проволочные заграждения, расстреливая бросившуюся в панике бежать неприятельскую пехоту. Следом за танками стремительно двинулась пехота...»

Врангель въехал в город как победитель и с вокзала сразу же отправился в собор. Его встретила огромная толпа. После молебна генерал обратился к собравшимся с короткой речью. Он обещал горожанам защиту и покровительство армии.

«Царицын, «Красный Верден», как называли его большевики, мы нашли в ужасном состоянии, — писал Врангель. — Всё мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было истреблено, магазинов и лавок не существовало».

Прошедшей зимой в городе свирепствовали эпидемии, смертность была страшная, трупы сваливали в овраг. Весной трупы оттаяли и стали разлагаться, зловоние распространилось на несколько верст. Врангель приказал сформировать из пленных красноармейцев похоронные команды и засыпать овраг.

«Уже через несколько дней после нашего прихода Царицын стал оживать, — вспоминал Врангель. — Улицы наполнились народом. С левого берега Волги повезли всякой живности и зелени. Продукты стали быстро падать в цене. Открылись ряд магазинов, кинематографы, кафе. Но имели место столь свойственные прифронтовым городам картины разгула тыла, скандалы и пьяные дебоши».

В общественном собрании Царицына один астраханский есаул вместе с другими офицерами устроили большую пьянку. Со стрельбой, битьем окон, посуды, да еще и столовое серебро пропало. Врангель распорядился отдать есаула, дебошира и пьяницу, под суд. Его приговорили к расстрелу. Пьянки прекратились.

Деникин на собственном поезде приехал поздравить Врангеля со взятием города. В Царицыне главком подписал знаменитую «Московскую директиву». Она начиналась словами: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю...»

Двадцатого июня 1919 года Деникин обедал у Врангеля. Петр Николаевич провозгласил тост за здоровье главнокомандующего. Антон Иванович подчеркнул значение этого дня:

— Сегодня мной отдан приказ армиям идти на Москву. Он верил, что победа над большевиками не за горами. «Директива, получившая в военных кругах наименование «Московской», потом, в дни наших неудач, — вспоминал Деникин, — осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, я был тогда оптимистом. И это чувство овладело всем Югом — населением и армией. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги... Все мечтали «идти на Москву».

Именно тогда пути Врангеля и Деникина разошлись. Генерал Врангель предлагал и дальше концентрировать силы на царицынском направлении, чтобы правый фланг наступающих добровольческих войск соединился с сибирской армией адмирала Колчака. И уже вместе брать Москву.

А Деникин требовал наступать на столицу через Курск, Орел и Тулу. Наступление Деникина продолжалось почти полгода и поначалу было очень успешным. 7 сентября 1-й армейский корпус генерала Александра Кутепова вошел в Курск, 30 сентября — в Орел. Казалось, дорога на Москву открыта. Но в этом историческом поединке Красная армия оказалась сильнее. Белые части остановились.

Деникин растянул фланги армии, распылил силы. Белые части захватили большие территории, удержать которые не смогли. А Красная армия, отбив наступление адмирала Колчака на востоке и заставив его

отступить вглубь Сибири, обрела свободу действий и могла сосредоточить крупные силы на своем южном фронте. С этого момента началось отступление армии Деникина...

Врангель хотел сменить Антона Ивановича. Откровенно обсуждал отставку главкома с другими генералами.

«Из писем из Екатеринодара и от приезжающих оттуда лиц я знал, что в ставке мною очень недовольны, — вспоминал Врангель. — Генерал Романовский громко обвинял меня в «оппозиции» главному командованию... Не сомневаюсь, что значительную роль играли здесь секретные сводки и «информации наверх» пресловутого Освага...

Еще в бытность мою в Ростове мне попала в руки одна из секретных информационных сводок донского штаба. Отмечая благожелательное отношение ко мне местного населения, она упоминала вскользь, «что среди обывателей ходят слухи, что в ближайшее время генерал Врангель явится преемником генерала Деникина». Я тогда же, показывая сводку генералу Юзефовичу, сказал ему, что фраза эта помещена неспроста, а несомненно, с задней мыслью вселить в главнокомандующего предубеждение против ближайших помощников...»

Осваг (Осведомительное агентство) создавалось для антибольшевистской пропаганды. Кроме того, составляло секретные сводки о политических настроениях на Юге России. Самые важные докладывались только главнокомандующему — Деникину.

Генерал Врангель, выражая свое неудовольствие, подал прошение об отставке. Уехал в Константинополь. Он написал главнокомандующему письмо, обвинив его в неспособности посмотреть правде в глаза. «Деникин не умел овладевать сердцами людей, — считал Врангель. — Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами... Он не находил в себе достаточных сил твердой и уверенной рукой вести по бурному политическому морю государственный корабль».

Отставки Деникина фактически потребовал и генерал Кутепов. Деникин уважал Кутепова как честного и мужественного человека. Мнение Александра Павловича стало для него ударом.

Деникин предложил собрать 21 марта в Севастополе военный совет для избрания главнокомандующего. Сам Антон Иванович считал, что его должен сменить начальник штаба генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский, но тот не пользовался популярностью в войсках. Моряки выдвинули Врангеля, который на британском миноносце срочно вернулся

из Константинополя в Крым. Помимо Врангеля на место главкома претендовали генералы Слащев и Покровский.

Виктор Леонтьевич Покровский был военным летчиком. Он прошел Первую мировую, командовал 12-м армейским авиационным отрядом. В январе 1918 года сформировал на Кубани боевой отряд. В марте влился в Добровольческую армию. Командовал Кубанской конной бригадой, 1-й Кубанской конной дивизией, 1-м конным корпусом. В декабре 1919 года принял Кавказскую армию. В мае 1920-го генерал-лейтенант Покровский покинул Крым и обосновался в Болгарии.

Большинству белогвардейцев нравился бывший офицер старой императорской гвардии барон Врангель. Правда, поклонники Деникина считали Врангеля ограниченным человеком, утверждали: «Врангель так и остался ротмистром Кавалергардского его величества полка».

Двадцать второго марта 1920 года Деникин отдал последний приказ: «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России. Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию».

На том же британском миноносце, который доставил Врангеля, из Крыма вывезли Деникина и его близких. Когда Деникин и Романовский в апреле прибыли в Константинополь, они направились в здание русского посольства. Там скопилось огромное количество беженцев-офицеров, злых на Деникина и Романовского. Кто-то из них убил Романовского, когда тот шел по коридору посольства, — дважды выстрелил генералу в спину из парабеллума. Считается, что генерал-лейтенанта Романовского за «связи с масонами» убил офицер контрразведки поручик М. А. Харузин.

В начале апреля 1920 года британский министр иностранных дел лорд Джордж Керзон отправил своему российскому коллеге Георгию Чичерину ноту с предложением прекратить Гражданскую войну. В послании британского министра говорилось: «Я употребил всё свое влияние на генерала Деникина, чтоб уговорить его бросить борьбу, обещав ему, что если он поступит так, я употреблю все усилия, обеспечив неприкосновенность всех его соратников, а также населения Крыма. Генерал Деникин в конце концов последовал этому совету и покинул Россию, передав командование генералу Врангелю».

Деникин возмутился посланием британского министра и ответил письмом в «Таймс», что он отвергает предложение британского военного представителя о перемирии и считает необходимой вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения, а его уход в отставку не имеет

никакого отношения к лорду Керзону.

Мириться не хотели и в Москве. Одержав столько побед, советские руководители не сомневались, что сумеют добить остатки вражеской армии.

Врангель переименовал подчиненные ему войска в Русскую армию и свел ее в три корпуса. 1-м армейским корпусом командовал генерал Кутепов, 2-м армейским корпусом — Слащев, произведенный в генерал-лейтенанты, и Сводным корпусом — генерал Петр Константинович Писарев. Писарев окончил Первую мировую в звании полковника. При Врангеле сначала был комендантом Севастополя. В его Сводный корпус входили Марковская, Дроздовская и Корниловская дивизии — лучшие части Добровольческой армии.

В общей сложности под командованием Врангеля оставалось всего 25 тысяч штыков и сабель, 126 орудий и примерно 450 пулеметов. Но в апреле 1920 года он успешно отразил очередной штурм крымских перешейков частями Красной армии. Это подняло боевой дух белых.

В агентурном донесении разведки Красной армии из Севастополя говорилось: «Врангель резко отличается от своих предшественников и выделяется из окружающей среды. Человек, безусловно, умный и опасный, великолепно учитывающий обстановку, события и настроения масс» (Военноисторический журнал. 2005. № 11).

В июле Врангель организовал десант на Дон. Сформировал мобильную боевую группу под командованием полковника Федора Дмитриевича Назарова — два пехотных казачьих дивизиона, партизанский дивизион, офицерская и инженерная сотни (Военноисторический журнал. 2009. № 2). Снабдил ее двумя трехдюймовыми орудиями, броневиком и радиостанцией. Группу Назарова посадили на суда, 7 июля флотилия вышла из Керчи, а 9 июля ночью отряд высадился западнее Таганрога на Кривой косе.

Врангель надеялся поднять казаков против советской власти, потому и выбрал на роль предводителя десантников донского казака Назарова. Троцкий встревожился: Врангель пытается перенести боевые действия на территорию Дона и Кубани в надежде получить «и солдат, и хлеб, и нефть».

Хотя назаровцы сражались отчаянно, вылазка белых была подавлена. И весьма безжалостно, судя по воспоминаниям красноармейцев: «Вместе с первыми проблесками утра началась охота на спрятавшихся беляков, они пачками вытаскивались из подполья и пускались в расход. Тут были офицеры в форме солдат и без всякой формы, сестра милосердия и даже поп, обслуживавший банду. К обеду работа была закончена, все

скрывавшиеся были найдены... Своим жестоким, не на жизнь, а на смерть сопротивлением назаровцы вывели из терпения красноармейцев, и этим только объясняется такая злобная месть».

Врангель понимал, что его попытка продолжить войну безнадежна. Население Крыма с беженцами составило почти миллион человек. Где взять такое количество продовольствия, чтобы их накормить? И его армия слишком мала, чтобы их защитить.

Генерал откровенно сказал главному военному священнику митрополиту Вениамину:

— Почти никаких надежд на дальнейший успех Добровольческого движения. Армия разбита, дух пал. Оружия почти нет. Конница погибла. Финансов никаких. Территория ничтожна. Союзники ненадежны. Большевики неизмеримо сильнее нас и человеческими ресурсами, и вооруженным снаряжением.

Тем не менее поначалу ему сопутствовал успех.

Проводимая Врангелем земельная реформа должна была не только накормить Крым, но и создать поддержку его армии по всей России. Он собирался овладеть Северной Таврией, Донбассом, Таманским полуостровом.

Летом 1920 года генерал Слащев высадился в Северной Таврии, взял Мелитополь, вел кровопролитные бои за Каховку. Но его маленькая армия несла слишком большие потери. Врангель выразил свое недовольство нераспорядительностью генерала. Слащев сильно обиделся на Врангеля и подал в отставку. В ноябре 1920 года уехал в Турцию.

В эмиграции он продолжал резко критиковать Врангеля. В ответ суд чести уволил Слащева с воинской службы и лишил права носить форму. Практического смысла в эмиграции это не имело, но стало болезненным ударом для генерала. Скандал не остался незамеченным в Москве. С санкции Троцкого к Слащеву отправили человека, который предложил ему вернуться в Россию. Слащев согласился и в ноябре 1921 года вернулся в Советскую Россию с женой и группой офицеров. Встречать его в Севастополь приехал сам председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский.

Двадцать четвертого ноября 1921 года в «Правде» появилось «Обращение ген. Слащева к офицерам и солдатам армии Врангеля, беженцам» с призывом возвращаться в Россию. С 1922 года бывший генерал преподавал командирам Красной армии тактику в школе «Выстрел». Писал воспоминания. Боевой генерал тяготился преподавательской работой. Просился хотя бы на штабную. Возможно, и

получил бы ее, но 11 января 1929 года Слащева в собственной квартире из пистолета застрелил Лазарь Львович Коленберг, бывший командир Красной армии, — из мести за расстрелянного в Николаеве брата. Коленберга признали душевнобольным, и дело прекратили...

Борьба против Врангеля была поручена Юго-Западному фронту, воевавшему главным образом против поляков. Врангель воспользовался тем, что на него обращали мало внимания, и усилил нажим на Красную армию. Тогда и возникла идея создать Южный фронт с задачей ликвидировать армию Врангеля, а командующим фронтом назначить Фрунзе.

Еще И июля 1920 года секретарь ЦК Николай Николаевич Крестинский, занимавшийся кадрами, писал Ленину: «Для командования фронтом, когда такой образуется, у нас имеется прекрасный кандидат, отзываемый из Туркестана, — Фрунзе».

Михаил Васильевич сам желал сразиться с бароном Врангелем.

Ленин писал Троцкому: «Я просил Фрунзе поговорить с Вами поскорее. Фрунзе говорит, что изучал фронт Врангеля, готовился к этому фронту, знает (по Уральской области) приемы борьбы с казаками».

Лев Давидович ценил и продвигал Фрунзе. Без его поддержки военная карьера Михаила Васильевича была бы невозможна. Во время Гражданской войны Троцкий пользовался огромным авторитетом. Председатель РВС одобрил новое назначение Фрунзе.

Михаил Васильевич приехал в Москву из Ташкента на спецпоезде. Когда состав прибыл на Казанский вокзал, появились чекисты и оцепили поезд. У чекистов был мандат на производство обыска и самого поезда, и сотрудников Фрунзе.

Красноармейские части разграбили Бухару. Чекисты предполагали, что поезд Фрунзе набит трофеями. Михаил Васильевич был разгневан, жаловался Ленину. Оргбюро ЦК постановило всё же провести обыск в поезде. Но в присутствии самого Дзержинского или начальника Особого отдела (военная контрразведка) ВЧК Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

Фрунзе написал в ЦК еще одно письмо, выражая возмущение относительно «способа произведения в его поезде обыска, после которого его сотрудники чувствуют себя морально оскорбленными». Оргбюро 15 октября постановило: «Уполномочить т. Фрунзе выразить его сотрудникам доверие от имени ЦК».

Двадцать первого сентября Троцкий образовал самостоятельный Южный фронт под командованием Фрунзе, членами Реввоенсовета

утвердил Сергея Гусева и венгерского коммуниста Белы Куна. Михаил Васильевич прибыл в Харьков, где формировались органы управления.

«Победитель никогда не бывает так слаб, как в минуты победы, — вспоминал Фрунзе старый афоризм. — И в этих словах жестокая правда. Наша армия, добившаяся победы над Деникиным ценою больших жертв и материального истощения, была очень и очень слаба к моменту нового выступления врага. Поляки на этом и построили свои расчеты. Так началась упорная польская война, втянувшая в себя почти все наши силы и средства. Только 12 октября 1920 года было заключено «перемирие», и мы получили возможность использовать часть сил нашего польского фронта для решительной борьбы с белым Крымом, который к тому времени разросся уже в серьезную угрозу».

Оценив ход боевых действий, Фрунзе констатировал: «С весны до осени 1920 года борьба с Врангелем протекала для нас неудачно. Противник стремительными ударами опрокидывал противостоящие ему части Юго-Западного фронта. Врангелевский фронт всё это время оставался на положении второстепенного. Это создавало для Врангеля крайне благоприятную обстановку».

В Южный фронт включили 6-ю армию (командующий Константин Алексеевич Авксентьевский, бывший подпоручик царской армии, он служил у Фрунзе в Южной группе войск Восточного фронта, потом его сменил Август Иванович Корк), 13-ю армию (ею командовал талантливый военачальник Иероним Петрович Уборевич), 2-ю конную армию (командующий Филипп Кузьмич Миронов). И позднее сформировали 4-ю армию, которую возглавил еще один близкий к Фрунзе человек — Владимир Саламанович Лазаревич (он был начальником штаба в Южной группе войск Восточного фронта).

Михаил Васильевич предпочитал служить и воевать вместе с теми, кого хорошо знал и кому доверял.

Среди когорты подобранных им командиров, несомненно, выделялся Иероним Уборевич. В 1916 году он окончил Константиновское артиллерийское училище, подпоручиком 15-го тяжелого артдивизиона участвовал в Первой мировой. После Октябрьской революции принимал участие в создании красногвардейских отрядов в Бессарабии. В декабре 1918 года он уже командовал дивизией, через год — армией, причем исключительно успешно. Он был самым молодым командармом в Красной армии. Говорили о «математическом складе ума» Уборевича, его властности и уверенности в себе. Он напрочь отказался создавать в своей 5-й Отдельной армии реввоенсовет, отстаивая право на единоначалие. И даже

вступил из-за этого в спор с командующим Южным фронтом Михаилом Фрунзе.

Фрунзе, став военным министром, поставит Уборевича командовать войсками Северо-Кавказского военного округа. Со временем Иероним Петрович возглавит важнейший Западный округ, но Сталин его расстреляет.

Август Корк принадлежал к числу самых образованных и подготовленных командиров Красной армии. Он окончил Чугуевское военное училище, Академию Генерального штаба и Военную школу летчиков-наблюдателей. Прошел Первую мировую войну. Корк поддержал революцию и в августе 1917-го — феврале 1918-го был председателем солдатского комитета Западного фронта. В июле 1918 года вступил в Красную армию. После Гражданской войны командовал войсками столичного военного округа. Потом руководил военной академией, носящей имя Фрунзе. И был Сталиным расстрелян с маршалом Тухачевским.

Фрунзе ценил Константина Авксентьевского и продвигал. Вообще хранил верность друзьям. Заступался за Авксентьевского, периодически попадавшего в неприятные истории: «Это человек, преданный революции и партии. Его несчастье — склонность к выпивке. Самым скверным для него фактом считаю его женитьбу на какой-то бывшей актрисе, совершенно чуждом для нас человеке».

После смерти Фрунзе Константина Авксентьевского назначили командующим войсками Средне-Азиатского военного округа, затем командующим Кавказской армией. Перед ним открывались хорошие перспективы. Но пристрастие к алкоголю повредило его карьере...

На Южный фронт с польского перебросили Первую конную армию Семена Михайловича Буденного. Конники двигались так медленно, что Фрунзе был вынужден жаловаться Ленину. Михаил Васильевич просил навести порядок в армии Буденного, но это никому не удалось.

Семена Буденного, который родился на Дону, взяли в армию в 20 лет, в 1903 году. Он участвовал в войне с Японией, где в первый раз был ранен. После войны его отправили учиться в Петербургскую школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. Здесь готовили инструкторов по выезде верховых лошадей. Это занятие Буденному всегда нравилось. В начале Первой мировой войны его назначили унтер-офицером в 18-й Северский драгунский полк. Его взводом командовал поручик Кучук Улагай, будущий деникинский генерал. В Гражданскую они встретятся на поле боя.

Пожалуй, никого отечественная военная история не оделяла такой громкой славой, как командующего Первой конной армией. Поскольку почти вся история Гражданской войны связана с именем Троцкого, что подлежало забвению, то именно Первая конная оказалась чуть ли не единственным разрешенным сюжетом для писателей, поэтов-песенников и кинематографистов. Хотя в годы Гражданской войны у Первой конной была весьма сомнительная репутация. Конники Буденного отличились по части мародерства и грабежей. Но на это закрывали глаза.

Одной из дивизий командовал Александр Яковлевич Пархоменко, потом из него сделали героя, сняли о нем фильм. В реальности в 1920 году Пархоменко за грабежи и разбой был судим и приговорен к расстрелу. Его спас Сталин.

В декабре 1919 года комиссар 42-й стрелковой дивизии докладывал: «Нет ни одного населенного пункта, в котором побывали буденновцы, где не раздавался бы сплошной стон жителей. Массовые грабежи, разбой и насилие буденновцев шли на смену хозяйничанью белых. Буденный разрешил кавалеристам грабить, но так, чтобы не попадались...»

Сам Семен Михайлович, любивший погулять, устраивал вечеринки прямо в штабе, куда вызывали оркестр. Комиссарам, пытавшимся его урезонить, Буденный, хватаясь за маузер, кричал:

— Я уничтожил Шкуро, Мамонтова и Улагая. Ты будешь меня судить?

Заместитель начальника политотдела армии (см.: Вопросы истории. 1994. № 12) докладывал своему начальству: «Сильно развит бандитизм. Комсостав же не только с этим не борется, но и сам поступает таким же образом: пьянствует, грабит вместе с красноармейцами, приказывает ординарцам своим доставить для них кур, гусей, одежду, а иногда и золото, и другие драгоценности». Политотделец был изгнан из Конармии.

Сталин спокойно относился к человеческим слабостям. Бабники и выпивохи вождя вполне устраивали.

— Нет людей без недостатков, — говорил он, обращаясь к военным. — Один любит выпить. У других это превращается в болезнь. Таких людей мы лечим, но из партии не гоним. Таких людей мы перевоспитываем. Иные любят девочек. Это тоже нас мало интересует. Пусть себе с ними возятся, сколько им угодно... Ничего страшного в этом нет.

Командование Первой конной покрывало бандитов. Начальник особого отдела армии докладывал своему начальству: «В армии бандитизм не изведется до тех пор, пока существует такая личность, как Ворошилов (член Реввоенсовета Первой конной. — Л. М.), ибо человек с такими тенденциями является лицом, в котором находили поддержку все эти

полупартизаны-полубандиты». Особиста убрали из Первой конной...

В феврале 1920 года возмутился один из руководителей ВЧК Ян Христофорович Петерс: в Ростове армия Буденного вместо того, чтобы преследовать бежавшего противника, занимается грабежами и пьянствует, местные товарищи в ужасе рассказывают о погромах, учиненных буденновцами. Но обращаться к самому Буденному бесполезно — он ни с кем не разговаривает и страдает манией величия...

После взятия Ростова армия получила приказ продолжить преследование белых, чтобы не дать им уйти в Крым. Если бы этот приказ был выполнен, то Гражданская война закончилась бы раньше, но Первой конной не хотелось покидать Ростов. На приказы командующего фронтом Буденный и Ворошилов внимания не обращали.

Командовал фронтом Василий Иванович Шорин, до революции он окончил юнкерское училище и офицерскую стрелковую школу, в Первую мировую дослужился до полковника. И Шорин, и командующий 8-й армией Григорий Яковлевич Сокольников были крайне недовольны неумелыми действиями Буденного.

На совещании Сокольников требовал, чтобы Первая конная прекратила грабежи и гулянки и выполняла боевую задачу. Командующий фронтом Шорин презрительно добавлял, что Первая конная утопила свою славу в ростовских винных подвалах, на что Ворошилов и Буденный отвечали, что их бойцы имеют право расслабиться после тяжелых боев. Буденный и Ворошилов обратились к своему покровителю Сталину с требованием «снять Шорина с должности командующего фронтом». Сталин выполнил их просьбу.

Ворошилов связался со Сталиным: «Простого смещения, да еще с повышением, для него недостаточно. Мы все считаем его преступником».

В 1925 году Шорин уволился в запас по возрасту. 24 февраля председатель Реввоенсовета Фрунзе подписал приказ, возможно, единственный в своем роде: «Отмечая колоссальные труды, понесенные тов. Шориным с первых же дней Октябрьской революции по созданию РККА, талантливое руководство значительными войсковыми соединениями за весь период Гражданской войны и личный героизм, РВС СССР постановил: Шорина Василия Ивановича пожизненно оставить в списках РККА».

Командиры Первой конной именно на войне зажили полноценной жизнью. Они пьянствовали, грабили, набивали тачанки одеждой и драгоценностями. То, что им не отдавали добровольно, брали силой.

«Доношу, что вчера и сегодня через расположение вверенной мне

дивизии проходила 6-я дивизия 1-й конной армии, которая по пути производит массовые грабежи, убийства и погромы, — писал 2 октября 1920 года начальник 8-й кавалерийской дивизии червонного казачества Виталий Маркович Примаков. — Вчера убиты свыше тридцати человек в местечке Сальница, убит председатель ревкома и его семейство; в местечке Любар свыше пятидесяти человек убиты.

Командный и комиссарский состав не принимают никаких мер. Сейчас в местечке Уланов продолжается погром. Ввиду того, что в погроме принимает участие и командный состав, борьба с погромщиками очевидно выльется в форму вооруженного столкновения между казаками и буденновцами.

Вчера я говорил с начдивом-6 (Апанасенко). Начдив сообщил мне, что военком дивизии и несколько лиц комсостава несколько дней тому назад убиты своими солдатами за расстрел бандитов. Солдатские массы не слушают своих командиров...»

Виталий Примаков был человеком откровенным, резким в выражениях и справедливым. Его в 1937-м расстреляли.

Иосиф Родионович Апанасенко был одним из самых заметных выходцев из Первой конной. Вверенные ему войска превратились в грабь-армию. Убийство комиссара, пытавшегося остановить бандитов-конноармейцев, переполнило чашу терпения вышестоящего начальства. В конце октября в 6-й кавдивизии арестовали несколько сот бойцов, уличенных в расстрелах, грабежах и изнасилованиях. 110 из них расстреляли. Самого Иосифа Апанасенко тоже судили, но фактически оправдали. Его карьере это не помешало. Накануне Великой Отечественной войны Сталин назначил его командующим Дальневосточным фронтом и произвел в генералы армии...

Шестого октября 1920 года командующий Южным фронтом Фрунзе телеграфировал Ленину: «Обращаю внимание на необходимость серьезных мер по приведению в порядок в политическом отношении 1-й конной армии. Полагаю, что в лице ее мы имеем большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем. Желателен приезд в части армии тов. Калинина».

Но никто не изъявлял желания помочь командующему фронтом приструнить Буденного. Михаилу Васильевичу Фрунзе предстояло самому справиться со своими более чем своенравными подчиненными...

В сентябре 1920 года Врангель еще раз переформировал свои войска. Теперь они состояли из 1-й армии Кутепова (1-й армейский и Донской корпуса), 2-й армии генерал-лейтенанта Драценко (2-й и 3-й армейские

корпуса), конной группы генерала Бабиева и конного корпуса генерала Барбовича.

Даниил Павлович Драценко окончил Академию Генерального штаба, в Первую мировую командовал полком, в армии Деникина принял дивизию. После Гражданской войны эмигрировал в Югославию. В годы Второй мировой командовал полком во входившем в состав вермахта Русском корпусе генерал-лейтенанта Бориса Александровича Штейфона и воевал против партизан Иосипа Броз Тито.

Николай Гаврилович Бабиев окончил Первую мировую войну командиром полка, командовал полком у Кутепова. У Врангеля принял Кубанскую казачью дивизию. Он попал к красным в плен, но бежал. Был ранен 17 раз, восемнадцатое ранение в 1920 году оказалось смертельным.

Иван Гаврилович Барбович окончил Первую мировую войну командиром 10-го Ингерманландского гусарского полка, георгиевским кавалером. Врангель произвел его в генерал-лейтенанты.

Врангель объявил новую мобилизацию. Но собрал пятую часть того, что намечал. Немногие верили в способность Крыма противостоять всей России. Петру Николаевичу удалось несколько увеличить свою армию, но ее общая численность в сравнении с войсками Фрунзе всё равно была невелика — 41 тысяча штыков, 17 тысяч сабель, около тысячи пулеметов, 250 орудий, 19 бронепоездов, 19 танков, 26 броневых автомобилей и 34 самолета.

И помощь стран Антанты была скудной. Первая мировая война завершилась. Западные страны больше не нуждались в русских генералах как союзниках в борьбе против Германии. Военные операции Врангеля в Северной Таврии англичане не одобрили. В июне 1920 года в Лондоне приняли решение прекратить помогать антибольшевистским силам. Английская военная миссия покинула Севастополь. Врангель попытался наладить отношения с Францией. Париж признал правительство Врангеля де-факто, но его просьба о займе была отвергнута. Некоторое количество валюты правительство получило, обязав экспортеров 50 процентов прибыли в валюте вносить на счет управления финансов. За счет отчислений от внешнеторговых операций кое-что и покупали. Торговали через Константинополь и Батум. Вывозили сырье из Новороссийска и других портов.

Представителем главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе был генерал-лейтенант Александр Сергеевич Лукомский, недавний военный министр правительств Юга России. Ему подчинялись русская морская база, заготовительные и закупочные комиссии, беженский

отдел. Пока армия Врангеля удерживала Крым, командующие оккупационными союзными войсками в Константинополе считались с представителем русской армии.

Помимо подчиненных Лукомского в городе скопилось множество офицеров, желавших избежать фронта. Бывший начальник Охранного отделения Петрограда генерал-майор Константин Иванович Глобачев в феврале 1920 года прибыл в Константинополь (Вопросы истории. 2002. № 10). Ему поручили мобилизовать на фронт всех, кого можно.

«Мне приходилось прилагать героические усилия, чтобы заставить молодых боеспособных людей ехать в Крым в ряды армии, — вспоминал Глобачев. — В большинстве своем это были самые скверные элементы армии; отвыкшие от работы, они без дела болтались по Константинополю, пьянствовали, скандалили и ежедневно осаждали беженскую часть, выпрашивая пособия».

Сентябрьская попытка белых наступать — в надежде соединиться с Украинской народной армией Симона Петлюры — не удалась. 13 октября врангелевцы предприняли еще одно наступление — с целью разгромить 51-ю дивизию будущего маршала Василия Константиновича Блюхера, оборонявшую Каховский плацдарм, необходимый для атаки на Крым. Белые использовали танки, которые помогли прорвать первую линию обороны красных, но потом наступление было остановлено. Армия Врангеля вынужденно перешла к обороне.

Пятнадцатого октября Фрунзе телеграфировал Ленину: «Переправой на правый берег Днепра у Хортицы своих лучших ударных частей Врангель начал выполнение большого стратегического плана, сулившего при удаче полный разгром нашей ударной группы и делавшего его хозяином всего Черноморского побережья. В результате семидневных ожесточенных боев по всей линии фронта план этот ныне потерпел полное крушение...»

Двадцать шестого октября командование Южного фронта поставило войскам задачу перейти в общее наступление и не допустить отхода войск Врангеля в Крым. Однако Фрунзе упустил возможность разгромить войска Врангеля в Северной Таврии. Позволил белым отойти в Крым. Отбросив дивизии Буденного, Врангель ушел под защиту заранее подготовленных укреплений на Перекопском перешейке.

Один из белых офицеров вспоминал, как в конце октября он сел на поезд, чтобы ехать в Крым. И тут пронесся слух о том, что красная конница вот-вот оседлает железную дорогу на Севастополь: «Спускаются аэропланы; взволнованный летчик бегом направляется к эшелону, и через минуту в вагоне общая паника: красные перерезали дорогу и их авангард в

двух-трех верстах от нас. Неприятно было видеть, как у некоторых офицеров физиономии перекосились. Смертельная бледность, зубы колотятся — противен человек, когда теряет власть над собой...

Настроение было ужасное — не могу сказать, чтобы это был страх; скорее, сильнейшая досада на то, что так глупо заканчивается жизнь. Надежды на спасение не было никакой. Дорога шла вдоль фронта, гладкое, открытое поле, ни единого кустика, где можно было бы укрыться. Конница в любой момент могла наскочить, и тогда конец. В памяти стояли полуголые трупы коммунистов под Славгородом с вырубленными на голове звездами...

Я вскочил на повозку каких-то казаков, и мы помчались. Показался вдали Геническ и справа Сиваш. От сердца отлегло — очевидно, кавалерия грабила станцию и не шла пока дальше... Ура — спасены... Давно я так не ценил жизнь, как бы она плоха ни была, как в этот момент».

Врангель распорядился использовать аэропланы для атак с воздуха на красную конницу. Но ресурс старых машин был выработан. Для ремонта не хватало ни запасных частей, ни инструментов. Самолеты падали. Бронеавтомобили и машины тоже были изношены. Танки и броневики ломались прямо на поле боя. Бензин, масло, резину покупали за границей. Доставка затягивалась (Военноисторический журнал. 2006. № 1).

Красные тоже оценили военную авиацию. В те дни «Известия» писали: «Сейчас достигнуты адские скорости по 300 верст в час, двух-и трехпулеметные автоматические установки, сеющие дождь светящихся пуль, а летчики научились гибче птиц владеть своими крыльями. В революционной войне нет лучшего средства, чем воздушные силы».

На что же рассчитывал Врангель?

Василий Витальевич Шульгин, один из идеологов Белого движения, в книге «1920 год» описывал свою встречу с командующим в Севастополе: «Я не видел генерала Врангеля около года. Тогда (это было в Царицыне) он нервничал. Он только что пережил *Exanthematicus* (сыпной тиф. — Л. М.), у него были сильно запавшие глаза, но еще что-то кроме этого. Какое-то беспокойство, недовольство «общего порядка». Он сдерживался, привычный к дисциплине, но что-то в нем кипело...

Меня поразила перемена в его лице. Он помолодел, расцвел. Казалось бы, что тяжесть, свалившаяся на него теперь, несравнима с той, которую он нес там, в Царицыне. Но нет, именно сейчас в нем чувствовалась не нервничающая энергия, а спокойное напряжение очень сильного постоянного тока...

— Когда я принял командование, дело было очень безнадежно... Но я

хотел хоть остановить это позорище, это безобразие, которое происходило... Уйти, но хоть, по крайней мере, с честью... И спасти, наконец, то, что можно...

Мы сели.

— Ну, первая задача более или менее удалась... И тогда вдруг оказалось, что мы можем еще сопротивляться... Мы их выгнали из Крыма... Но я должен сейчас же сказать, что я не задаюсь широкими планами... Того, что у меня сейчас есть, не может хватить на удержание большой территории... Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, — показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает — живи, как жилось... Итак, мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Так можно будет двигаться вперед, — медленно, не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Я надеюсь удержать Крым...

— И зимовать?

— Да, зимовать, конечно...»

Но исторического времени Врангелю было отпущено немного. Михаил Васильевич Фрунзе не позволил ему зимовать в Крыму. Белая армия была слишком слаба, чтобы долго противостоять красным.

Второго ноября командующий Южным фронтом выступал на заседании Харьковского совета. Фрунзе просил позаботиться о раненых и больных красноармейцах, отправляемых в тыл. Объяснил, что кампания не закончена:

— Перед нами вслед за разгромом главных сил Врангеля ставится сейчас трудная задача — ворваться в самый Крымский полуостров. Там французскими инженерами настроены величайшие сооружения, там сосредоточены присланная той же Францией мощная военная техника, прекрасная артиллерия. Но практика нам уже показала, что поскольку за всей этой техникой не стоит одухотворенная рука живого человека, тогда и от нее ничего не останется. Мы уже имели примеры попыток этой самой техникой и этими самыми танками сбросить нас с Каховского плацдарма, но эти попытки кончились прахом. Я думаю, что не ошибусь, если здесь перед вами, представителями харьковского пролетариата, выражу надежду и, больше того, уверенность в том, что мы в очень короткий срок сумеем

преодолеть эти последние чудеса французской техники — ворваться в Крымский полуостров и разорить последнее гнездо российской контрреволюции.

Фрунзе нуждался в опытных штабистах. Попросил прислать ему бывшего генерала Федора Новицкого, к которому привык. Отправил в столицу телеграмму:

«Москва, Начальнику Оперативного управления Полевого штаба Республики, для т. Новицкого.

Предполагаю Ваше назначение на должность моего помощника. В случае Вашего согласия прошу немедленно выехать в Харьков. Желательно получить и захватить с собой легковой автомобиль и два мотоциклета НР 5855.

Командюж Фрунзе».

Однако Новицкого к нему не отпустили. Федор Федорович находился в Риге, где шли советско-польские переговоры. Михаилу Васильевичу помогли другие опытные военные. Подготовкой Перекопско-Чонгарской операции занимались и главком Сергей Каменев, и начальник Полевого штаба Павел Лебедев.

Фрунзе привез с собой группу генштабистов, с которыми служил на Восточном и Туркестанском фронтах (см.: Военноисторический журнал. 2013. № 10). Начальником штаба фронта стал бывший подполковник, выпускник Академии Генштаба Иван Христофорович Паук. Заместителем начальника штаба назначили бывшего полковника-генштабиста Александра Карловича Андерса, начальником Оперативного управления — бывшего штабс-капитана (и тоже генштабиста) Петра Петровича Каратыгина, которому Фрунзе за взятие Уфы вручил золотые часы. Снабжением фронта ведал бывший полковник Владимир Васильевич Фрейганг, за плечами которого была не только Академия Генштаба, но и Интендантская академия. И, напомним, 4-ю армию возглавил бывший подполковник-генштабист Лазаревич, 6-ю армию — бывший капитан-генштабист Корк.

«Таким образом вокруг Фрунзе, — резюмирует историк Андрей Владиславович Ганин, — сложилась мощная и во многом отлаженная прежней совместной службой группа высококвалифицированных генштабистов, обладавших опытом проведения крупных операций в условиях Гражданской войны. При таких обстоятельствах сам командующий фронтом мог не обладать какими-либо военными познаниями, поскольку проведение операции становилось делом техники, ранее отработанной коллективом».

НА ЧОНГАРЕ В 1920-м

У меня сохранились записки моего дедушки, Владимира Михайловича Млечина, который семнадцати лет, в 1918 году, пошел добровольцем в Красную армию, а на Южном фронте был комиссаром полевого отдела Управления военных сообщений 4-й армии. Он участвовал во взятии Крыма и описал запомнившийся ему эпизод с Фрунзе:

«Тогда юг Таврии и Крым соединяли длинный, с четверть версты, Чонгарский деревянный мост на сваях — по гужевому тракту — и унылый железнодорожный мост, который с юга упирался в узкую дамбу, длиною в километр или полтора, насыпанную по Сивашу. Когда поезд шел по дамбе, через окно казалось, будто он движется по воде, зеркально сверкавшей на солнце или свинцово-рябой в непогоду.

Отступая, врангелевцы сожгли деревянный мост и взорвали два пролета железобетонного. Сложнейшая система укреплений превращала этот — левый — фланг Крымского фронта в твердыню неприступную. Вдобавок в распоряжении советского командования во время операции было мало артиллерии, особенно тяжелой, разрушенный транспорт не справлялся с перевозками. Не было и надежных понтонных средств. А белогвардейцы оснастили укрепления мощной артиллерией вплоть до крепостных орудий из Севастополя.

Что на Перекопе, что на Чонгарском перешейке сложнейшие естественные рубежи обороны были многократно усилены фортификационными сооружениями, созданными под руководством французских инженеров. И рубежи эти охраняли лучшие полки белой армии, насыщенные офицерами, прошедшими школу трехлетней войны с немцами. И они дрались с ожесточением обреченных, с отчаянием смертников.

Казалось, и сама природа решила помочь белым: наступили необычные для этого времени морозы — до двенадцати, тринадцати, иногда до пятнадцати градусов, дули холодные злые ветры. Врангелевцы сидели в оборудованных блиндажах, были сыты и тепло одеты: «союзники» — французы, англичане — подкинули экипировки из бесполезных после окончания войны интендантских запасов; было вино, был спирт.

А наши красноармейцы? Даже сейчас, спустя столько лет после событий, сердце сжимается, когда вспоминаешь, как были одеты и обуты

части 30-й Иркутской дивизии, увековечившие себя в Чонгарском сражении, или славные полки 51-й дивизии, обессмертившие себя штурмом Турецкого вала.

Под утро шестого ноября стал я пробираться к Чонгарскому полуострову. В полевом штабе 4-й армии сказали, что там я найду начальника 30-й дивизии Ивана Кенсориновича Грязнова. Хотелось уточнить: какие из грузов дивизии двигать в первую очередь. Конечно, всё можно было узнать в дивизионных штабах. Но какой девятнадцатилетний комиссар тех лет упустил бы случай и благовидный предлог, чтобы добраться до передовых позиций дивизии, которая вот-вот должна начать решительные действия против Врангеля.

По направлению к станции Чонгар двигались на парной повозке санитары с перевязочным материалом. Лошади бежали ходко, да мороз и ветер пробирался сквозь шинель и гимнастерку, стыли ноги. Мы по очереди слезали и бежали за повозкой.

Все вопросы вертелись вокруг одного: когда, наконец, начнется наступление, или, как выражались многие красноармейцы, «когда будем его кончать». В этой главной мысли сплелось многое и разное: понимание грозных бедствий новой зимней кампании, извечные заботы о запущенном хозяйстве, тоска по дому, по семье, заброшенным ребятишкам. Война до печенок обрыдла всем.

А затычка войны теперь связывалась только с именем барона Врангеля, естественно, что вся ненависть сосредоточилась на нем. «Кончать его» означало ликвидировать последний очаг Гражданской войны, покончить с разором в стране, вернуться по домам.

Так начались дни и ночи, полные неповторимого напряжения, десять дней, за которые раздетая, разутая, почти без артиллерии армия, руководимая профессиональным революционером и бывшим каторжником, разгромила прекрасно вооруженную и оснащенную армию, оборонявшуюся в первоклассной крепости. Да, именно десять дней! В ночь с седьмого на восьмое ноября Иван Иванович Оленчук повел вброд через Сиваш на Литовский полуостров первую штурмовую группу, а семнадцатого была взята Ялта, последнее прибежище белой гвардии.

Наступила такая лихорадочная пора, когда теряется ощущение дня и ночи и собственное существование становится иллюзорным. Я носился между станциями — на паровозах, дрезинах, верхом, бежал от депо к эшелонам, от телеграфного аппарата к телефонному, докладывал, приказывал, спорил, просил, умолял, грозил...

Не помню, где и когда я ел в течение этих дней и ночей. Знаю твердо:

не спал; во всяком случае не спал в своей теплушке; может быть, дремал у телеграфного аппарата Морзе, может быть, засыпал в седле или на дубовой железнодорожной скамье у начальника депо, пока готовили паровоз под сверхсрочный состав.

До сознания моего доходили разные сообщения, которые одни могли поддержать бодрость в эти лихорадочные и бессонные дни и ночи: то мы, наконец, после трех безуспешных атак «в лоб» взяли Турецкий вал, то, преодолев укрепления, захватили Тюп-Джанкой и вырвались на оперативный простор. Особенно радостно прозвучала весть о взятии Джанкоя. Значит, позади топкий Сиваш, позади колючие траншеи Чонгара...

И всё же казалось, что войны впереди немало и надо продвигать к наступающим частям боепитание, продовольствие, фураж, санитарные поезда, надо эвакуировать составы с ранеными, больными. Появились сыпнотифозные. Каждый состав с больными, застрявший на любой станции, давил сердце. И только ночью пятнадцатого, когда я узнал, что части Василия Константиновича Блюхера и 1-й Конной заняли Севастополь, а 9-я стрелковая с боем овладела Феодосией, я направился к теплушке с твердым намерением спать.

И тут мне вручили бланк телеграммы:

«Полевое управление военных сообщений 4-й армии военкому Млечину начальник штаба Южного фронта приказал: в Крыму, в районе станции Таганаш-Джанкой сформировать поезд в составе трех классных, трех крытых и пяти платформ. Подать к девяти ноль-ноль шестнадцатого ноября с крымской стороны взорванного моста».

Трижды, может, четырежды перечитывал я телеграмму. Что за наваждение! Где к утру взять целый состав, да еще с классными вагонами и горячим паровозом? Что это, Харьков или хотя бы Мелитополь? Это ведь Крым, где только-только тайфуном пронеслась война! Ну, крытые — так на профессиональном языке именовались двухосные товарные вагоны — и платформы я, возможно, найду. Но классные вагоны!

Не прошло и получаса, как мы мчались к Чонгарскому полуострову. «Мчались» надо, разумеется, понимать с поправкой на темпы тех времен, когда главным средством передвижения оставалась лошадь. Но мы сил не жалели, и дрезина катилась лихо.

На станции Чонгар удалось связаться с Джанкоем. На проводе оказался дежурный помощник начальника станции. Я изложил приказ начальника штаба Южного фронта. Ответ последовал точный: крытые и платформы имеются, классных — ни одного. Он обещал дать указание

послать для меня дрезину или паровоз. Я сунул в карман переговорную ленту, побежал к дрезине, и мы довольно быстро добрались до взорванного моста.

Теперь предстояло двигаться пешком: идти по мосту, потом по дамбе и дальше по путям. На дрезине нас было трое, был огонь — скудный железнодорожный фонарик. Теперь надо пробираться по шпалам в крошечной ноябрьской тьме и в полном одиночестве.

Я вынул браунинг из кобуры, которую носил под шинелью, загнал патрон, поставил на предохранитель и сунул за ремень. Брать ли с собой огонь? Огонь — мишень, и леший знает, кто на пустынных путях может встретиться — притаившийся белогвардеец, пьяный махновец или заурядный уголовник. Пожалуй, безопаснее идти без огня. Но если не брать фонаря, чем задержать встречную дрезину, тем более паровоз?

Человек не любит лишаться огня. Как только я подумал о встречном транспорте, стало легче на душе. Взял я в левую руку фонарь и двинулся. Кто ходил по шпалам, знает, как это неудобно, как утомительно: нельзя шагать ритмично, мерно — шпалы разные, интервалы между ними тоже различные. Но одно дело ходить по шпалам в мирное время. А тут — адская темень, с двух сторон вода, вязкая, соленая, а впереди «белые», «зеленые», «черные». Крым был наводнен всяким сбродом.

Сколько я отшагал? Километр, два, пять? Не знаю. Я скорее почувствовал, чем увидел, слабый свет, мелькнувший впереди. Я остановился: нет сомнения, кричит паровоз. Повернув фонарик, посемафорил остановку. Пронзительно-высокими гудками машинист ответил на сигнал, и через минуты локомотив остановился, громко и прерывисто дыша. Это был маленький слабосильный паровозик «времен Очакова и покоренья Крыма». Подобных я, кажется, не видел ни на Южной дороге, ни на дорогах Западного фронта.

Я поднялся в будочку, машинист дернул веревочку, паровозик свистнул фальцетиком и дал задний ход. Машинисту было лет сорок. Люди такого возраста казались мне стариками.

В Таганаше меня ждал начальник станции. Он по всей форме доложил, что паровоз подать сумеет, что имеются хорошо оборудованные и продезинфицированные теплушки — с печами, нарами, но есть только один вагон третьего класса, правда, в хорошем состоянии. Туда направлен проводник, которому приказано «продраить весь вагон» и запастись топливом.

Вскоре начальник станции доложил, что состав готов и можно ехать. Вагон мерно потряхивало на стыках, было чисто, уютно, так и тянуло

прилечь. Но я знал: ложиться не следует. Лучше умыться и встретить гостей как должно.

Было ясное осеннее утро. Я увидел блистающую гладь воды и горы сверкающей на солнце соли. Правильными громадами конусов они высились слева и справа. Кристаллы соли играли, искрились на солнце, соляные холмы отражались в воде, и все — вода, небо, соль — меняли краски по мере того, как поднималось солнце и прибавляло повсюду крепких румян. Впервые ощутил я дыхание мирного неба над соляными вулканами, впервые подумал о том, что хорошо бы всю эту красоту погрузить в вагоны и отправить «в Россию», где порой пекли хлеб без соли и глотали несоленую затируху.

Я медленно брел по Сивашскому мосту, всматривался в шпальные клетки, сооруженные нашими саперами под вражеским огнем, бил сапогами по уложенному ими крепкому настилу, по которому всего несколько суток назад солдаты 30-й Иркутской дивизии двинулись в последнюю атаку.

Донесся отдаленный шум, и я поспешил к станции. Скоро поезд приблизился настолько, что можно было отчетливо рассмотреть прекрасный пассажирский локомотив, сверкающие свежей краской четырехосные вагоны с большими зеркальными стеклами. Поезд плавно подошел и остановился. Из вагонов вышли одетые в форму проводники и стали у подножек. Потом начали спускаться командиры.

Затем появился человек, который показался мне странно знакомым. Он был в длинном мундире кавалерийского образца с большой звездой на рукаве и в кавалерийской фуражке. Удивила меня шашка на ремне через плечо: советские высшие командиры обычно шашек не носили. Я подошел ближе, и меня пронзило: да это же Фрунзе!

Оторвав глаза от Фрунзе, я увидел длинное, бледное лицо Ивара Тенисовича Смильги, которого встречал еще на Западном фронте. Теперь он был членом Реввоенсовета Республики. Вокруг я рассмотрел еще несколько знакомых лиц: бывшего руководителя венгерского советского правительства, теперь члена Военного совета нашего фронта Белу Куна, Розалию Самойловну Землячку, начальника политотдела Южного фронта. Говорили, что она будет одним из секретарей нового Крымского обкома партии.

Но всеобщее внимание отвлекли лошади, которых стали по трапам выводить из крытых вагонов. Туда подошел Фрунзе в сопровождении группы высших командиров. Сотрудник штаба армии сказал, что лошади привезены из Туркестана, что все они чистейших кровей.

Два конюха осторожно вывели совсем молодую кобылу прекрасной золотистой масти. Лошадь не шла, она танцевала, танцевала легко, грациозно, пугливо озираясь огромными блестящими глазами. Казалось, в ней вибрирует каждый нерв, до того она была напряжена. И было в ее влажных глазах что-то покоряюще-трогательное, как у обиженного ребенка, который из гордости старается не плакать и не жаловаться.

Когда подошел Фрунзе, лошадь искоса посмотрела на него, сначала подалась в сторону, но сразу успокоилась, едва он сказал несколько слов и стал гладить ее по спине, по великолепно выгнутой шее. И тут мелькнула мысль, от которой стало не по себе: «так вот для кого нужны «крытые» — для лошадей! Платформы — для фуража! А я пригнал оборудованные теплушки, как будто лошадям нужны нары и чугунные печи. Ах, простофиля, простофиля! То-то будут смеяться надо мной». Угнетало смешное положение, в какое я попал: «Фрунзе и Смилге угрожал — вагон третьего класса предоставил, лошадям — теплушки с нарами, да еще и дровишек велел подкинуть...»

Я уже равнодушно наблюдал за тем, как Фрунзе подали оседланную лошадь — крупную, темно-гнедой масти, как он, не торопясь, устроился в седле и шагом двинулся в сторону моста. Я уныло побрел в том же направлении.

Горечь, однако, скоро выветрилась: радостные вести с фронта, оживленные лица приехавших не способствовали развитию меланхолии. Да и чуждо моему характеру было это состояние. Мысли вновь вернулись к Фрунзе, который ехал по дамбе.

Что это за человек, думал я, который вот так, в полном одиночестве, едет точно с прогулки, как будто не он, а кто-то другой, вчера еще, третьего дня держал на плечах страшное бремя ответственности за исход операции, от которой зависела судьба десятков и десятков тысяч людей, готовых по его приказу кинуться в огонь и воду! Не в переносном смысле, — они действительно бросались в стылую и вязкую грязь Гнилого моря и шли под шквальным огнем.

Что должен был пережить этот человек, когда ему доложили, что ветер переменился, вода в Сиваше прибывает, вот-вот под воду уйдут броды, и дивизии наши, с таким трудом захватившие плацдарм на Литовском полуострове, окажутся отрезанными и будут обречены на уничтожение?

Ветер гнал воду обратно в Сиваш. Дорога была каждая минута. В прорыв, пока не поздно, надо бросить свежие силы. В два часа утра в Строгановку пришла 7-я кавалерийская дивизия. Фрунзе немедленно направил ее в Сиваш. Такой же приказ был отдан махновскому командарму

Каретнику.

Была ли у Михаила Васильевича уверенность в том, что его приказ будет выполнен? Дважды махновские вожаки уходили совещаться. Какая нужна была выдержка, какая душевная сила, чтобы в этих условиях сохранить хладнокровие: махновцам не трудно было уничтожить охрану штаба дивизии и самого командующего. Но Фрунзе холодно и жестко повторил приказ, как будто был полным хозяином положения и мог в любую минуту покарать ослушников. Махновцы не выдержали тона, взгляда Фрунзе, и тачанки двинулись в Сиваш.

Какие нервы, какое сердце нужны были, чтобы выслушать донесение о том, что атаки на Турецкий вал отбиты, что наступающие понесли тяжелые потери и залегли, прижатые к земле смертоносным огнем?

Сколько горьких минут выпало на долю Фрунзе уже с первых дней подготовки операции. Ведь поначалу он планировал ударить левым флангом: исторические дороги вели в Крым через Арабатскую стрелку. Не случайно, надо думать, там сосредоточилась 9-я дивизия Николая Владимировича Куйбышева, а на Чонгаре 30-я Иркутская Грязнова.

Обстоятельства сложились против этого плана: наши суда не могли поддержать наступающих по Арабатской стрелке. Артиллерии, особенно тяжелой, было мало. На море господствовали корабли врангелевцев, и фланг наш был совершенно беззащитен. Фрунзе оказался готовым быстро перестроиться и осуществить новый план — ударить сначала силами 6-й армии через Сиваш. И точно выбрал день и час, когда нужно было ввести в бой дивизии 4-й армии, чтобы добиться уже не перелома, а разгрома врага!.. И вот прошло всего трое суток, и Крым свободен...

Фрунзе доехал до укрепленного обрывистого берега, господствовавшего над дамбой и, пожалуй, над всем Чонгарским полуостровом. Потом проехал с пол версты налево, вернулся и проехал по фронту укреплений на запад.

Шесть рядов траншей. Впереди каждого — колючая проволока в три, местами в четыре кола. Отличные блиндажи, хорошо укрытые артиллерийские позиции, пулеметные гнезда... Сейчас во многих местах проволока была прорвана, орудия валялись без замков, иные перевернуты вверх колесами. Всего четверо суток назад это была мощная крепость. А теперь — прах, развороченные канавы, ямы, груды проволоки, хаос.

В глубоком раздумье Фрунзе поехал назад.

Тут я решил: доложу лично командующему. Уж если виниться, лучше перед ним. Я козырнул и попросил разрешения доложить.

— Докладывайте, только стойте вольно.

Я назвал себя, доложил, что состав подан, но классный вагон — единственный: ближе Симферополя классных вагонов больше нет.

Михаил Васильевич выслушал и сказал:

— Что же, в тесноте, да не в обиде, доедем. — И так как я механически продолжал держать руку у фуражки, повторил: — Стойте вольно.

— Еще есть теплушки, товарищ командующий, с нарами и печами.

— Зачем? Не в Сибирь собрались. Вполне разместимся в классном.

— Тогда разберем нары, товарищ командующий, и перевезем лошадей.

— Не надо. Лошадей пока оставим, здесь им будет вольготней. И так застоялись, пусть погуляют.

У меня отлегло от сердца. Значит, всё в порядке. Как бы опасаясь, что Михаил Васильевич передумает, я поспешил подкрепить его решение:

— Мост, товарищ командующий, можно бы восстановить. У нас имеются готовые фермы. И сразу переведут лошадей.

Фрунзе едва заметно усмехнулся.

Я спохватился: дал маху. Командующий имел все основания скептически отнестись к предложенному мной способу восстановления моста. Незадолго перед тем стандартная деревянная ферма была установлена вместо взорванного пролета на мосту под Александровском (теперь город Запорожье). Ферма выдержала испытания балластным составом, сцепленными локомотивами, но дала трещину и осела, едва по ней двинулся поезд. Эпизод этот причинил немало хлопот Управлению военных сообщений, да и Реввоенсовету 4-й армии.

— Сколько вам лет? — спросил Фрунзе.

— Дев... Двадцать, товарищ командующий.

Фрунзе почувствовал заминку.

— Исполнилось?

— Нет, будет.

— Значит, девятнадцать. А что делали до армии?

— Учился, работал.

— В армию как попали, по призыву?

— Нет, товарищ командующий, добровольно, через партийную организацию. Перед началом польского похода.

— Что намерены делать после войны, об этом думали?

— Наверное, учиться, если можно будет.

— А в армии остаться не хотите? Пойдете в военную академию...

— Так ведь война кончается, товарищ командующий...

— И больше войн не будет?

— Не знаю, товарищ командующий.

— И никто не знает. Думаю, однако, что на наш век войн хватит. А вот образованных командиров-большевиков у нас еще мало. Так что, если склонность есть, идите в академию. Можете стать и военным инженером. У нас военных инженеров совсем мало. Врангеля вот консультировали французы. Смотрели укрепления?

— Смотрел, товарищ командующий. Страшные укрепления.

— Страшные? Пожалуй. А вот взяли ведь.

— Как же иначе! — бодро воскликнул я.

Фрунзе пристально посмотрел на меня, в усах явно мелькнула усмешка. Вдруг лицо опять стало серьезным.

— Кстати, о вагонах. Ведь их в Крыму должно быть немало. Какие сведения в Управлении военных сообщений?

— Начальник управления говорил, товарищ командующий, что в южных портах, особенно в Севастополе, должно быть много подвижного состава, в частности отличных пассажирских вагонов — салонов старого Министерства путей сообщения, начальников дорог и служб. И много загнано туда паровозов.

— Паровозы нам очень нужны. А без салонов мы пока обойдемся. А вот как с товарными? Нам бы соль начать грузить. В Центральной России, да и во многих областях Сибири соли мало.

— Если белые не уничтожили вагоны.

— В Севастополе, пожалуй, не успели.

— Нам бы, товарищ командующий, побольше угля, — сказал я, — с порожняком как-нибудь обернемся. И надо скорее этот мост восстанавливать...

— Надо... И надо еще войну кончить, военком: Керчь не взята, в Ялте группировка белых... Они, конечно, обречены, но не надо благодушествовать. Будем двигаться в Симферополь.

— Состав под парами, товарищ командующий!

Я козырнул. Михаил Васильевич дал лошади чуть заметный посыл и поехал через мост к своему поезду. А минут через пятнадцать группы людей потянулись к мосту, к «моему» поезду. Конечно, разумнее всего было бы забраться в одну из теплушек и поспать. Но я чувствовал себя до некоторой степени именинником, а говоря точнее, кем-то вроде капитана на корабле. Как-никак это я раздобыл состав, в этом составе едут командующий фронтом, член Революционного Военного Совета Республики. Где же мне находиться, как не в «боевой рубке», сиречь в будке локомотива?

Мы довольно быстро проехали километров тридцать до Джанкоя. Погода стояла отменная, все высыпали из вагонов. И сразу распространилась радостная весть: наши войска взяли Керчь. Об этом Михаил Васильевич тут же из Джанкоя доложил телеграммой:

«Оперативная

вне очереди

ПРЕДСОВНАРКОМ т. ЛЕНИНУ

Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.

Команд Южфронта Фрунзе

Член РВ Совета Бела Кун».

Гражданская война завершилась.

В Джанкое я уже перешел в вагон. Все пассажиры устроились довольно уютно. И мест свободных оказалось много.

Купе проводника заняли Михаил Васильевич, Бела Кун, Смилга и адъютант командующего. Я остановился у открытой двери купе и довольно бесцеремонно стал рассматривать его пассажиров. В это время принесли обед. И должен признаться, обед начисто испортил мне настроение и сильно притушил в моих глазах ореол величия, который до того ярко сиял вокруг пассажиров «отдельного» купе.

Особенно велика почему-то была моя досада на Смилгу. Его бледное, тонкое, вдохновенное, как мне казалось, лицо сразу обрело выражение сытого самодовольства и мещанского благополучия.

И всему виной была... рисовая каша. Да еще нарзан. Что такое нарзан, я тогда не знал. По непривычному характеру букв на этикетках я решил, что это экзотический, едва ли не заморский напиток, недоступный простым смертным и несовместимый с аскетическим кодексом, который был тогда и нашей вынужденной добродетелью, и символом веры.

Но доконали меня котлеты с рисовой кашей, поданные после довольно жидкого супа. Заурядные рубленые котлеты с обыкновенной кашей, сваренной на воде. В моем представлении котлеты вообще были символом роскоши. Мы, дети, очень любили рисовую кашу. Но ее давали крайне редко — по большим праздникам. А здесь — нате вам, в обычный день, в будни — рисовая каша! Котлеты! Как теперь вспоминаю, котлеты были убогие — не больше старого медного пятака. Но мой тогдашний ригоризм с этим примириться не мог.

Мои размышления прервал комендант поезда:

— Идите, военком, обедать.

Я было хотел огрызнуться, сказать, что к деликатесам не привык, да вовремя спохватился: в вагоне люди обедали — кто хлебал суп из котелков,

поставленных на столики, кто держал тарелки с теми же котлетами. Проводник поставил судок с дымящимся супом и изрядный кус черного хлеба. Все этические проблемы улетучились, я умял и суп, и хлеб, и котлеты с рисовой кашей...

Мне приснилось, будто поезд сошел с рельсов, вагон грохочет по шпалам и меня кидает вверх и вниз. Я проснулся от сильной тряски: проводник изо всех сил тормозил меня.

— Подъезжаем к Симферополю, пожалуйста, вставайте, гражданин товарищ!

— Разве я спал? — спросил я обалдело.

Кругом засмеялись, но добродушно.

Вслед за проводником я соскочил на платформу. Михаил Васильевич и сопровождающие его лица быстро проследовали к выходу на станцию. И тут я заметил в стороне большую группу железнодорожников, построенных в две шеренги. Чуть впереди стоял духовой оркестр, тоже обряженный в железнодорожную форму. С правого фланга отделился пожилой человек и подошел ко мне:

— Скажите, пожалуйста, кто тут будет товарищ комиссар военных сообщений?

Не понимая намерений железнодорожников, я спросил:

— А зачем он вам?

— Мы тут построили служащих, свободных от дежурства, хотим поздравить с победой и рапорт отдать представителю Красной армии, нашему новому начальнику, так сказать.

Все стало ясно: о приезде командующего фронтом и нового состава Крымского правительства железнодорожники не знали. Но по моей телеграмме в Джанкой подумали, что к ним едет важное и грозное начальство из Управления военных сообщений. И решили встретить его с помпой — с оркестром и надлежащими приветствиями.

— А вы кто? — спросил я.

— Я исполняю обязанности начальника станции.

— Так вот, уважаемый товарищ, вы упустили случай рапортовать командующему фронтом и члену Реввоенсовета Республики. А рапортовать военкомам из Управления военных сообщений у нас не принято. Тем более что я не начальник управления, а только комиссар полевого отдела. Так что попрошу вас отпустить людей. А мне расскажите о состоянии станции и путей, о вагонном хозяйстве. Прошу также вызвать начальника паровозного депо, если он не убежал.

Эти слова, видимо, огорчили моего собеседника.

— У нас со станции, товарищ комиссар, не убежал ни один человек. Только из управления дороги — и то всего, кажется, двое или трое. Железнодорожникам не по пути с белой гвардией, товарищ комиссар.

Ближайшим следствием искреннего и доброго расположения железнодорожников было то, что через несколько часов я уже хорошо знал положение узла. Как и предполагалось, основную массу вагонов и паровозов белые загнали в Севастополь.

Туда я несся этой же ночью в маленьком, отлично оборудованном двухосном салончике, прицепленном к воинскому эшелону, направлявшемуся на юг. Впереди еще была война с Махно, бессонные ночи и тревоги. Но это впереди...»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ОКОНЧЕНА

Эти записки мой дедушка писал в конце 60-х годов XX ве-ка, желая достоверно передать мысли и настроения молодого человека, охваченного революционным энтузиазмом.

Сегодня историки иначе относятся к Нестору Ивановичу Махно, который очень и очень помог Фрунзе взять Крым.

Первое убийство будущий вождь анархистов совершил совсем молодым. На суде хладнокровно выслушал приговор: смертная казнь. Заболел туберкулезом и вряд ли собирался жить долго. Храбр был до безумия. Восхищенно рассказывали, что он преспокойно разгуливал под пулями, как другие гуляют под дождем.

Не терял голову в бою. Но пьянел от первой рюмки. Учился всего четыре года. Зато был прирожденным оратором и артистом. Но если задавали неожиданный вопрос, а он не знал, что ответить, то глотал слова и заикался. Оттого в принципе предпочитал объясняться языком оружия.

Отступление и поражение его не пугали. Невероятно энергичный, он поднимался вновь и вновь и упорно продолжал свое дело.

Знаменитый анархист и предводитель крестьянского повстанческого движения в период Гражданской войны Нестор Иванович Махно родился 26 октября 1888 года в Гуляйпольской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии.

Человек, союза с которым в Гражданскую войну искали и красные, и белые, человек, от которого зависела судьба Юга России, не производил впечатления крупного политического лидера или большого военачальника. С виду был неказист. Но всем виделся как-то по-своему. Знавшие его люди описывали одного человека, а кажется, разных:

«Небольшого роста, узкоплечий с русыми, под горшок стриженными, гладкими волосами и каким-то плоским, немножко обезьяньим лицом. Он напоминал мне полицейского урядника...»

«С землисто-желтым, нечисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами, падающими длинными прядями на плечи, в суконной черной пиджачной паре и высоких сапогах — он напоминал переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом...»

Внешность обманчива. Нестора Ивановича выдавали глаза:

«Небольшие, темно-карие глаза, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, глаза, как

бы всё знающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями, — вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и щедедушной фигуре».

«Сначала я думала, что только мне делается страшно, когда он взглянет на меня своими серыми, холодными, стальными, прямо-таки какими-то гипнотизирующими глазами, но потом оказалось, что самые заядлые разбойники-махновцы не выносили этого взгляда и начинали дрожать мелкой дрожью».

Под внешней холодностью и неподвижностью лица кипели страсти, которые он скрывал. Но бешеные эмоции всё равно рвались на волю! Выросший без отца юный Махно начинал еще при царизме в Гуляйпольской группе «Вольного союза анархистов-хлеборобов». И сразу проявил склонность к насилию. Послужной список для совсем еще молодого человека внушительный. Убийства, налеты, экспроприации. В 1910 году в Екатеринославе его судьбу решал военно-окружной суд. Смертный приговор по малолетству заменили каторгой.

Махно недолго посидел в Екатеринославе, потом его перевели в Москву, в Бутырку. Тюрма стала для него университетом. Он считал абсолютным злом любое государство и любые партии. Ему нравились только, как он говорил, «простые труженики, не вкусившие еще городского политического яда». Иначе говоря, он желал быть единственным политиком.

Его освободила революция в марте 1917 года. Он вернулся в родные места. Создал вооруженный отряд и объявил себя комиссаром Гуляйпольского района.

На Украине Гражданская война была особенно жестокой и кровопролитной. Ни одна политическая сила не могла объединить столь разнородное сообщество. Слабая власть постоянно менялась. И сама по себе вызывала отвращение.

Махно обещал защитить крестьянина от самостийников Симона Петлюры, от гетмана Скоропадского, от немецких и австрийских войск, которые в 1918 году оккупировали Украину, и от возвращения помещиков, желавших вернуть и землю, и разграбленное имущество.

В центре Гуляйполя Нестор Иванович держал речь перед крестьянами: — Я — революционер Махно. Я со своим отрядом несу смерть палачам свободы трудового народа Украины.

И когда он произносил эти слова, люди падали на колени в ужасе и страхе. Ему это понравилось. Крестьяне кричали:

— Отныне ты наш батько, и мы умрем вместе с тобою. Веди нас против врага!

«Крестьяне и отважные крестьянки, — описывал эту картину Махно, — выскакивали из своих дворов с вилами, лопатами, топорами, ружьями и беспощадно убивали панически убежавших солдат австрийской армии, гетманских стражников, кулаков».

«Во мне поднималось что-то непонятное, страшное», — вспоминал Махно.

Он приказал:

— Убейте этих собак! Никому и никакой пощады с сего дня!

И торопил:

— Не возитесь долго!

Что представляло собой Гуляйполе тогда? Население: 20–30 тысяч человек. Несколько школ. И вот любопытная деталь: еще до революции Гуляйполе выступило против столыпинского закрепления земли в частную собственность. Покупать землю на родине Махно не хотели.

Нестор Иванович вернулся домой с обещанием раздать землю — бесплатно и по справедливости. Он повел крестьян разорять помещичьи усадьбы, богатые хутора и процветающие хозяйства немцев-колонистов, которых в тех местах было немало. Забирали всё, что хотели, — скот, инвентарь. Остальное — сжигали.

Почему сжигали? А в чем вообще смысл уничтожения чужой собственности? Это затаенная мечта тех, кто не переносит чужого успеха: пусть всё превратится в пепел, лишь бы больше никто на этом не обогащался! Махно хотел, чтобы владельцы мельниц и маслобоен отказались от своего имущества в общую пользу. А сельская беднота требовала взорвать их и сжечь:

— Прогоним власть, тогда построим новые.

В Гуляйполе был коммерческий банк. Нестор Иванович постановил перечислить деньги на революционные цели. Пришел в банк, предъявил подписанное им же постановление. Руководители банка посмотрели на него... и выдали деньги.

«Деревня есть царство анархии, — записал в дневнике профессор Московского университета Юрий Владимирович Готье. — Когда она спокойна, то жить хорошо; когда она приходит в кинетическое состояние, спасайся, кто может. Никто не хочет ничего делать; наш человек понимает свободу по-своему — как свободу от всякого дела и обязанности».

Махно оседлал восстание деревни против города. Крестьянское самосознание строилось на уверенности в том, что между деревней и

городом — непроходимая пропасть. Городские жители — паразиты. А государство само по себе — зло. Идеал — это вольная жизнь, в которой вообще нет места начальству.

«Население требовало немедленного похода на город, чтобы разогнать засевших там ненужных, вредных для дела правителей», — вспоминал Нестор Иванович.

Он воспользовался невероятной активностью разбуженных революцией крестьян. Дал выход накопившемуся в деревне напряжению. И внутридеревенская вражда, усилившаяся в Гражданскую войну, превратилась в готовность перебить всех поголовно.

«Месть тем, кто рвет и топчет жизнь социально замученного, политическим насилием изуродованного и духовно поработанного трудового народа! — призывал Махно. — Больше не будет пощады врагам трудящихся. Пощады не будет никому».

В конце 1918 года Махно преспокойно сел со своим отрядом на поезд, идущий на Екатеринослав, и прибыл на вокзал, находившийся в центре города. Петлюровцы не ожидали его появления и стремительной атакой были выбиты из города. Махно выпустил заключенных из тюрем, и они уже все вместе занялись грабежом.

«Летом 1918 года я переехал в Екатеринослав, — вспоминал очевидец. — Здесь четырнадцать раз менялась власть. Взяв город, махновцы истребляли всех «буржуев». Так продолжалось неделю. На восьмой день Екатеринослав был освобожден запорожскими стрельцами».

Город боялся Махно. Деревня встречала с восторгом, потому что он раздавал землю, обещал избавить от налогов и хлебопоставок. Он повсюду находил сторонников, которым по душе пришлись анархистские лозунги вольности и самоуправления.

Деревня не желала однозначно становиться на сторону белых или красных. Крестьяне всей душой были за красных, когда оказывались под белыми. И за белых, когда приходили красные. А мечтали остаться вовсе без власти.

Крестьяне желали, чтобы их оставили в покое. Сопротивлялись всем, кто пытался забрать хлеб. А советская власть рассматривала деревню как огромное зернохранилище. Большевики разрушили нормальный товарооборот: хлеб, да и все остальные продукты исчезли. В городах голодали.

«Встретили Новый, 1918, год в Мертвом переулке, где и ночевали, — записал в дневнике один из москвичей. — Сейчас возвращался домой и на заборе прочел начертанную «народною» рукой следующую надпись: «Что

ни час, то совет. Что ни день, то декрет. А хлеба нет».

Восстанавливать нормальную экономику, в которой крестьяне выращивали зерно для того, чтобы его продавать, большевики не собирались. «Мы не хотим делать крестьянский социализм», — сразу предупредил Ленин. Иначе говоря, покупка хлеба не предполагалась, только изъятие.

Нестора Махно как крестьянского вождя большевики считали врагом и пытались уничтожить. Хотя он часто бывал полезен, поскольку еще сильнее большевиков ненавидел и белых, и самостийников, то есть сторонников независимости Украины. Объявил себя командующим Советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района и вместе с большевиками в конце 1918 года сражался против Симона Петлюры.

В середине февраля 1919 года Махно совершил один из многих поворотов в своей бурной политической карьере и вновь присоединился к большевикам, в тот момент нуждавшимся в любых союзниках, даже ненадежных. Но иметь дело с Нестором Ивановичем было трудно и опасно. Слишком непредсказуем.

На зданиях повстанческого штаба висели лозунги: «Власть рождает паразитов! Да здравствует анархия!», «Мир хижинам — война дворцам!» Его людям нравилась такая жизнь — в алкогольном угаре. Приятно горячила кровь внезапно обретенная власть над людьми.

Начало 1919 года — время расцвета Махно. Он оседлал важные железнодорожные узлы и, по подсчетам историков, контролировал обширную территорию с населением в два миллиона человек. Немаленькое государство, которым управлял железной рукой.

Гуляйполе превратилось в одну из столиц разорванной Гражданской войной России. Не Махно ездил на переговоры, к нему приезжали на поклон! 29 апреля 1919 года в Гуляйполе прибыл командующий Украинским фронтом Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, крупная фигура. Это он брал Зимний дворец.

Антонов-Овсеенко считал, что благоразумнее иметь Нестора Ивановича в союзниках. Доказывал: если начать борьбу с Махно, то фронт вообще развалится и белой армии генерала Антона Ивановича Деникина откроется прямая дорога на Москву.

Позиция Махно стала критически важна еще и потому, что в мае 1919 года восстал против советской власти бывший штабс-капитан Николай Александрович Григорьев. Он возглавил повстанческое движение под лозунгами: «Украина для украинцев», «Вся власть Советам без

коммунистов».

Под началом Григорьева оказалось 20 тысяч штыков, 50 орудий и шесть бронепоездов. Войска бывшего штабс-капитана захватили на юге Украины несколько городов — Кременчуг, Черкассы, Херсон, Николаев.

Григорьева большевики считали серьезной угрозой. Опасались, что он объединится с Махно. Чтобы не допустить этого, в Гуляйполе приехал член политбюро Лев Борисович Каменев, один из самых близких к Ленину людей. Когда Ленин отсутствовал в Кремле, именно Каменев председательствовал на заседаниях правительства и политбюро. Лев Борисович хотел опередить Григорьева и первым предложить Махно объединить усилия. И остался доволен переговорами.

Десятого мая 1919 года Каменев телеграфировал Ленину: «Дорога на Екатеринослав, Знаменку, Киев отрезана бандами Григорьева. Григорьев, вчера отложивший свидание со мной в Знаменке, сегодня отказывается разговаривать. Он пытается сноситься с Махно. После личного свидания с Махно и посещения Гуляйполя полагаю, что Махно не решится сейчас поддерживать Григорьева».

На свою голову Григорьев всё-таки поехал к Махно. Нестор Иванович в союзниках не нуждался и распорядился убить бывшего штабс-капитана. Оставшиеся без вожака отряды Григорьева были разгромлены.

Однако и Махно вскоре покинул красных. Он никому не желал подчиняться. Но ликвидировать его столь же легко, как Григорьева, не удалось. Махно воевал и против красных, и против Деникина и помешал успешному наступлению белых на Москву. С гордостью говорил: «Золотопогонники чуть было не вошли в Москву. Если бы не повстанцы, то над революционной Россией уже давно развевался бы трехцветный самодержавный флаг».

Нестор Иванович оказался прирожденным крестьянским вождем и военачальником.

Пулеметная тачанка вошла в историю как оружие Первой конной армии. В реальности это Нестор Иванович Махно посадил своих бойцов на тачанки. И создал мобильную пехоту, которая успешно противостояла регулярным вооруженным силам — и белым, и красным.

Тачанка — это немецкие рессорные четырехместные дрожки. Махно реквизирует их у немецких колонистов. Вместе с хорошими лошадьми. Нестор Иванович с нескрываемым удовольствием вспоминал, как умело использовал этот вид оружия массового поражения.

Антонов-Овсеенко писал о Махно: «Убежденный анархист, лично честный парень, за спиной которого совершалась всякая пакость. Он мог

быть великолепно использован нами, если бы имели недостающий нам аппарат».

А вот другое впечатление — человека не военной профессии, который наблюдал Махно вблизи: «Все человеческие чувства давно в нем заглохли. Его не тронут ни слезы женщин, — а к ним он падок, — ни плач детей, ни клятвы мужчин... Никто не смеет, не может быть грознее, — что значит и жесточе, чем он, — батька Махно».

Махно назначил себя председателем Реввоенсовета Революционной повстанческой армии. И в октябре 1919 года вновь взял Екатеринослав. Причем опять-таки ловкостью. Переодетые махновцы въехали в город на подводах, которые везли продовольствие на рынок. И только тут неожиданно взялись за оружие.

«Эта осень была самой ужасной для Екатеринослава, — вспоминали горожане. — На город напали повстанцы Махно, начались грабежи и убийства. В руках махновцев город был неделю. Их вытеснила «дикая дивизия», то есть конница с Кавказа. Говорят, она согласилась сражаться при условии, что город будет отдан на разграбление. Три дня они свирепствовали в городе. К концу третьего дня Махно снова стал наступать. Он держал Екатеринослав целый месяц».

Махно располагал немалыми силами: 28 тысяч штыков и сабель, 50 орудий, 200 пулеметов и еще бронепоезд, захваченный у белых. Москве приходилось с ним считаться. Красные опять стали налаживать с ним отношения. Пытались отправить его войска на польский фронт против Юзефа Пилсудского. Махно отказался.

Тогда весной 1920 года Красная армия принялась его громить. «Большевики — мастера на измышление лжи и на всякие подлости против других», — злился Махно. Его люди призывали красноармейцев переходить на их сторону, распространяли свои листовки: «Если тебя твои комиссары гонят на нас, не стреляй, а присылай своих делегатов и узнавай, кто мы. А мы боремся за вольную жизнь без насильников-комиссаров и чекистов. Бросайте винтовки и переходите в братские объятия махновцев».

Подавить махновцев поручили председателю ВЧК Феликсу Дзержинскому. Выяснилось, что противостоять на поле боя вооруженному и умелому противнику — не то, что руководить арестами. Повстанцы при подходе частей Красной армии прятали оружие и притворялись мирными крестьянами, а когда красноармейцы уходили, опять брались за оружие.

Феликс Эдмундович жаловался на нервное и физическое переутомление. Заботливые врачи предписали ему курс лечения.

Двадцать шестого июня 1920 года председатель ВЧК отчитывался

перед Лениным из Харькова:

«Дорогой Владимир Ильич!

Спешу ответить, что я не на даче, но усиленно лечусь водолечением. Врачи нашли только нервное переутомление, а всё остальное в полном порядке, в том числе и легкие.

С Махно мне не везет. С ним можно было скоро расправиться, имея конницу. У меня ее не было. Только теперь удастся мне сколотить полк из эскадронов, которые удалось выклянчить. Надеюсь через неделю пустить этот полк в действие».

«26 июля 1920 года, — записал в дневнике молодой писатель Исаак Бабель, в ту пору сотрудник газеты Первой конной армии «Красный кавалерист». — Украина в огне. Махно делает набеги в Екатеринославской и Полтавской губерниях. Появились новые банды, под Херсоном — восстание. Почему они восстают, короток коммунистический пиджак?»

И тут Махно опять понадобился — противостоять Врангелю. Большевики договорились с Махно о совместных действиях против белых. Взамен обещали:

«Первое. Немедленное освобождение и прекращение преследований всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

Второе. Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей без призыва к насильственному ниспровержению советского правительства».

Нестор Иванович лелеял идею самостоятельной крестьянской республики. Рассчитывал, что после победы над белыми советское правительство позволит ему провести на Украине социальный эксперимент: создать автономию на основах политического и экономического самоуправления.

Наивный человек. После победы над белыми он станет следующей целью.

Революционная повстанческая армия Украины присоединилась к красным. Она подчинялась командующему Южным фронтом Фрунзе, но сохраняла самостоятельность. Председатель Реввоенсовета Республики Лев Троцкий, который как убежденный государственник анархистов не любил, предупреждал: «Мы можем только приветствовать тот факт, что махновцы хотят отныне бороться не против нас, а вместе с нами против Врангеля. Но рабочий класс Украины не может допустить, чтобы отдельные отряды то сражались в наших рядах, то наносили удар нам в спину. Рабоче-крестьянская Красная армия говорит: «Кто не со мной, тот против меня, а

кто со мною, тот становится в мои ряды и не покидает их до конца».

Нестор Махно, раздраженный разговорами о том, что он будто бы раскаялся и признал советскую власть, ответил большевикам через газету «Путь к свободе».

«Как мы понимаем мирное соглашение? Никакого идейного контакта и сотрудничества с Советской властью или ее признания не могло и не может быть. Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков. Мы никогда не признавали никакую власть. Не следует спутывать, злостно или по непониманию, военный контакт, являющийся следствием грозящей революции опасности, с признанием Советской власти, чего не могло быть и не будет».

Позиции были непримиримы, компромисс — невозможен. Решающее столкновение — только вопрос времени...

Долгое время преувеличивались силы белых, оборонявших Крым.

В военной истории утвердилось представление о том, что построенные под руководством французских и английских инженеров укрепления превратили Перекоп в неприступную крепость и при штурме Красная армия несла огромные потери. Это не так, пишет Константин Колонтаев, научный сотрудник Музея героической обороны и освобождения Севастополя.

Укрепления строили военные инженеры белой армии под руководством коменданта Севастопольской крепости генерал-майора Владимира Федоровича Субботина. Но строительство шло медленно, потому что крестьяне работать не хотели, рабочих рук не хватало, а строительные материалы разворовывались. Строительство началось летом 1919 года, а осенью уже прекратилось, потому что ждали, что белые вот-вот возьмут Москву.

С декабря 1919 года работы возобновились, но не были завершены. Что успели? Воздвигли земляной вал высотой от шести до десяти метров, перед ним выкопали ров глубиной восемь-десять метров. Перед рвом отрыли линию окопов и установили провололочные заграждения в четыре ряда. За валом разместилась артиллерия.

Крымская газета «Вечернее слово» писала: «Красные в ближайшие дни попытаются штурмовать перекопские позиции. Пусть себе лезут и разбивают головы о перекопские твердыни. Перекопа им не видать».

Но о том, что ров можно обойти через Сиваш (Гнилое море) — систему мелких заливов, отделяющих Крым от большой земли, белые генералы почему-то не подумали, хотя именно так поступали русские войска, когда в XVIII веке воевали с Турцией.

В ночь на 8 ноября части 15-й стрелковой дивизии 6-й армии обошли Перекопский вал. Они вырвали колья проволочных заграждений, и в прорыв вошли части 52-й дивизии. Бойцы бросались в стылую и вязкую грязь Гнилого моря. Белые и предположить не могли, что войска Фрунзе преодолеют это ледяное болото. К концу дня красные заняли Литовский полуостров и оказались в тылу белых. Вместе с красноармейцами Сиваш форсировали кавалеристы Махно, которые именовались Крымской группой войск Революционной повстанческой армии, под командованием Семена Никитича Каретника. Армия Врангеля была обречена.

А тем временем 51-я дивизия под командованием будущего маршала Блюхера безуспешно штурмовала позиции белых в лоб. Артиллерия красных была настолько изношена, что снаряды не попадали в цель и не могли даже разрушить проволочные заграждения. Наступавшие красноармейцы попали под губительный пулеметный огонь. Только с третьей попытки бойцам 51-й дивизии удалось ворваться в линию окопов.

В ночь на 9 ноября, боясь окружения, белые стали отходить. Иначе говоря, интенсивные бои продолжались сутки. Потери 6-й армии, по донесению ее командующего Августа Корка, составили 650 человек убитыми и около пяти тысяч ранеными. В сравнении с другими кровопролитными битвами Гражданской войны взятие Крыма далось относительно легко.

Махновцы отличились еще раз. 2-я конная армия рапортовала: мы в Крыму! Командовал ею Филипп Кузьмич Миронов, признанный вождь казачества, он был самородком, талантливым военачальником. Его армия освободила Симферополь. Первая конная Буденного отстала от войск Миронова на сутки и появилась в районе Симферополя, когда белые уже эвакуировались с полуострова...

Но радость оказалась преждевременной. Красных кавалеристов контратаковал конный корпус генерал-лейтенанта Ивана Гавриловича Барбовича. Момент был ответственный, вспоминал командующий 2-й армией Филипп Миронов: «Чтобы сломить упорство врага на перешейках между соленым озером Красное, Сивашем и озером Круглое, была брошена на тачанках Повстанческая армия Махно. Заметив быстро несущиеся сотни тачанок, поднявших огромные облака пыли у южной конечности соленого озера Красное, противник точно по команде прекратил бешеную трескотню пулеметов и винтовок. И начал быстрый отход».

Когда Красная армия прорвала линию обороны, в Крыму никто в это не поверил. Пребывали в уверенности, что укрепления неприступны. Но 10 ноября сопротивление белых практически прекратилось.

Одиннадцатого ноября Фрунзе по радио предложил Врангелю сложить оружие. Обещал амнистию всем, кто прекратит сопротивление. Ленин остался недоволен инициативой Фрунзе: «Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий... Если противник не примет этих условий, то, помоему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно».

О ленинском недовольстве командование белой армии, разумеется, не знало, но жестокость расправы предвидело. Поэтому Врангель принял решение эвакуировать армию, хотя судьба покидающих родину не внушала оптимизма.

Тогда же, 11 ноября, появилось правительственное сообщение: «Ввиду объявления эвакуации для желающих офицеров и их семейств, других служащих, Правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают приезжающих из пределов России.

Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем.

Всё это заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, — остаться в Крыму».

Врангель приказал войскам оторваться от противника и двигаться к портам — погрузка на корабли шла в Севастополе, Евпатории, Ялте, Феодосии, Керчи. Командование белой армии мобилизовало весь флот для вывоза не только военнослужащих, но и пожелавшего уехать гражданского населения. Военное имущество армия бросала, коней выпускала на волю.

Французский адмирал Дюмениль, обеспечивавший эвакуацию, направил советским властям радиogramму: «По приказу главнокомандующего все войска Русской Армии на юге России и гражданское население, желающие уехать вместе с ним из Крыма, могут уезжать...

Я дал указание всем кораблям, находящимся под моей властью, оказать помощь в эвакуации и предлагаю вам дать немедленный приказ вашим войскам, чтобы они не мешали вооруженной силой проведению погрузки на суда.

Я сам не имею никакого намерения разрушать какое бы то ни было русское заведение, однако информирую вас, что если хотя бы один из моих кораблей подвергнется нападению, я оставлю за собой право использовать

репрессивные меры и подвергнуть бомбардировке либо Севастополь, либо другой населенный пункт на Черном море».

Военный историк Владимир Георгиевич Кикнадзе пишет, что Управление связи Красной армии по вопросам радиослежения за судами и работой радиостанций противника зафиксировало «полное затишье» в работе полевых радиостанций белых в Крыму и «оживление» радиосвязи портовых радиостанций с кораблями и судами белого флота (Вопросы истории. 2007. № 5).

Пятнадцатого ноября Врангель с крейсера «Генерал Корнилов» радировал на транспорт «Саратов» генералу Кутепову: «Впредь до моего прибытия в Константинополь все войска и флот, находящиеся на рейде в Константинополе и проливах, подчиняются Вам».

Всем уже погрузившимся на борт предложили еще раз взвесить, действительно ли они хотят уехать. Самоходная баржа обошла все суда и решивших остаться забрала и доставила на пристань. Последние суда покинули Крым на рассвете 15 ноября 1920 года.

В 14.00 16 ноября начальник штаба флота радировал на «Генерал Корнилов» с вооруженного ледокола «Всадник»: «Все войска посажены на корабли и вышли в Керченский пролив. Посадка закончена. В городе не осталось ни одного солдата, все раненые увезены. Противника нет. Угля хватит всему отряду».

Шестнадцатого ноября командующий французской легкой эскадрой контр-адмирал Дюмениль с крейсера «Вальдек Руссо» радировал командующему флотом контр-адмиралу Михаилу Александровичу Кедрову: «Я отдал приказание Константинополю. Все мои корабли сопровождают в дороге транспорты, идущие из Крыма, чтобы в случае нужды оказать им помощь. «Алжир» сопровождает «Корнилова».

Дюмениль обратился и к Врангелю: «Обязанный немедленно вернуться в Париж, я обращаюсь к Вам с почтительным приветствием и желаю счастливого пути до Константинополя. Я счастлив, что эвакуация Крыма так благополучно закончилась. Я дал приказ «Алжиру» сопровождать «Корнилова» и служить Вашим эскортом до Константинополя».

Когда армия Врангеля ушла, полуостров оказался в полной власти большевиков, и началось массовое уничтожение белых офицеров, которые не смогли покинуть родину. Эвакуировались из Крыма 145 693 человека. Остались: 2009 офицеров и 52 687 рядовых солдат белой армии. А также много гражданских лиц, связанных с белой властью. Сколько из них было уничтожено, установить так и не удалось...

Михаила Васильевича Фрунзе, а также назначенную секретарем Крымского обкома Розалию Землячку и члена Реввоенсовета Южного фронта Белу Куна будут обвинять в беспримерной жестокости. Но расстрел врангелевских офицеров — идея Сталина. Еще до взятия Крыма он информировал Троцкого: «Приказ о поголовном истреблении врангелевского комсостава намереваемся издать и распространить в момент нашего общего наступления». Свое обещание Сталин выполнил.

Известный писатель Викентий Викентьевич Вересаев вспоминал: «Когда после Перекопа красные овладели Крымом, было объявлено во всеобщее сведение, что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба кончена, предоставляется белым на выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться с Советской властью.

Мне редко приходилось видеть такое чувство всеобщего облегчения, как после этого объявления: молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками... давно уже тяготилось своей ролью и с отчаянием чувствовало, что пошло по ложной дороге, но что выхода на другую дорогу ему нет. И вот вдруг этот выход открывался, выход к честной работе в родной стране.

Вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось, что те, кто на регистрацию не явится, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на регистрацию. И началась бессмысленная кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей».

Семнадцатого ноября 1920 года председатель Крымского ревкома Бела Кун и управляющий делами ревкома Яковлев подписали приказ № 4: «Все офицеры, чиновники военного времени, солдаты, работники в учреждениях Добрармии обязаны явиться для регистрации в 3-дневный срок. Неявившиеся будут рассматриваться как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всем строгостям законов военного времени».

Одних отпускали, других отправляли в концлагерь, третьих расстреливали. Занимался этим начальник особого отдела Южного фронта Ефим Григорьевич Евдокимов. Его представили к награждению орденом Красного Знамени: «Во время разгрома армии генерала Врангеля в Крыму тов. Евдокимов с экспедицией очистил Крымский полуостров от оставшихся там для подполья белых офицеров и контрразведчиков, изъяв до 30 губернаторов, 50 генералов, более 300 полковников, столько же контрразведчиков и в общем до 12 000 белого элемента, чем предупредил

возможность появления в Крыму белых банд».

На представлении к награде Фрунзе приписал: «Считаю деятельность тов. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно».

Фрунзе виноват в том, что допустил эту бойню. Но он не был ни ее инициатором, ни организатором. Он вообще не был ни жестоким, ни фанатичным. Напротив, даже в годы революции и войны он оставался весьма чувствительным человеком. Летом 1917 года он подарил близкому человеку свою фотокарточку с надписью в стихах:

*Быть свободным, несвязанным,
Как движенье мечты, —
Никогда не рассказанным
До последней черты.*

Николай Иванович Бухарин писал: «Этот железный полководец, перед которым трепетали враги, обладал душой исключительно нежной и мягкостью поистине изумительной. Благородный характер, открытый и прямой...»

Федор Иванович Шаляпин рассказывал, как он впервые увидел Фрунзе и других известных военачальников — в поезде Буденного, стоявшем на запасном пути Киеве ко-Воронежской железной дороги: «В Буденном, знаменитом кавалерийском генерале, приковали мое внимание сосредоточенные этакие усы, как будто вылитые, скованные из железа, и совсем простое со скулами солдатское лицо. Видно было, что это как раз тот самый российский вояка, которого не устрашает ничто и никто, который если и думает о смерти, то всегда о чужой, но никогда о своей собственной.

Ярким контрастом Буденному служил присутствовавший в вагоне Клим Ворошилов: добродушный, как будто слепленный из теста, рыхловатый. Если он бывший рабочий, то это был рабочий незаурядный, передовой и интеллигентный. Меня в его пользу подкупало крепкое, сверхсердечное пожатие руки при встрече и затем приятное напоминание, что до революции он приходил ко мне по поручению рабочих просить моего участия в концерте в пользу их больничных касс. Заявив себя моим поклонником, Ворошилов с улыбкой признался, что он также выпрашивал у меня контрмарки.

Я знал, что у Буденного я встречу еще одного военачальника, Фрунзе, про которого мне рассказывали, что при царском режиме он во время одной рабочей забастовки, где-то в Харькове, с колена расстреливал полицейских. Этим Фрунзе был в партии знаменит...

Я думал, что встречу человека с низким лбом, взъерошенными волосами, сросшимися бровями и с узко поставленными глазами. Так рисовался мне человек, с колена стреляющий в городских. А встретил я в лице Фрунзе человека с мягкой русой бородкой и весьма романтическим лицом, горячо вступающего в спор, но в корне очень добродушного...

Вагон второго класса, превращенный в комнату, был прост, как жилище простого фельдфебеля. Была, конечно, «собрана» водка и закуска, но и это было чрезвычайно просто, опять-таки как за столом какого-нибудь фельдфебеля. Какая-то женщина, одетая по-деревенски, кажется, это была супруга Буденного, приносила на стол что-то такое: может быть, селедку с картошкой, а может быть, курицу жареную — не помню, так как это было всё равно. И простой наш фельдфебельский пир начался.

Пили водку, закусывали и пели песни — все вместе. Меня просили запевать, а затем и спеть. Была спета мною «Дубинушка», «Как по ельничку да по березничку», «Снеги белые пушисты». Меня слушали, но особенных переживаний я не заметил. Это было не так, как когда-то, в ранней молодости моей, в Баку. Я пел эти самые песни в подвальном трактире, и слушали меня тогда какие-то беглые каторжники — те подпевали и плакали...»

«За труды по ликвидации врангелевского фронта» Михаила Васильевича Фрунзе наградили чайным серебряным сервизом и 25 ноября Почетным революционным оружием. Эта награда — «за особые боевые отличия» — предназначалась высшему начальствующему составу (утверждена решением ВЦИКа 8 апреля 1920 года).

Приказом Реввоенсовета Республики Фрунзе причислили к Генеральному штабу, отмечая его «крупные природные военные дарования». Это была унаследованная от царской армии традиция — к Генштабу причисляли окончивших Николаевскую академию Генерального штаба по первому разряду. В Красной армии в 1920 году Генерального штаба не было, но лестное для высших военных отличие сохранялось.

Нестору Ивановичу Махно орден не достался. Взятием Крыма сотрудничество с ним закончилось. Нестора Ивановича терпели, пока он был нужен. Теперь антимахновские настроения взяли верх. Фрунзе разделался со своими союзниками-махновцами, хотя они выполнили все свои обязательства.

Двадцать третьего ноября командование Южного фронта потребовало, чтобы Махно окончательно влился в Красную армию: «Немедленно приступить к превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения». 24 ноября командование фронта предписало все повстанческие войска переподчинить 4-й Красной армии, а органы управления в Гуляйполе расформировать.

Нестор Иванович отказался подчиниться. 24 ноября его верного помощника командарма Повстанческой армии Семена Каретника, с которым только что вместе сокрушали Врангеля, вызвали в штаб Фрунзе, арестовали и расстреляли.

Двадцать шестого ноября Махно и его отряды были объявлены врагами республики и революции. Командирам частей предписывалось разоружить отряды Махно, в случае сопротивления — уничтожить. Теперь у него не было никаких шансов.

Повстанцы попали в окружение. Пехоту уничтожили полностью, часть конницы под командованием Махно вырвалась из кольца. Много позже маршал Андрей Иванович Еременко, лежа в госпитале, записал в дневнике впечатления от только что увиденного фильма «Александр Пархоменко» — о начальнике дивизии в Первой конной армии: «Показана глубокая зима во время последнего сражения, а на самом деле было очень тепло и грязно от дождей: в отдельные дни стоял густой туман, благодаря которому Пархоменко и попал под удар махновцев. Причем этот бой с махновцами в районе Зеленый Рог и Вузовка был весьма кровопролитный. С нашей стороны участвовало десять кавалерийских полков. Нашей 1-й кавалерийской бригадой было захвачено 160 станковых пулеметов с тачанками и карета самого «батьки» Махно...

Ложь в том, что показано, как Махно отсиживался в лесу длительное время. Если бы Махно не две-три недели сидел на месте в лесу, а даже два-три дня, то и тогда он был бы окружен и уничтожен. В том-то и дело, что он непрерывно находился в движении, а это создавало трудности для борьбы с ним».

С остатками повстанческой армии Нестор Иванович пытался удержаться в родном Гуляйполе, но долго сопротивляться Красной армии не мог. Какое-то время Нестор Махно прятался на Украине. 26 августа 1921 года, спасаясь от преследователей, перешел Днестр и сдался румынским властям.

Остаток жизни он провел в эмиграции — в скудости, болезнях и забвении.

Через много лет после его смерти среди европейской молодежи

обнаружилось множество поклонников Махно; их завораживал его бунтарский авангардизм. Им нравилась его идея, что революция способна разгореться из одного-единственного очага вооруженной борьбы, который нужно вовремя разжечь.

Идеи Махно вдохновляли пылкие сердца молодых анархистов, готовых до конца стоять за свои идеалы. А советскую власть преследовал страх перед крестьянскими восстаниями, гасить которые так же трудно, как тушить загоревшийся торф: только залили пожар в одном месте, огонь полыхнул в другом!.. И не отпускали пугающие воспоминания о неуловимой армии Махно.

Один историк иронически заметил: это правда, что анархия — мать порядка. Если люди долгое время вынужденно живут в ситуации анархии, они сделают всё, чтобы вернуть порядок. Так и произошло. Насмерть перепуганное анархией Гражданской войны, символом которой стал Нестор Иванович Махно, наше общество выбрало самый жесткий режим из всех возможных.

«Я НИ НА ЧТО НЕ ПРЕТЕНДУЮ»

Третьего декабря 1920 года Фрунзе утвердили командующим войсками Украины, а в январе 1921 года еще и войсками Крыма. Теперь он подписывал свои приказы так: Командвойск Украины и Крыма или еще проще — Комвоенсилукр.

Фрунзе избрали делегатом X съезда партии. На утреннем заседании 8 марта 1921 года выбирали президиум съезда. Среди других предложили и кандидатуру Михаила Васильевича. Не все согласились.

Председательствующий объявил:

— Слово от имени Самарской организации имеет товарищ Милонов.

Секретарь Самарского губкома партии Юрий Константинович Милонов был крайне недоволен:

— Я уполномочен от Самарской организации заявить отвод кандидатуры товарища Фрунзе. Комиссия ВЦИК, которая была послана в Самару для выяснения ненормальностей в Самарском военном округе, открыла ряд злоупотреблений... Губернский комитет партии постановил передать этот материал в президиум ВЦИК и в ЦК партии. Мы, самарцы, думаем, что до тех пор, пока не установлено, имеет ли товарищ Фрунзе какое-нибудь прикосновение ко всем этим ненормальностям, его выставлять в президиум нецелесообразно.

Милонову резко возразил член ЦК и видный деятель Коминтерна Карл Радек:

— Партия посылала комиссию в совершенно другое место. Это была комиссия, которая должна была ликвидировать Врангеля. Насчет работ этой комиссии мы имеем ряд фактов. Во главе этой комиссии стоял товарищ Фрунзе не только как военный, но и как коммунист. На основании никем не проверенных фактов, имеют ли они отношение к Фрунзе или нет, выдвигать отвод одному из важнейших военных работников и великолепному коммунисту — я считаю недопустимым...

Большинство делегатов поддержали Фрунзе. Михаила Васильевича избрали членом ЦК партии, это было свидетельством его популярности в партийной среде и необходимым условием дальнейшей военной карьеры.

На X съезде партии весной 1921 года обсуждался вопрос о введении милиционной системы. Ее полезность обосновывал Николай Ильич Подвойский.

Среди большевиков Подвойский считался крупным военным

авторитетом. Исходя из марксистских догм, он пребывал в уверенности, что социалистической России нужно не регулярное профессиональное войско, а всенародная милиционная армия, которая в мирное время состоит только из учетного аппарата и немногочисленных кадров командного состава. Рядовой состав проходит военную подготовку на краткосрочных учебных сборах и подлежит призыву только в случае военных действий. Главное преимущество системы — рабочий не отрывается от созидательного труда, существование большой армии не подрывает экономики страны.

Разрабатывать эту систему Подвойскому помогали два военачальника, сразу перешедшие на сторону советской власти: герой Первой мировой войны, бывший главком русской армии, генерал от инфантерии Алексей Алексеевич Брусилов, а также бывший заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов, который руководил Военно-законодательным советом при Реввоенсовете.

Лозунг образования всенародной милиции полностью соответствовал марксистской теории. Но большинство военных, прошедших через Гражданскую войну, были категорически против. Они доказывали, что территориальная милиция не получит достаточной военной подготовки, отсутствие боеспособных частей не позволит надежно прикрыть границы, а в случае внезапной войны мобилизация окажется непозволительно долгой.

Мнение военных возобладало над заветами Маркса и Энгельса. X съезд партии предложение Подвойского отверг. В постановлении съезда по военному вопросу идею милиционной системы комплектования армии назвали «неправильной и практически опасной для настоящего момента». Красная армия в основе своей должна была остаться регулярной.

Тем не менее предусматривалась возможность формирования некоторых частей на милиционной основе. Это тоже не понравилось военным. Они нашли аргументы, способные произвести впечатление на руководителей партии и государства.

Десятого марта 1921 года Михаил Николаевич Тухачевский, недавний подчиненный Фрунзе и будущий маршал, а тогда командующий 7-й армией, брошенной на подавление Кронштадтского мятежа, обратился к Ленину с личным и секретным письмом:

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Я не могу не беспокоить Вас кое-какими соображениями относительно нашей вооруженной силы, имея в виду разрешение этого вопроса на X съезде.

Вопрос о милиционной системе пугает меня не только теоретически, но главным образом практически со всеми его последствиями.

Я лично считаю, что только коммунистическое общество позволит впервые после социалистической революции провести милиционную систему, оставляя вовсе в стороне вопрос о том, будет или не будет существовать «Коммунистическое общество в капиталистическом окружении».

И, конечно, на фактическое проведение милиционной системы никто у нас, кроме тов. Подвойского, не согласился бы, и потому, казалось бы, и беспокоиться не о чем. Но в том-то и вся беда, что приходится беспокоиться и волноваться.

Уступая милиционному параграфу программы, многие, например, тов. Смилга, допускают создание милиции в некоторых рабочих районах наряду с существованием Красной армии. Оставляя в стороне всю организационную непоследовательность и ненастойчивость такого решения, мне особенно странно и смешно слушать такие предложения сейчас при выполнении моей пренеприятной задачи в Петрограде.

Если бы дело сводилось к одному восстанию матросов, то оно было бы проще, но ведь осложняется оно хуже всего тем, что рабочие в Петрограде определенно не надежны. В Кронштадте рабочие присоединились к морякам. На Западном фронте я также видел неважное настроение рабочих.

Выборы большого числа меньшевиков в Смольненский городской Совет, забастовка в Клинцах и проч. С таким настроением рабочих придется считаться во всё время непоборенной разрухи и тяжелых усилий по хозяйственному строительству.

И если провести милицию в рабочем районе, даже в таком, как Петроградский, то никто не может гарантировать, что в тяжелую минуту рабочая милиция не выступит против Советской власти. По крайней мере сейчас я не могу взять из Петрограда бригады курсантов, так как иначе город с плохо настроенными рабочими было бы некому сдерживать.

Что касается подавления восстаний, то здесь, конечно, для нашей Красной армии громадная разница, бить ли матросов и кулаков или же рабочих.

А если бы рабочая милиция где-нибудь восстала против Советской власти? Вот потому меня и беспокоят эти фантазерства об экспериментах милиционной системы. Эти опыты никому не нужны, и их предлагают лишь из раболепства перед «милиционным параграфом».

Мне лично смешно, когда «милиционщики» рассчитывают на

соответствие своей системы с экономическим мирным строительством. Но такого строительства не будет. Мы всё время будем строить в военной обстановке. Из этого положения мы должны исходить. Мне кажется, что нам никакого дела нет до того, какая армия выгоднее в мирное время, так как такого времени у нас не будет.

Я очень извиняюсь за длинное изложение, но слишком меня волнуют все эти прожекты и эксперименты. Лучше держаться от этого греха подальше. Эти эксперименты могут при случае поставить нашу Красную армию против рабочей милиции, и тогда возможны всякие неустойки Красной армии и всяческие последствия.

Еще раз извиняюсь за беспокойство.

С коммунистическим приветом

Тухачевский».

Ленин, весьма встревоженный восстанием матросов и рабочих Кронштадта, вполне понимал и принимал доводы Тухачевского насчет того, как опасно давать оружие в руки рабочих. Но в отличие от будущего маршала, который верил в собственную армию, Ленин понимал, что в определенной ситуации и кадровые воинские части могут оказаться ненадежными. Можно ли, скажем, посылать Красную армию, сформированную из крестьянских сыновей, на подавление крестьянских восстаний?

Поэтому Ленин хотел иметь в своем распоряжении разные и не зависящие друг от друга силы — регулярную армию, Части особого назначения (ЧОН), войска ВЧК.

Но учитывая соображения Тухачевского и других военных, милиционные части договорились создавать лишь в крупных промышленных центрах на основе «испытанных в боях кадров полевых частей с очищением их от неустойчивых элементов».

На основе решения ЦК от 24 марта 1921 года в состав милиционных частей включили «здоровые элементы территориальных кадров Всевобуча» (Главное управление всеобщего военного обучения территориальных войск входило в состав Всероглавштаба) и Части особого назначения — это около ста тысяч человек. Части особого назначения формировали при партийных комитетах на основании постановления ЦК от 17 апреля 1919 года для борьбы с контрреволюцией и несения караульной службы на особо важных объектах. Они же использовались для подавления народных восстаний.

Еще 22 апреля 1918 года появился декрет ВЦИКа «Об обязательном обучении военному искусству», в соответствии с которым создавалась система военной подготовки боевых резервов Красной армии. В первую

очередь военную подготовку должна была пройти молодежь допризывного возраста (15–17 лет).

Шестнадцатого марта 1921 года за помощью к Фрунзе обратился его недавний подчиненный — бывший командующий 2-й конной армией Филипп Миронов:

«Михаил Васильевич!

Оклеветанный — сижу в Бутырской тюрьме. Прошу Вас принять участие во мне. Я был и останусь честным борцом социальной революции. Прошу во внимание к моим Крымским заслугам — принять участие. В нынешний тяжкий момент социальной революции — я нужен ей более чем когда-либо. Казачество и крестьянство при всяких условиях пойдут за мною, но не за Антоновым, Бакулиным и другими бандитами.

С коммунистическим приветом

Бывш. Командарм 2-й Конной Миронов».

Письмо пришло не скоро. Прочитав его, Фрунзе распорядился: «Секретно. Телеграфировать Цека РКП о проявлении внимания к Миронову ввиду его несомненных заслуг».

Конники, перешедшие в Гражданскую войну на сторону красных, оказались на вес золота. Среди них особенно популярен был Филипп Кузьмич Миронов. 12 января 1919 года председатель Реввоенсовета Лев Троцкий отправил ему приветственную телеграмму: «Вся Россия смотрит с ожиданием на Вас».

Филипп Миронов, признанный вождь казачества, самородок, талантливый военачальник, не признавал власти комиссаров, возражал против рассказывания. Кончилось это мятежом. Когда Миронов восстал против притеснения казаков, его арестовал Буденный. Семен Михайлович и его окружение воспользовались этим поводом, чтобы уничтожить опасного конкурента.

Столкнулись два человека, между которыми не было ничего общего. Филипп Миронов был скромным человеком, со своими принципами и убеждениями. Он действительно готов был жизнь положить за обездоленных казаков и крестьян. Он не позволял своим частям заниматься грабежами, что было характерно для Первой конной. И этим Филипп Кузьмич отличался от Буденного, циника и гуляки, озабоченного лишь собственной карьерой.

Буденный подписал приказ: «Миронова, объявленного Советским правительством вне закона, расстрелять».

Тут, как говорится в мемуарах самого Буденного, ночью внезапно приехал Троцкий, чтобы не позволить расстрелять Миронова перед строем:

— Принимаемые вами репрессии в отношении Миронова неправильны. Ваш приказ я отменяю и предлагаю: Миронова и остальных под конвоем отправить по железной дороге в Москву в распоряжение Реввоенсовета Республики.

«Я, — пишет Буденный, — пытался напомнить Троцкому, что Миронов объявлен Советским правительством вне закона и поэтому мы имели полное право расстрелять его без суда и следствия.

— Зачем вам заниматься Мироновым, — прервал меня Троцкий. — Ваше дело арестовать и отправить его. Пусть с ним разберутся те, кто объявил его вне закона».

Тогда председатель Реввоенсовета Республики спас Миронова. Поставил во главе 2-й конной армии, умело сражавшейся с Врангелем.

Шестого декабря 1920 года Фрунзе подписал приказ: «Расставаясь ныне с т. Мироновым, РВС Южфронта со своей стороны отмечает особые заслуги его в боях по уничтожению Врангеля и выражает ему от лица службы сердечную благодарность за доблесть и умелое руководство 2-й конной армией».

Помня боевые успехи Миронова, Фрунзе 30 июня телеграфировал в Москву, в ЦК партии: «Мною получено от арестованного бывш. Командарма 2-й Конной Миронова письмо с просьбой о его реабилитации. Ввиду исключительных заслуг Миронова, проявленных в борьбе с Врангелем, прошу Цека РКП о проявлении внимания к нему. Командвойск Украины и Крыма М. Фрунзе».

Но заступничество не помогло. У Миронова были слишком влиятельные враги. Его расстреляли. Только 15 ноября 1960 года Военная коллегия Верховного суда реабилитировала Филиппа Кузьмича. Но до конца своей жизни маршал Буденный не позволял сказать правды о Миронове, убийство которого открыло ему дорогу к славе и успеху.

Штаб Фрунзе находился в Харькове, который объявили столицей Советской Украины. Там обосновалось республиканское правительство. Подчиненные ему войска преобразовали в Украинский военный округ. Своим помощником Михаил Васильевич сделал Иону Эммануиловича Якира, одного из самых храбрых советских военачальников. Он получил орден Красного Знамени № 2.

Якир в январе 1918 года организовал красногвардейский отряд в Бессарабии. Летом его назначили комиссаром бригады, осенью членом Реввоенсовета 8-й армии. В 1919-м он возглавил 45-ю стрелковую дивизию. Якир отличился осенью 1919 года, выведя из окружения Южную группу войск 12-й армии, проделав четырехсоткилометровый путь по

тылам врага. Один год Якир проработал в центральном аппарате военного ведомства, возглавлял Управление военно-учебных заведений РККА. В 1925 году Фрунзе назначит его на свое место — командующим Украинским (с 1935-го — Киевским) округом. Иона Эммануилович оставался на этом посту, пока Сталин не приказал его уничтожить...

Главные противники большевиков на Украине — сторонники ее самостоятельности — были разгромлены. В ноябре 1920 года глава директории Украинской Народной Республики Симон Васильевич Петлюра и его отряды покинули Украину. Их преследовали наступающие красноармейские части:

— Даешь Украину! Смерть петлюровцам!

Остатки вооруженных сил Украинской Народной Республики отступили на территорию Польши, где были интернированы. Многие погибли от голода и болезней (возникла эпидемия тифа) в лагере для интернированных под Краковом. Вместе с армией Симона Петлюры Украину покинули около 40 тысяч человек.

«Он познал ошеломляющую славу, — писал о Петлюре его соратник. — Его приветствовали, как бога, люди, охваченные экстазом. Но массы бывают неблагодарными и в какой-то момент теряют веру в своего бога».

Москве казалось, что Петлюра опасен и в эмиграции. В июле 1921 года заместитель председателя ВЧК Иосиф Stanisлавович Уншлихт докладывал в ЦК партии: «Стремление Петлюры захватить Украину, а Савинкова — Белоруссию, как начало общего наступления на Россию, не ослабло. Первоначально их военный успех с одновременным восстанием кулацких элементов Украины и Белоруссии может быть сигналом нового открытого похода против нас Антанты».

В реальности Симон Петлюра превратился в никому не нужного эмигранта. Он пытался обосноваться в разных городах. В конце концов осел с семьей во Франции. 25 мая 1926 года Петлюра был убит в Париже — запоздалая месть за разбойное поведение его армии, за еврейские погромы. Прямо на улице в него стрелял Самуил Шварцбарт, тоже эмигрант. Пятнадцать его родственников погибли от рук петлюровцев.

В Харькове Фрунзе по партийной линии сделали членом политбюро ЦК КП(б), по советской ввели во Всеукраинский ЦИК. В 1922 году утвердили заместителем председателя Совнаркома Украины. Военная карьера Михаила Васильевича на этом могла бы и закончиться. Собственно, он никогда и не думал о себе как о профессиональном военном.

Ленина и Троцкого после окончания Гражданской войны армейские дела тоже мало интересовали. Всё их внимание сосредоточилось на

хозяйственных проблемах. Они проводили демобилизацию и спешили распустить красноармейцев по домам.

К концу 1920 года в Красной армии насчитывалось пять с половиной миллионов человек. 11 декабря 1920 года был издан первый приказ о демобилизации. А 5 апреля 1921 года Ленин написал Зиновьеву, что он прикинул: при нынешних темпах демобилизации (200 тысяч человек в месяц) сокращение армии затянется на полтора года:

«Явно невозможная вещь.

Вся суть в том, что военная бюрократия желает сделать «по-хорошему»: вези на железных дорогах!

А на железных дорогах и два года провозят.

«Пока» давай одежду, обувь, хлеб.

Надо в корне изменить: перестать давать что бы то ни было.

Ни хлеба, ни одежды, ни обуви.

Сказать красноармейцу: либо уходи сейчас пешком «без ничего». Либо жди год на $\frac{1}{8}$ фунта и без одежды, без обуви.

Тогда он уйдет сам и пешком».

Жестокое отношение к бывшим красноармейцам никого не смутило. На следующий день члены политбюро поддержали вождя: «Признать необходимым радикально изменить быстроту демобилизации. Для этого: не вести демобилизуемых по железным дорогам, а отпускать пешим хождением... Отменить правила и постановления о снабжении демобилизуемых одеждой, обувью и прочим. Задачей поставить, чтобы армия была доведена к осени до одного миллиона...»

Восьмого апреля политбюро вновь рассмотрело этот вопрос и поручило заместителю председателя Реввоенсовета Эфраиму Склянскому организовать исполнение партийного решения. Там были еще два пункта: «Поручить т. Склянскому разработать также вопрос о возможности омоложения армии, т. е. привлечения 18-летних... Обсудить вопрос о том, как обеспечить состав армии преимущественно из населения неземледельческих губерний (мотив — неразрушение сельского хозяйства)».

Двенадцатого апреля Склянский доложил политбюро о принимаемых мерах. Политбюро поручило ему внести предложения в Совет труда и обороны (СТО, правительственный орган, ведавший военными делами). 13 апреля СТО принял решение о сокращении армии, о демобилизации военнотружущих 1892–1896 годов рождения и о сохранении обмундирования за красноармейцами, уволенными в бессрочный отпуск. К

октябрю 1922 года армия сократилась до 800 тысяч человек. Но и эта цифра оказалась слишком большой, поэтому к 1 октября 1924 года решили сократить еще на 200 с лишним тысяч.

В Москве думали о том, как использовать вооруженные силы в восстановлении экономики. В 1920–1922 годах существовали трудовые армии — формирования Красной армии, которые использовались в народном хозяйстве. Они в военном отношении подчинялись Реввоенсовету, в хозяйственном отношении — Совету рабочей и крестьянской обороны (с апреля 1920 года — Совету труда и обороны). Ленин вообще считал, что армия должна способствовать развитию сельского хозяйства, особенно путем разведения свиней и кроликов. Но 30 декабря 1921 года Совет труда и обороны распорядился расформировать трудовые армии — в связи с введением новой экономической политики.

В феврале 1921 года Фрунзе возглавил украинскую комиссию по топливу и продовольствию. Подчиненные ему войска заготавливали дрова и фураж. Летом Михаила Васильевича назначили уполномоченным Совета труда и обороны по вывозу соли, которой не хватало по всей стране. Ленин писал ему: «Главное — соль. Всё забрать, обставить тройным кордоном войска все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть... Вы — главком соли. Вы отвечаете за всё».

Двадцать восьмого февраля 1921 года на заседании политбюро рассматривался вопрос о топливном положении в стране. Постановили: «Вызвать немедленно в Москву гг. Пятакова и Фрунзе для переговоров с ними с целью выяснить возможность поставить одного из них во главе всего топливного дела в республике».

Так что Фрунзе вполне мог пойти по хозяйственной части. Тогда бы он не стал военным министром. Но наладить топливные дела взялся киевский большевик Георгий Леонидович Пятаков, он и стал начальником Главного управления топливной промышленности в Высшем совете народного хозяйства.

А Фрунзе в конце 1921 года доверили важную дипломатическую миссию в Турцию.

В Первой мировой войне Османская империя воевала на стороне Германии, потерпевшей поражение. Победители, то есть Антанта, в августе 1920 года заставили разгромленную империю подписать Севрский договор.

Державы-победительницы считали, что итогом Первой мировой войны должно стать предоставление независимости народам, томившимся под чужим игом. Это произошло и в Европе, и на Ближнем Востоке. Османская империя распалась, и благодаря этому появились такие

арабские страны, как Ирак, Сирия, Ливан. Решения, принимавшиеся державами-победительницами, конечно же, не были идеальными: сирийцы, например, получили свое государство, а курды, более многочисленный народ, чем палестинские арабы, — нет.

Победители делили обширное наследство Османской империи в соответствии с некими историческими реалиями. Границы проводились весьма условно, что породило в дальнейшем серьезные конфликты между соседями.

В 1919 году вспыхнула война между Турцией и Грецией.

Турецкая армия демонстрировала невиданную по тем временам жестокость. Еще в 1915–1923 годах погибло полтора миллиона армян. Турки сражались на стороне Германии. Армяне же душой были за Россию. Турки стали сгонять армян с мест под тем предлогом, что они могут выступить против Турции на стороне России. Эта операция быстро превратилась в массовую резню. Мужчин убивали, женщин и детей гнали в пустыню, которая теперь находится на севере Сирии. Там они погибали от рук бандитов или турецких жандармов. Турция тогда придумала новаторский способ убивать — в подземную камеру, заполненную заключенными, турецкие полицейские нагнетали дым, чтобы люди задохнулись. Армянский народ был брошен на произвол судьбы. Никто за него не вступился, все были заняты своими делами...

Плохо оснащенная греческая армия не могла противостоять туркам, во главе которых стоял Гази Мустафа Кемаль. Греки были выбиты из Малой Азии, которая принадлежала им две с половиной тысячи лет. Десятки тысяч погибли, миллион греков стали беженцами.

Одержав военную победу, Мустафа Кемаль сверг султана Мехмеда VI. Год спустя Кемаль был избран президентом новой Турции и сразу же повел себя как настоящий диктатор. Он больше известен как Ататюрк, что по-турецки означает «Отец турок». Так его стали именовать «в знак беспрецедентного всенародного почитания и искренней любви».

Он открыл доступ Западу в турецкую экономику, сделал государство светским, покончил с традиционным принижением женщин, отменил привилегии духовенства, арабский алфавит заменил латинским. Ататюрк добился уменьшения влияния ислама в общественной жизни. Но за этим не последовали реформы, которые привели бы к модернизации, как это было в Европе, где религия отделена от государства. Кемаль Ататюрк провел на развалинах Османской империи революцию сверху, он модернизировал города, оставив деревню практически без внимания. Это привело к расколу нации, к созданию двух культур — сельской, традиционалистской и

недоразвитой, и городской, модернизированной, развитой. Но мы забежали вперед.

Двадцать третьего апреля 1920 года в Анкаре Великое национальное собрание Турции сформировало правительство во главе с Ататюрком. Через три дня, 26 апреля, он отправил письмо влиятельному соседу — Владимиру Ильичу Ленину. Выражал солидарность с большевиками, соглашался с включением Азербайджана и Грузии в сферу влияния Советской России и просил военной и финансовой помощи.

— Мы установили официальную переписку с Советской республикой, — Ататюрк спешил предать гласности свою внешнюю политику. — Советская республика обещала оказать нам любую материальную помощь, в какой мы можем нуждаться. Она обещала нам стрелковое оружие, артиллерийские орудия и деньги.

Ататюрк хотел быть полезным Москве и легко отказался от Азербайджана, который во многом ориентировался на Турцию (Вопросы истории. 2010. № 11). А бакинская нефть имела огромное значение для большевиков. Сам Ататюрк говорил:

— 10-я и 11-я Красные армии в результате нашего целеуказания и нашего влияния легко прошли Северный Кавказ и пришли в Афганистан.

Судьба Турции была определена Севрским договором 10 августа 1920 года. Турция должна была, в частности, признать независимую Армению, а границу между Арменией и Турцией попросили провести третейского судью — президента Соединенных Штатов. Но Севрский договор был недолговечен. Против была не только Турция, но и Советская Россия, которая видела в другом изгое мировой политики — Турции — родственную душу.

Молодые турецкие генералы — не единственные мусульмане, искавшие союза с Советской Россией.

В 1552 году, когда Иван Грозный завоевал Казанское ханство, Россия обрела первых мусульманских подданных. С этого момента мусульманское население непрерывно возрастало. Советская Россия стала пятой в мире мусульманской державой.

В соборах Московского Кремля рядом с русскими царями погребены и татарские ханы. Рюриковичи заключали браки с детьми татарских ханов. Но российская власть с определенным недоверием относилась к своим мусульманским подданным. Мусульман не брали на дипломатическую службу. Не было ни одного мусульманина-посла, губернатора, вообще высокопоставленного чиновника.

На царскую службу зачисляли лишь принявших христианство. Только

татар призывали в русскую армию. В XIX веке некоторое время и башкиры подлежали призыву. Все остальные мусульмане Российской империи считались инородцами. При Николае II была сформирована Дикая дивизия — из дагестанцев, осетин, кабардинцев и текинских туркмен; офицеры в основном были русские.

После революции Москва стала Меккой радикальных мусульман, которые, не разбираясь в социализме, увидели в Советской России своего союзника. Началось отмирание колониального мира Западу. Многие мусульмане примкнули к красным, потому что им не нравилась белая идея единой и неделимой России. Считали, что большевики дадут им возможность строить свою жизнь так, как они хотят.

Когда Красная армия вошла в Баку, Россия и Турция обрели общую границу.

Советская Россия, враждовавшая с Антантой, поддержала Кемаля Ататюрка оружием и снаряжением. Ататюрк получил от Советской России шесть тысяч винтовок, пять миллионов патронов, 17 тысяч снарядов и 200 килограммов золота. В современной литературе утверждается, что сам план войны против Греции разрабатывался штабистами Фрунзе.

Шестнадцатого марта 1921 года Россия подписала с Турцией договор о дружбе и сотрудничестве, 13 октября на базе этого документа такой же договор заключили с Анкарой три закавказские республики (Азербайджан, Армения и Грузия). Украина тоже пожелала установить отношения с соседом. Дипломатическая миссия была поручена Фрунзе. С собой он вез миллион рублей золотом — помощь новому турецкому правительству.

Пятого ноября он вместе с делегацией отбыл из Харькова. Через Ростов, Баку и Тифлис добрались до Батума, здесь погрузились на пароход. Это была комфортная часть путешествия. А уже по турецкой территории путешествовали без особого удовольствия. Останавливались на постоянных дворах.

«Зашел в отведенный мне «номер», — описывал поездку Михаил Васильевич, — у наружной стены — нары, покрытые грязным войлоком, на полу — циновка из тростника, два окна с разбитыми стеклами — и всё... Холодно и сыро значительно больше, чем на улице. Поужинал жареной бараниной, напился очень скверного чаю и улегся спать. Ночь была не из особо веселых, так как мой «номер» помимо меня с моим спутником-красноармейцем был заселен изрядным количеством других живых существ, всюду сопутствующих несчастному человечеству».

Ехали верхом. На дороге валялись трупы убитых греков. Проехали через разоренную греческую деревню. Симпатии Фрунзе были на стороне

турок, но и ему стало не по себе от увиденного: «Двери и окна выбиты; около домов обломки разных предметов домашнего обихода, скелеты животных и людей. Слез с лошади, заглянул внутрь одного дома: та же картина разрушения, запустения и те же остовы трупов, покрытых тлеющими лохмотьями. Погода к вечеру разгулялась, тучи рассеялись, воздух свеж, кругом картина дивной красивой природы, а здесь — смерть, разложение и сплошной дикий ужас. На душе становится тяжело, хочется поскорее выбраться из этой огромной, страшной своей тишиной и безмолвием могилы, и мы пускаем лошадей карьером».

Потом сели на поезд — из трех вагончиков с крошечным паровозиком.

«Не прошло пятнадцати минут, как наш вагон стало мотать из стороны в сторону, а всё, что находилось в нем, включая и нас, полетело в разные концы, — продолжал описывать Фрунзе свое путешествие. — К счастью, паровоз останавливается, и мы благополучно выбираемся из вагона. Оказывается, соскочили с рельс. Нам повезло. Мы задержались как раз на самом крутом и опасном месте, на крутом обрыве, под которым внизу глубоко ревела и пенилась река. Наши сопровождающие сконфузились и, видимо, растерялись. Мы их утешили, как могли, и все дружно взялись за постановку состава на рельсы. Так как вагончики были небольшие, то это удалось без особых хлопот».

Михаил Васильевич выступал в турецком парламенте, пожелал победы Ататюрку, подписал межгосударственный договор. 5 января 1922 года делегация тронулась в обратный путь, на Украину. В порту Фрунзе встретил только что назначенного полпредом в Турции недавнего сослуживца — Семена Ивановича Аралова, бывшего офицера царской армии, а в годы Гражданской войны начальника оперативного отдела Реввоенсовета Республики. Михаил Васильевич сел на пароход «Феликс Дзержинский», который как раз доставил в Турцию полпреда.

В декабре 1925 года нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин подписал в Париже договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией. Ататюрк умер 10 ноября 1938 года от цирроза печени. После его смерти отношения двух стран ухудшились. В марте 1943 года «в связи с недружественной позицией Турции» Москва в одностороннем порядке денонсировала двусторонний договор...

Двадцать шестого декабря 1922 года Фрунзе в Москве выступал на X Всероссийском съезде Советов, который утверждал создание Союза Советских Социалистических Республик. Он сообщил, что VII Всеукраинский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов уже поддержал вступление республики в единое государство.

— Товарищи, для Украины этот союз, по существу, не является фактом, вносящим какие-либо глубокие серьезные изменения в те отношения, которые существовали между нами и Российской Социалистической Республикой до сих пор. Формально, с внешней стороны, мы утрачиваем лишь Народный комиссариат по иностранным делам. В остальном по существу всё по-старому остается. Но для нас, для рабочего класса и селянства Украины, дело заключается не в форме, а в существе. Самым важным является факт теснейшей связи, которая, несмотря на формальную самостоятельность наших республик, сливала трудящиеся массы Украины и России в единый могучий союз.

Он напомнил о том, что независимая Украина появилась на свет вынужденно — из-за необходимости мирных переговоров с немцами в Брест-Литовске. Большевикам пришлось признать отделение Украины, потому что это была часть общей договоренности с Германией.

Из Харькова Фрунзе писал старому сослуживцу Новицкому: «Дорогой Федор Федорович!

К сожалению, та толчея и сутолока, среди которой прошло мое последнее пребывание в Москве, не позволили мне увидеться с Вами и поговорить поподробнее. Во всяком случае, прошу иметь в виду, что я всегда тяжело чувствовал Ваше отсутствие в трудные минуты работы и особенно в настоящее время. При первой же для Вас возможности буду очень рад опять работать вместе.

Относительно слухов о переезде в Москву могу сказать только одно: никакие московские комбинации, даже если такие намечались, меня абсолютно не устраивают и не привлекают. Работы кабинетной, оторванной от непосредственной гущи жизни, я не люблю, а в Москве это будет неизбежно».

Михаил Васильевич лукавил. Он не возражал против переезда в столицу. Но на соответствующую должность.

В ПОЛИТИЧЕСКИХ БУРЯХ

Ленин прохладно относился к Фрунзе, и при жизни Владимира Ильича особых перспектив у Михаила Васильевича не было. Но всё изменилось после смерти Ленина, когда началась атака на Троцкого.

Михаил Васильевич держался в стороне от политической борьбы, но его вовлекли в эти интриги. Фрунзе сблизился с Григорием Евсеевичем Зиновьевым, который вошел в советскую историю жалким и презираемым человеком.

Никита Сергеевич Хрущев уже на пенсии вспоминал, как главный партийный идеолог Михаил Андреевич Суслов возражал против публикации повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь». Казакевич описал, как Ленин накануне Октябрьской революции укрывался от ареста в Разливе. Вместе с ним находился его верный сотрудник Зиновьев.

Но после многих лет сталинской фальсификации истории Суслов никак не мог примириться с тем, что имя Зиновьева упоминается рядом с именем вождя!

Хрущев рассказывал, что повесть Казакевича разослали всем членам президиума ЦК.

— Кто имеет какие-нибудь соображения? Почему эту книгу не следует печатать? — спросил первый секретарь ЦК.

— Ну, товарищ Хрущев, — Суслов вытянул шею, смотрит недоуменно, — как же можно напечатать эту книгу? У автора Зиновьев называет Ленина «товарищ Ленин», а Ленин называет Зиновьева «товарищ Зиновьев». Ведь Зиновьев — враг народа.

«Меня поразили его слова, — вспоминал Никита Сергеевич. — Разве можно извращать действительность и преподносить исторические факты не такими, какими они были на самом деле? Даже если мы отбросим то обстоятельство, что Зиновьев враг или не враг народа, то сам факт бесспорен: действительно, в шалаше находились вместе Ленин и Зиновьев. Как же они общались между собой? Как обсуждали текущие вопросы или хотя бы разговаривали за чаем в шалаше? Видимо, называли друг друга словом «товарищ». А я даже думаю, что Ленин обращался к Зиновьеву по имени — Григорий, ведь у них были тогда близкие товарищеские отношения. В первые месяцы после Февральской революции они придерживались по всем вопросам единого мнения...»

Не только в первые месяцы после революции, а и до самой смерти

Ленина Григорий Зиновьев входил в ближайшее окружение вождя и пользовался его полным расположением. Они вместе провели в эмиграции почти десять лет, дружили семьями, вместе вернулись в Россию в апреле 1917 года, вместе написали книгу «Против течения».

Зиновьев не согласился с Лениным, когда Владимир Ильич предложил силой свергнуть Временное правительство в октябре, но этот знаменитый эпизод не испортил их личные отношения.

В протоколе заседания ЦК записано: «О т. Зиновьеве еще раз подтверждена полная недопустимость отделения его от т. Ленина и подтверждено решение об организации заседания пленума с его участием».

Ленинская партия представляла меньшинство общества. Вот почему многие тогда считали, что большевики не имеют права единолично управлять страной. В феврале 1917 года численность партии большевиков составляла всего 24 тысячи человек — в стране со 150-миллионным населением. К апрелю — увеличилась до 150 тысяч. К ноябрю — до 240 тысяч. Несмотря на бурный — в десять раз! — рост всё равно это была крайне малочисленная партия для реального влияния на огромную страну.

Вот почему члены ЦК Григорий Евсеевич Зиновьев и Лев Борисович Каменев в октябре голосовали против захвата власти. Оставшись в меньшинстве при голосовании, они, как положено, оповестив ЦК, в отчаянии обратились с письмом к Московскому, Петроградскому комитетам и областному Финскому комитету партии. Они развернуто аргументировали, почему нельзя идти на вооруженное восстание.

Каменев опубликовал в газете «Новая жизнь», издававшейся Максимом Горьким, заметку, в которой говорилось: «Взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов было бы недопустимым, гибельным для дела революции и пролетариата шагом».

Впоследствии сталинские историки называли Зиновьева и Каменева предателями, уверяли, что они выдали план восстания. На самом деле в секрете ничего не держали. Процесс перехода власти к большевикам происходил постепенно. За десять дней до взятия Зимнего дворца, 15 октября 1917 года, «Петроградский листок» писал: «Вчера в цирке Модерн при полной, как говорится, аудитории прекрасная Коллонтай читала лекцию. «Что будет 20 октября?» — спросил кто-то из публики, и Коллонтай ответила: «Будет выступление. Будет свергнуто Временное Правительство. Будет вся власть передана Советам», то есть большевикам. Можно сказать спасибо г-же Коллонтай за своевременное предупреждение.

Третьего дня Луначарский клялся, что слухи о выступлении — злая провокация».

В тот момент возник вопрос об исключении Зиновьева и Каменева из состава Центрального комитета партии, Сталин возражал. В протокол занесли его слова: «Исключение из партии не рецепт, нужно сохранить единство партии; предлагает обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить их в ЦК». Он вступился за людей, которых потом унизит и уничтожит...

Зиновьев в те дни скрывался вместе с Лениным. А Каменев был вместе со всеми. В протоколе заседания ЦК от 24 октября (6 ноября) записано: «Тов. Каменев предлагает, чтобы сегодня без особого постановления ЦК ни один член ЦК не мог уйти из Смольного. Принято...

Тов. Троцкий предлагает устроить запасный штаб в Петропавловской крепости и назначить туда с этой целью одного члена ЦК. Тов. Каменев считает, то в случае разгрома Смольного надо иметь опорный пункт на «Авроре».

А ведь Зиновьев и Каменев были, пожалуй, недалеко от истины, когда в своем знаменитом заявлении писали: «Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! — ни то ни другое неверно.... В России за нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но всё остальное под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело теперь дойдет до выборов в Учредительное собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров».

Они считали, что надо делать ставку на Учредительное собрание и постепенное привлечение масс на свою сторону. Но Ленин не хотел ждать. И в своей логике был прав. Если бы Учредительное собрание, представляющее интересы всего народа России, приступило к работе, большевики лишились бы шанса захватить власть.

Зиновьев при Ленине стал одним из самых влиятельных людей в стране. Владимир Ильич сделал его членом политбюро и хозяином Петрограда и всего Северо-Запада. Кроме того, Ленин поставил Зиновьева во главе Третьего интернационала. В те годы эта должность имела особое значение. Российские коммунисты были всего лишь одной из секций Коминтерна, таким образом Зиновьев формально оказался руководителем всего мирового коммунистического движения.

При этом Зиновьев был человеком недалеким, бесхарактерным, напыщенным. В минуты опасности начинал паниковать.

Троцкий вспоминал: «Свердлов говорил мне: «Зиновьев — это

паника». А Свердлов знал людей. И действительно: в благоприятные периоды, когда, по выражению Ленина, «нечего было бояться», Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал. Начиная с семнадцатого года я мог убедиться, что средних настроений Зиновьев не знал: либо седьмое небо, либо диван».

Оказавшись у власти, Григорий Евсеевич вел себя очень жестоко. Максим Горький, пытавшийся защищать питерскую интеллигенцию от репрессий, ненавидел Зиновьева. Горький рассказывал писателю Корнею Ивановичу Чуковскому о заседании, в котором участвовал хозяин Ленинграда:

— Ну, потом — шуточки! Стали говорить, что в Зоологическом саду умерли детеныши носорога. И я спрашиваю: чем вы их кормить будете? Зиновьев отвечает: буржуями. И начали обсуждать вопрос: резать буржуев или нет? Серьезно вам говорю. Серьезно...

Сам Зиновьев вел себя по-барски, наслаждаясь всеми благами жизни в голодном и нищем городе.

Корней Чуковский записывал в дневнике: «24 ноября 1919. Вчера у Горького, на Кронверкском. У него Зиновьев. У подъезда меня поразил великолепный авто, на диване которого небрежно брошена роскошная медвежья полость... Зиновьев прошел — толстый, невысокого роста. Говорит сиплым и сытым голосом».

Федор Шаляпин вспоминал, как, устав от постоянных обысков и конфискаций, он решил обратиться к Зиновьеву: «Долго мне пришлось хлопотать о свидании в Смольном. Наконец я получил пропуски. Их было несколько. Между прочим, это была особенность нового режима. Дойти при большевиках до министра или генерал-губернатора было так же трудно, как при старом режиме получить свидание с каким-нибудь очень важным и опасным преступником. Надо было пройти через целую кучу бдительных надзирателей, патрулей и застав».

В 1923 и 1924 годах Сталин еще не воспринимался как единоличный лидер партии. В те годы особенно выделялся Зиновьев как председатель Исполкома Коминтерна. Его часто приглашали выступить перед различными аудиториями.

Леопольд Треппер, будущий знаменитый разведчик, слушал выступления Зиновьева, когда учился в Москве в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского.

«Зиновьев производил на меня странное впечатление, и это несомненно, потому что неизменно пламенные и вдохновенные речи никак

не соответствовали резкому и высокому голосу, который ему так и не удалось поставить. Никогда не забуду, как однажды, подчеркивая слова соответствующей жестикующей, он воскликнул:

— Я приникаю ухом к земле и слышу приближение революции, но боюсь, как бы социал-демократия не оказалась самой главной контрреволюционной силой».

Григорий Евсеевич Зиновьев не сознавал, что своим высоким положением обязан лишь особым отношениям с Лениным. Он считал, что вправе быть наследником вождя и что единственный его соперник — Троцкий. Ради уничтожения Троцкого Зиновьев заключил союз со Сталиным, наивно полагая, что Иосиф Виссарионович готов быть на вторых ролях.

Сталин, еще не уверенный в своих силах, вел себя осторожно и некоторое время не мешал Зиновьеву изображать из себя хозяина страны. На последнем при жизни Ленина партийном съезде, когда сам Владимир Ильич уже не мог выступать, политический доклад по поручению ЦК делал Зиновьев.

В январе 1924 года на XIII партконференции, обращаясь к новым вождям партии, едкий Давид Рязанов, директор Института Маркса и Энгельса, сказал:

— Как вы, друзья, ни садитесь, всё же в Ленины не годитесь. Пойте соло, запевайте дуэт, трио, квартет и квинтет, но вам не заменить Ленина.

Эти слова, как и призыв «Долой кандидатов в вожди!», из стенограммы изъяли. Зиновьев в душе полагал, что вполне способен заменить Владимира Ильича.

Сотрудник Коминтерна Виктор Серж (настоящее имя Виктор Львович Кибальчич, он из семьи известных революционеров) писал: «Зиновьев имел вид чрезвычайно самоуверенный. Тщательно выбритый, бледный, с несколько одутловатым лицом, густой курчавой шевелюрой и серо-голубыми глазами, он просто чувствовал себя на своем месте на вершине власти, будучи самым старым соратником Ленина в ЦК; однако от него исходило также ощущение дряблости и скрытой неуверенности...

На митингах на Петроградском фронте я видел, как молодые военные карьеристы в новых блестящих кожанках заставляли Зиновьева краснеть и в смущении опускать голову, откровенно подбрасывая ему глупейшую лесть.

— Мы победим, — кричал один из них, — потому что нами командует наш славный вождь товарищ Зиновьев!»

В июле 1923 года Зиновьев и Бухарин, редактор «Правды», кандидат в

члены политбюро и оргбюро ЦК, отдыхали в Кисловодске. Они были обеспокоены ростом влияния Сталина и придумали, как его нейтрализовать: упразднить оргбюро и избрать секретариат в составе Зиновьева, Сталина и Троцкого. Эта тройка и решала бы все организационные и кадровые вопросы.

Зиновьев и Бухарин пригласили в Кисловодск некоторых видных членов ЦК. Среди них были заместитель председателя Петросовета Григорий Еремеевич Евдокимов, крупный военный работник Михаил Михайлович Лашевич и командующий войсками Украинского военного округа Михаил Васильевич Фрунзе. Они поддержали идею передать всю власть тройке. Зиновьев телеграммой вызвал в Кисловодск и Климента Ворошилова, который находился недалеко, в Ростове, где располагался штаб Северо-Кавказского военного округа.

— Все участники совещания, — рассказывал впоследствии на XIV съезде Зиновьев, — понимали, что секретариат ЦК при Владимире Ильиче — это одно, а секретариат без Владимира Ильича — это совершенно другое. При Владимире Ильиче кто бы ни был секретарем, кто бы ни был в секретариате, всё равно играл бы ограниченную служебную роль. Это был организационный инструмент. Без Владимира Ильича стало всем ясно, что секретариат ЦК должен приобрести абсолютно решающее значение. Все думали, как сделать, чтобы мы имели известное равновесие сил и не наделали больших политических ошибок, выходя в первое наше большое политическое плавание.

Зиновьев подчеркнул:

— Товарищи были совершенно различных настроений, совершенно различных связей. Помню живо, что Ворошилов возражал, другие склонялись к этому. Было решено, что Серго Орджоникидзе должен поехать в Москву, и ему, как другу Сталина, поручили сказать, что вот были такие-то разговоры. Было, кажется, и письмо послано через него.

Орджоникидзе с места подтвердил:

— Через меня.

Первый секретарь Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе на правах старого друга взял на себя миссию переговорить со Сталиным и в конце июля поехал в Москву. Зиновьев и Бухарин написали короткую записку Сталину и Каменеву: «Серго расскажет Вам о мыслях, которые бродят в головах двух кисловодских обывателей. Само собой разумеется, что об этом нужно нам всем двадцать раз переговорить раньше, чем на что-нибудь решиться».

Пока Зиновьев и Бухарин, прогуливаясь, вели неспешный разговор о

том, как надо переустроить систему власти, оставшийся в Москве Сталин не намеревался делиться властью и решал все единолично. Ленин болел. Троцкий отсутствовал. Каменев в силу мягкости характера со Сталиным не спорил.

На Льва Каменева и обрушился с упреками Зиновьев — от своего и Бухарина имени:

«Дорогой Лев Борисович!

Позволь тебе сказать, что на этот раз мы совершенно всерьез и глубоко возмущены. В самом деле! Мы находимся здесь на лечении не без вашего согласия. Ты — в Москве. У тебя — не малое влияние. И ты позволяешь Сталину прямо издеваться. Факты? Примеры?

Изволь!»

Зиновьев и Бухарин привели целый список решений, принятых в Москве без консультации с ними: новые назначения, принципиально важные шаги во внешней политике.

Бухарина, редактора «Правды», особенно возмутила смена редколлегии газеты: «Что это, как не издевка? Что сказал бы Сталин, если во время его отпуска, не известив его и не посоветовавшись с ним, мы назначили бы новый секретариат ЦК или коллегия Наркомнаца?!»

В свою очередь Зиновьев, председатель Исполкома Коминтерна, был недоволен новыми директивами иностранным компартиям: «Владимир Ильич уделял добрую десятую часть времени Коминтерну, каждую неделю беседовал с нами об этом часами, знал международное движение как свои пять пальцев, и то никогда не отрезывал, не спросив двадцать раз всех. А Сталин пришел, увидел и разрешил! А мы с Бухариным — вроде «мертвых трупов» — нас и спрашивать нечего. Да и тебя, верно, не спросил и нашей телеграммы не показал.

Мы пишем телеграммой, что приедем на политбюро, бросив отпуск, если политбюро хочет заняться этим важным вопросом. Нас даже не удостоивают ответом».

В тот момент Зиновьев был настроен весьма решительно. Он называл действия Сталина диктатурой и пришел к выводу, что Ленин был прав в оценке Сталина («Письмо к съезду») и в предложении переместить его с поста генсека.

«Мы этого терпеть больше не будем, — писал Зиновьев Каменеву. — Если партии суждено пройти через полосу (вероятно, очень короткую) единодержавия Сталина — пусть будет так. Но прикрывать все эти свинства я, по крайней мере, не намерен.

Во всех платформах говорят о «тройке», считая, что и я в ней имею не

последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав. Либо будет найден серьезный выход, либо полоса борьбы неминуема. Ну, для тебя это не ново. Ты сам не раз говорил то же. Но что меня удивило — так это то, что Ворошилов, Фрунзе и Серго думают почти так же...»

Зиновьев глубоко ошибался. Положиться он мог только на Фрунзе. Клим Ворошилов и Серго Орджоникидзе были сталинскими людьми. Они могли, конечно, попасть под чье-то влияние, но одного сталинского слова было достаточно, чтобы они заняли нужную позицию.

— Я был на этом совещании, происходившем, между прочим, в пещере, — рассказывал Ворошилов, — заявил товарищам мое мнение, сказав, что из таких комбинаций, кроме вреда, кроме конфуза, ничего не получится. Самым решительным образом выступил против этого: «Я считал и считаю, что комбинация, искусственно склеенная, ничего не даст».

Сталин сразу сообразил, что его хотят лишить власти над партийным аппаратом, объяснил это Клименту Ефремовичу, и тот бросился защищать интересы генсека.

После того как Зиновьев рассказал о «пещерном» заседании, Ворошилов обратился в президиум съезда с письменным заявлением: «В целях восстановления истины должен заявить, что на указанном совещании в «пещере» было всего лишь пять человек, а именно: тт. Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Лашевич и я. Ни тов. Фрунзе, ни кого-либо другого из «ряда товарищей, совершенно различных по настроению», не было. Тов. Фрунзе был вызван из Железноводска, где он отдыхал, и приехал только на второй день после «пещерного» заседания. В день приезда тов. Фрунзе я уехал из Кисловодска и, насколько мне известно, второго заседания в «пещере» не было».

Характерно, что, обращаясь буквально на следующий день непосредственно к Сталину, только что бушевавший Зиновьев не решился высказать ему свои претензии.

Григорий Евсеевич робко заметил: «В очень ответственных делах хорошо бы, если дело терпит, советоваться... Вашего мнения по поводу разговора с Серго жду с нетерпением. Не примите и не истолкуйте это в дурную сторону. Обдумайте спокойно».

А Сталину и думать было нечего: с какой стати ему отказываться от практически единоличной власти в партии? Если секретариат ЦК будет состоять из трех человек — Зиновьева, Сталина и Троцкого, то Иосиф Виссарионович утратит все рычаги управления.

Сталин стал отговаривать от этой идеи мягкого и податливого Каменева и убедил его.

Орджоникидзе писал Ворошилову: «Предложение Зиновьева и Бухарина Коба считает как назначение политкомов и, конечно, соответственно и реагирует. Говорил я с Каменевым, он считает, что Зиновьев и Бухарин преувеличивают. Коба их предложение сделал достоянием Рудзутака и Куйбышева. Они решительно отвергают и хохоют...»

Удостоверившись в твердой поддержке своего окружения, Сталин ответил Бухарину и Зиновьеву. В его словах читается ясная угроза: «Не пойму, что именно я должен сделать, чтобы вы не ругались, и в чем, собственно, тут дело? Не думаю, чтобы интересы дела требовали маскировку. Было бы лучше, если бы прислали записочку, ясную, точную. А еще лучше, если переговорим при первой возможности.

Всё это, конечно, в том случае, если вы считаете в дальнейшем возможной дружную работу (ибо из беседы с Серго я стал понимать, что вы, видимо, не прочь подготовить разрыв, как нечто неизбежное). Если же не считаете ее возможной, — действуйте, как хотите, — должно быть, найдутся в России люди, которые оценят всё это и осудят виновных».

Написав такое жесткое письмо, генсек, не спешивший с окончательным разрывом, сделал приписку, желая снять напряжение и, может быть, свести всё к шутке: «Счастливые вы, однако, люди: имеете возможность измышлять на досуге всякие небылицы, обсуждать их и пр., а я тяну здесь лямку, как цепная собака, изнывая, причем я же оказываюсь «виноватым». Этак можно известить хоть кого. С жиру беситесь вы, друзья мои».

Зиновьев и Бухарин с тревогой восприняли раздраженный тон Сталина. Тут же написали генсеку: «При свидании переговорим и, разумеется, найдем удовлетворительное решение. Разговоры о «разрыве» — это же, конечно, от Вашей усталости. Об этом не может быть и речи».

В тот момент Зиновьев в попытке ограничить власть Сталина мог рассчитывать и на Каменева, и на Троцкого, и на авторитет Ленина. Таким образом, он мог получить в политбюро большинство голосов и исполнить ленинскую волю — убрать Иосифа Виссарионовича с поста генерального секретаря. Но Зиновьев еще больше, чем Сталина, не любил Троцкого и не хотел ни о чем с ним сговариваться. Кроме того, Григорию Евсеевичу не хватало качеств политического бойца.

Увидев, что Зиновьеву недостает решимости пойти до конца и настоять на своем, добиться того, чего он хочет, Сталин почувствовал себя

уверенно и заявил, что незачем ставить над ним никаких политкомиссаров.

Зиновьев, не желавший столкновения, ответил совсем уже в примирительном тоне: «Ильича нет. Секретариат ЦЕКА поэтому объективно (без злых желаний Ваших) начинает играть в ЦК ту же роль, что секретариат в любом Губкоме, то есть на деле (не формально) решает всё. Это факт, который отрицать нельзя. Никто не хочет ставить политкомов (Вы даже Оргбюро, Политбюро и Пленум зачисляете в Политкомы!).

Но действительное (а не фиктивное) существование «группы» и равноправное сотрудничество и ответственность при нынешнем режиме невозможны. Это факт. Вы поневоле (сами того не желая) ставили нас десятки раз перед совершившимися фактами. А положение (и с Троцким, и с разными «платформами») осложняется, и недовольство в партии растет (не смотрите на поверхность). Отсюда — поиски лучшей формы сотрудничества.

О «разрыве» зря говорить. Его партия не допустит. Мы его не хотим. Максимум — отойдем в сторонку. Другого ядра нет. И оно вполне справится, если Вы захотите. Без Вас его себе не мыслим.

Где Вы будете отдыхать? Мы скоро (к концу месяца) будем в Тифлисе. Если захотите, с удовольствием на день к Вам приедем.

Ни минуты не сомневаемся, что сговоримся».

Предложение Зиновьева не реализовалось. Оргбюро как главный кадровый орган сохранилось. В него ввели, правда, на короткий срок Бухарина, Зиновьева и Троцкого, но власть Сталина над аппаратом сохранилась. Приблизив к себе Фрунзе, Зиновьев сделал всё, чтобы Михаил Васильевич возглавил военное ведомство.

После Гражданской войны началось сокращение ассигнований на вооруженные силы. Первоначально оно было совершенно разумно, потому что быстрыми темпами шло сокращение армии. Но когда сокращение закончилось, военные ассигнования всё равно урезали и урезали.

В феврале 1924 года Реввоенсовет принял решение: «Поставить перед правительством вопрос о неизбежности в случае неассигнования необходимых сумм либо сокращения национальных формирований, либо сокращения армии».

Через две недели Реввоенсовет констатировал: «Ассигнования, произведенные на армию на февраль и март, ставят армию нынешней численности в совершенно тяжкое положение, еще более ухудшающее ее нынешнее положение».

Уже не на что стало кормить армию и проводить боевую учебу. Тем не менее сокращение военных расходов продолжалось. Предложенную

правительством смету расходов Реввоенсовет признал «совершенно неприемлемой и противоречащей интересам обороны». 17 августа 1924 года Реввоенсовет сообщил, что дальнейшее сокращение расходов требует новых сокращений армии. Результат предсказать несложно: «Армия такой численности, то есть ампутированная на треть, ни в коем случае не может отвечать задачам обороны, имея в виду реальные силы возможных врагов».

Беспристрастный анализ экономического и финансового положения страны показывает, что не было нужды доводить армию до такого положения. Всё это делалось только для того, чтобы подорвать позиции Троцкого, обвинить его в плохом управлении вооруженными силами и настроить против него Красную армию.

Как только Льва Давидовича уберут из армии, деньги найдутся. На январском 1925 года пленуме ЦК, который утвердит Фрунзе председателем Реввоенсовета, Михаил Васильевич попросит дополнительно выделить армии пять с половиной миллионов рублей. И пленум с этим согласится. Осенью 1925 года по просьбе Фрунзе будет принято решение повысить денежное содержание всему начальствующему составу Красной армии. В 1928-м на армию потратят уже вдвое больше, чем в 1924-м.

На январском 1924 года пленуме ЦК было решено образовать комиссию для проверки состояния Красной армии. В комиссию вошли новый секретарь ЦК Андрей Андреев, заведующий отделом ЦК Андрей Бубнов, командующий Северо-Кавказским округом Климент Ворошилов, первый секретарь Закавказского крайкома Серго Орджоникидзе, переведенный из ГПУ в Реввоенсовет Иосиф Уншлихт, член Реввоенсовета Михаил Фрунзе, член президиума ЦКК и нарком рабоче-крестьянской инспекции Николай Шверник...

Руководителем комиссии стал Сергей Иванович Гусев, которого после возвращения из Туркестана, где он боролся с басмачами и занимался объединением Туркестана, Хорезма и Бухары, сделали руководителем инспекции Центральной контрольной комиссии партии по армии и флоту. Гусев имел все основания ненавидеть Троцкого. В январе 1921 года Сергей Иванович был утвержден начальником Политического управления Реввоенсовета. Но Троцкий его с этой должности убрал, объяснив Ленину: «Я уже несколько раз говорил в Политбюро, что у нас фактически нет Пур'а. Это значит, что мы не можем как следует провести ни одной серьезной меры. Товарищ Гусев — устал, всегда опаздывает и запаздывает, не слушает, не проявляет никакой инициативы. Товарищу Гусеву нужен длительный отпуск».

Теперь Сергей Иванович получил возжеленную возможность

поквитаться. 3 февраля 1924 года пленум ЦК рассмотрел вопрос о ситуации в армии. Докладывал Гусев. Он опять обрушился на Троцкого за выдвижение военных специалистов:

— Во всех наших главных управлениях имеется засилье старых спецов, генералов... Реввоенсоветом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас выросли в годы Гражданской войны, которые после Гражданской войны обучались и которые способны теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы...

В постановлении записали: «Заслушав доклад комиссии и единогласно принятые ею резолюции, пленум ЦК констатирует наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих армии развалом».

Февральский пленум 1924 года поручил провести оздоровительную работу в армии. В Сухуми, где лечился Троцкий, поехала целая делегация — член политбюро Михаил Томский, член ЦК Георгий Пятаков, Михаил Фрунзе и Сергей Гусев. Им поручили согласовать с Львом Давидовичем кадровые перемены в Реввоенсовете Республики. По словам Троцкого, «это была чистейшая комедия». Всё было решено заранее.

К своему будущему сменщику он относился хорошо, продвигал по военной линии, хотя и подметил в нем одну слабость: «Фрунзе увлекали абстрактные схемы, он плохо разбирался в людях и легко поддавался влиянию специалистов, преимущественно второстепенных».

Первой жертвой чистки стал заместитель председателя Реввоенсовета Эфраим Маркович Склянский, верный помощник Троцкого на протяжении всей Гражданской войны.

Военному врачу Склянскому не было и 30 лет, когда он стал человеком номер два в военном ведомстве Советской России. Он окончил гимназию с золотой медалью и медицинский факультет Киевского университета в 1911 году. До призыва в армию работал в Киевском комитете РСДРП(б). Склянский служил в запасном батальоне, потом в 149-м пехотном Черноморском полку. После Февральской революции был одним из организаторов солдатского комитета в полку, потом в дивизии. Принимал активное участие в октябрьском вооруженном восстании.

Двадцать пятого октября 1917 года Склянский с отрядом красногвардейцев занял штаб Петроградского военного округа. Он был включен в состав коллегии Наркомата по военным и морским делам, возглавил Военно-хозяйственный совет и занимался организацией и

снабжением Красной армии. 23 ноября 1917 года его назначили заместителем наркома по военным делам, поручив ему общее руководство военным министерством.

Когда наркомом стал Троцкий, он сразу оценил организационные таланты своего заместителя. В марте 1918 года Склянского ввели в Высший военный совет, затем в РВС Республики. 26 октября он был утвержден заместителем председателя Реввоенсовета. Склянский, по словам Троцкого, отличался «деловитостью, усидчивостью, способностью оценивать людей и обстоятельства», то есть он был умелым администратором или, как сейчас бы сказали, менеджером.

Склянский вспоминал, как создавались советские вооруженные силы: «Действующая армия слагалась сначала из отдельных мелких отрядов, действующих на далеких окраинах. Армии, как таковой, в сущности, не было, и Народному комиссариату по военным делам приходилось руководить этими небольшими отрядами иной раз не выше роты, находящимися вдобавок вне пределов досягаемости».

Сергей Иванович Гусев, который приложил руку к отставке Склянского, и тот должен был признать на пленуме ЦК:

— Вы знаете, что сначала был Реввоенсовет, состоящий из огромного количества членов, которые фиктивно числились, а фактически руководил делом товарищ Склянский, который сидел в Москве.

«Склянский председательствовал в мое отсутствие в Реввоенсовете, — писал Троцкий, — руководил всей текущей работой комиссариата, то есть главным образом обслуживанием фронтов, наконец, представлял военное ведомство в Совете обороны, заседавшем под председательством Ленина... Он был всегда точен, неутомим, бдителен, всегда в курсе дела. Большинство приказов по военному ведомству исходило за подписью Склянского...»

Сохранилась обширная переписка Ленина со Склянским, который был для вождя главным источником информации о положении на фронтах и главным исполнителем ленинских приказов. На протяжении всей Гражданской войны практически всякий документ по военным делам Владимир Ильич переправлял Склянскому на отзыв.

Ленин очень высоко его ставил, почти всегда принимал предложения Склянского и говорил: «Прекрасный работник!» Сделал Склянского членом ВЦИКа и Совета обороны. Владимир Ильич ценил Эфраима Марковича и как постоянного партнера по шахматам, хотя обыкновенно ему проигрывал.

Сталин, ясное дело, ненавидел Склянского, который требовал от него

полного подчинения приказам Реввоенсовета. Через много лет, во время Великой Отечественной войны Сталин как-то беседовал с генералом Андреем Еременко и спросил:

— Склянского помните?

— Помню, — ответил Еременко.

— Так вот, будучи дважды наркомом, — сказал Сталин, — я в свое время подчинялся Склянскому — заместителю наркома...

Политбюро объяснило членам ЦК: «Сам тов. Троцкий в последние годы уделял армии совершенно недостаточно внимания. Основная работа в Реввоенсовете находится в руках тов. Склянского и группы беспартийных спецов, состоящей из главкома Каменева, Шапошникова и Лебедева... Когда нам стало ясно, что надвигается время, когда армия вновь будет решать судьбы Республики, мы естественно пришли к выводу, что нельзя вверять судьбу армии исключительно названной группе».

Троцкий высоко ценил Каменева, Шапошникова и Лебедева как военных профессионалов. Но Сталин и его группа по-прежнему не доверяли офицерам царской армии, хотя со временем Борис Михайлович Шапошников станет маршалом и начальником Генерального штаба.

Третьего марта 1924 года политбюро освободило Склянского от должности и назначило вместо него Фрунзе. Как лицемерно сказал на партийном съезде Зиновьев, «в помощь товарищу Троцкому». А в реальности ему на смену.

Одиннадцатого марта Фрунзе постановлением правительства был утвержден заместителем председателя Реввоенсовета СССР и заместителем наркома по военным и морским делам. Михаил Васильевич говорил на пленуме ЦК о своем предшественнике:

— Не хочу и не могу упрекать товарища Склянского в том, что он виноват в непринятии каких-либо мер. Сам он сделал всё, что было в его силах, для того, чтобы отстоять интересы армии в соответствующих инстанциях. Его работа протекала у меня на глазах, и я свидетельствую, что она выполнялась с должной энергией. Но беда в том, что он не имел достаточного партийного авторитета, благодаря чему все эти усилия сплошь и рядом не могли дать военному ведомству и Красной армии необходимых результатов.

После смерти Ленина Склянского стали считать человеком Троцкого, и потому его следовало убрать вне зависимости от того, полезно это или вредно для дела. Дзержинский, ценивший умелых работников, попросил перевести Склянского в Высший совет народного хозяйства, который ведал всей промышленностью страны.

Первого апреля Фрунзе по совместительству назначили начальником и комиссаром Штаба РККА. Помощниками Фрунзе в штабе стали будущие маршалы Борис Шапошников и Михаил Тухачевский.

Девятнадцатого апреля Фрунзе сделали еще и начальником Военной академии РККА. При академии появились Курсы усовершенствования высшего командного состава и Военно-политические академические курсы. Через эти курсы прошли большинство крупных советских военачальников. После смерти Фрунзе академии присвоили его имя.

Шестого мая Михаил Васильевич был награжден вторым орденом Красного Знамени. 2 июня на пленуме ЦК, созванном XIII съездом партии, Фрунзе избрали кандидатом в члены политбюро и кандидатом в члены оргбюро ЦК. Оставался всего один шаг до того, чтобы войти в состав высшего руководства страны.

Семнадцатого января 1925 года пленум ЦК постановил снять Троцкого с постов председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам: «Ввиду того, что руководство армией невозможно без полной поддержки этого руководства авторитетом всей партии; что без такой поддержки создается опасность подрыва железной дисциплины в армии; что конференция политработников, с одной стороны, и фракция РВС СССР — с другой, уже высказались за снятие Троцкого с военной работы... признать невозможным дальнейшую работу Троцкого в РВС СССР».

Вместо Льва Давидовича назначили Михаила Васильевича Фрунзе. На высшем военном посту ему было суждено пробыть меньше года.

Зиновьев, считая Фрунзе своим ставленником, полагал, что укрепил свои позиции, хотя заместителем Михаила Васильевича назначили преданного Сталину Ворошилова.

Климент Ефремович Ворошилов родился 4 февраля 1881 года в селе Верхнем Бахмутского уезда Екатеринославской губернии в рабочей семье. Его отец служил сторожем на железной дороге. Человек крайне своевольный, с тяжелым характером, он нигде подолгу не удерживался, уходил с работы, поэтому семья нередко голодала. Будущий военный министр с сестрой не раз просили подаяния. Клименту Ефремовичу пришлось работать с ранних лет — пасти скот, быть подручным в рудничных мастерских.

Мать хотела, чтобы Клим обучился грамоте и мог читать псалтырь и часослов. Он был певчим в церкви. Уже в советские времена после обильного застолья член политбюро и первый секретарь Ленинградского обкома Андрей Александрович Жданов садился за пианино, и Ворошилов

начинал:

— Да исправится молитва твоя...

Молотов и Сталин подхватывали.

В 12 лет Ворошилов пошел в земскую школу в селе Васильевском, где проучился два года. На этом его образование завершилось. Больше он никогда и ничему не учился. И не подозревал, что нуждается в продолжении образования.

В 15 лет начал работать на Юрьевском металлургическом заводе. В нем рано проснулась бунтарская натура. В 18 лет он уже устроил забастовку в чугунолитейном цехе. Его арестовали и уволили с работы. В 1903 году Ворошилов вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию. После раскола в рядах социал-демократов он практически сразу примкнул к большевикам. Ворошилов устроился в Луганске на паровозостроительный завод, где не столько трудился у станка, сколько занимался революционной пропагандой. В 1905 году, во время первой русской революции, он организовал на заводе забастовку. И попал в тюрьму.

Темпераментный, умеющий ладить с людьми, Ворошилов стал заметной фигурой среди подпольщиков и в рабочем движении. В первую русскую революцию его избрали председателем Луганского совета рабочих депутатов. В 1906 году он занимался доставкой оружия из Финляндии — под руководством Зиновьева. Ворошилов с гордостью рассказывал, что в распоряжении луганских большевиков была неплохая лаборатория, где в большом количестве делали бомбы.

После Февральской революции Климент Ефремович был избран председателем городского совета, городской думы и комитета партии в Луганске, где его хорошо знали. Затем перебрался в Питер. В январе 1918 года Ворошилов возглавил Чрезвычайную комиссию по охране Петрограда. Она разместилась в здании на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта; до революции там располагался санкт-петербургский градоначальник. После Ворошилова здесь обоснуется Феликс Эдмундович Дзержинский, возглавивший ВЧК.

В столице Ворошилов не задержался. Его командировали на Украину. В марте 1918 года он организовал 1-й Луганский социалистический отряд. Климент Ефремович намеревался сражаться с немецкими войсками и сторонниками независимости Украины. Вскоре Ворошилов стал именоваться командующим 5-й Украинской армии, но столкновения с немецкими войсками не выдержал. Его отряды стали поспешно уходить с Украины и вышли к Царицыну, куда приехал чрезвычайный

уполномоченный ВЦИКа по заготовке и вывозу хлеба с Северного Кавказа в промышленные районы Иосиф Виссарионович Сталин.

Они сблизились. Ворошилов был если и не слабовольным, то во всяком случае легко подчиняющимся чужой воле. И он охотно подчинился Сталину. Многие годы они были на «ты», называли друг друга по имени. Ворошилов держался со Сталиным на равных, и генсек не показывал своего превосходства, но неизменно заставлял Климента Ефремовича поступать так, как нужно было ему, Сталину.

Встречаясь с более сильными личностями, Ворошилов часто подпадал под их влияние. В 1920-е годы, когда в стране шла острая политическая борьба, некоторым политикам казалось, что они способны сделать Ворошилова своим союзником. Но они заблуждались. Он мог на короткое время увлечься какими-то идеями или каким-то человеком, однако Сталин всегда умел вернуть его на свою сторону.

Совершенно необразованный и бездарный в военном деле, Ворошилов был полностью обязан карьерой своему высокопоставленному другу. Сталин в Москве заботливо следил за продвижением Ворошилова по службе и в партийной иерархии. Климент Ефремович стал вернейшим и искренним его сторонником в борьбе против Троцкого.

Иосиф Виссарионович не упускал случая встретиться с одним из самых преданных союзников. 27 августа 1921 года он писал Ворошилову в Ростов, где находился штаб Северо-Кавказского округа:

«Ну, друг!

Числа 10 августа думаю двинуться в Ростов и далее в Москву. Хорошо было бы повидаться с тобой и поговорить о делах на Юго-Востоке. Если есть возможность, приготовь пудов десять хлеба для меня, если нет, конечно, не нужно.

Жму крепко руку.

Привет Буденному, Бубнову.

Твой Сталин».

После окончания Гражданской войны военная служба Ворошилову изрядно надоела. 2 ноября 1921 года Ворошилов по-дружески обратился к Сталину:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

В Москве я тебе уже говорил о моем намерении переменить свое «амплуа», а сейчас это решил твердо. Работа в Военведе мне уже опостылела, да и не в ней теперь центр тяжести. Полагаю, что буду полезней на гражданском поприще. От тебя ожидаю одобрения и дружеской поддержки перед ЦК о моем откомандировании. Хочется

поработать в Донбассе, куда и прошу ЦК меня направить. Работу возьму какую угодно и надеюсь снова встряхнуться, а то я здесь начал хиреть (духовно). Нужно и меня пожалеть.

Крепко обнимаю.

Твой Ворошилов».

Но Сталин не захотел расставаться с одним из своих главных союзников в армии, хотя тогда и не предполагал, что очень скоро сделает Климента Ефремовича военным министром.

В 1923 году Ворошилов вновь поставил вопрос об освобождении его от военной работы. В протоколе заседания политбюро № 15 зафиксирован вердикт: «В просьбе т. Ворошилова отказать».

В сентябре 1923 года на пленуме ЦК люди Сталина предложили ввести в Реввоенсовет Республики нескольких членов ЦК — для укрепления партийного влияния. Троцкий выступил против. Сталин попытался включить в Реввоенсовет хотя бы Климента Ефремовича «специально для наблюдения за военной промышленностью». Троцкий отверг и это предложение: как сможет Ворошилов заниматься промышленными делами, если он командует войсками Северо-Кавказского военного округа и постоянно находится в своем штабе в Ростове-на-Дону?

Тогда в 1924 году Сталин перевел Ворошилова в Москву и поставил во главе столичного военного округа. Ворошилов сменил на этом посту Николая Ивановича Муралова, который был предан Троцкому. Ленин тоже ценил Муралова как военного, да и по-человечески ему симпатизировал. Однажды, когда Владимир Ильич уже стал сильно болеть, он подсел к Николаю Ивановичу на каком-то совещании:

— Вы с Троцким частенько охотитесь?

— Бывает.

— Ну и как, удачно? — не без зависти спросил Ленин.

— Случается.

— Возьмите меня с собой, а?

— А вам можно? — насторожился Муралов.

— Можно, можно, разрешили... — стал уверять Ленин. — Так возьмете?

— Как же не взять, Владимир Ильич!

— Так я звякну, а?

— Будем ждать, Владимир Ильич.

Но вместе поохотиться им не пришлось.

Муралов принадлежал к числу старых большевиков, которые не просто верили в свои идеалы, но и пытались доказать их правоту на деле. А

Климент Ефремович считал, что новое руководство страны уже заслужило себе право наслаждаться жизнью. Перебравшись в Москву, он сразу разместился в квартире своего предшественника, хотя тот еще не уехал. В одной квартире, превратившейся в коммунальную, столкнулись два образа жизни.

Знакомая семья Мурадовых вспоминала: «Вечером я пришла к ним и увидела, что большая прихожая занята большими ящиками с вином, фруктами и всякой другой снедью, орудуют официанты, подвозят еще какие-то ящики. В квартире я застала совершенно взбешенного Николая Ивановича и перепуганную Юлю (его сестру), которая ему говорила:

— Коля, да ты с ума сошел. Оставь. Не вмешивайся. Тебе и так уже не сладко. А будет еще хуже. Ты же его знаешь!

Выяснилось, что Ворошилов вывез из Ростова дорогую мебель и обставил свою половину. Во-вторых, он устраивал в этот вечер прием, пригласил гостей, и всё это делает за казенный счет. Николай Иванович собирался ему делать внушение, что так коммунисты не поступают. Но времена были другие. И Юля понимала, что так просто для Николая Ивановича его вмешательство не пройдет».

Летом 1924 года Сталин ввел Ворошилова в состав оргбюро ЦК, которое ведало партийными кадрами — центральными и местными — и вообще всеми текущими партийными делами. Не имея пока полной власти в политбюро, Сталин именно в оргбюро сосредоточил своих главных сторонников — секретарей ЦК Лазаря Моисеевича Кагановича, Вячеслава Михайловича Молотова, Андрея Андреевича Андреева, Андрея Сергеевича Бубнова...

Другого своего приверженца — Семена Михайловича Буденного — генсек тоже перетащил в Москву. Обещал ему это еще в 1923 году:

«Буденному.

Можете быть уверены, что проведем Вас членом Реввоенсовета Республики и помощником Главкома, и начальником кавалерии республики».

Генсек сдержал слово, желая иметь такого популярного человека на своей стороне. Главным военным инспектором коннозаводства и коневодства и инспектором кавалерии РККА был герой Первой мировой войны генерал Алексей Брусилов. Его отправили в отставку. В апреле 1924 года пост Брусилова перешел к Буденному.

«Сам по себе вахмистр Буденный, — вспоминал генерал Брусилов, — ко мне относился всегда очень почтительно, только жаль, что еле-еле умел подписывать свою фамилию и за него писали статьи и приказы другие...»

Буденный объехал конные заводы и доложил Сталину, что коневодство в упадке, что надо восстанавливать поголовье и улучшать породу. В лошадях будущий маршал знал толк.

В маневренной Гражданской войне кавалерия играла огромную, а в некоторых случаях решающую роль. Сталин, окружив себя такими полководцами, как Буденный и Ворошилов, верил, что конница сохранит свое значение и в следующей войне.

Будущий маршал, а тогда молодой командир Георгий Константинович Жуков обратил внимание на то, что Буденный, приезжая в войска, «занятий, учений или штабных игр с личным составом не проводил», интересовался только лошадьми. Как это отличалось от манеры командующего Западным округом Иеронима Петровича Уборевича, который, приезжая в часть, поднимал ее по тревоге, а потом проводил тактические учения или командирскую учебу...

Фрунзе обосновался в особняке Наркомата по военным и морским делам на Знаменке, в доме 19. Собственно говоря, это был бывший дворец Апраксиных, где с 1863 года располагалось Александровское военное училище. В 1917 году здесь устроили штаб Московского военного округа, а в 1918-м особняк занял председатель Реввоенсовета Республики Троцкий. С тех пор здание именовали «Первым домом Реввоенсовета».

Троцкому нравилась созданная им военная машина, и ему импонировали свойственные профессиональным офицерам дисциплина и четкость. Военное ведомство разительно отличалось от всех остальных советских учреждений. В коридорах не курили скучающие сотрудники. Все были заняты своим делом, везде царили чистота и порядок — ни окурков на полу, ни грязных стаканов на заваленных бумагами столах.

Как кандидат в члены политбюро Михаил Васильевич оказался в центре политической борьбы за власть, которая разгорелась во время болезни Ленина и обострилась после его смерти.

И по сей день историки ведут споры, кто же был вторым человеком в стране и партии после Ленина — Сталин или Троцкий? Рассекреченные спецсводки ОГПУ, которые после смерти Ленина составлялись ежедневно, свидетельствуют о том, что народ считал наследником Троцкого: «Население не верит, что Троцкий болен... Среди масс наблюдается недовольство тем, что тов. Троцкий отстранен... В связи с партдискуссией и болезнью тов. Троцкого ходят толки, что портреты тов. Троцкого уничтожаются, что тов. Троцкий выступает против коммунистов ввиду того, что угнетают рабочих, что он арестован и находится в Кремле...»

Имя Сталина в спецсводках не упомянуто ни разу. В народе его мало

знали. Именно потому, что Троцкий многим казался законным преемником Ленина, он вызывал страх и ненависть у товарищей по политбюро. Они все сплотились против Троцкого. И Зиновьев, и Каменев, и другие подозревали, что если Лев Давидович станет во главе партии и государства, он выбросит их из партийного руководства. Поэтому недавние соратники сделали ставку на Сталина, ненавидевшего Троцкого. И тем самым подписали себе смертный приговор — со временем Сталин их всех уничтожит...

Еще в конце 1923 года Троцкого фактически изолировали. Все ключевые решения в стране принимала «семерка» — члены политбюро (кроме Троцкого) плюс председатель Центральной контрольной комиссии Валериан Куйбышев. Если Лев Давидович возражал, он оставался в полном одиночестве. Причем «семерка» действовала практически официально. Кандидатами в состав «семерки» утвердили председателя ВЧК Дзержинского, председателя ЦИКа Калинина, секретаря ЦК Молотова, первого секретаря МК и МГК партии Угланова и наркомвоенмора Фрунзе.

В партии исчезала демократия. Дискуссии становились невозможными. Партийные организации привыкали к тому, что не избранные, а назначенные сверху секретари ими просто командуют. Главные решения принимались не в открытой полемике, а в тиши секретарских кабинетов.

Михаил Васильевич был со Сталиным на «ты». И в верхнем эшелоне у него было немало надежных друзей. В апреле 1922 года секретарем ЦК избрали Куйбышева. А человеком Куйбышева был Лазарь Моисеевич Каганович, с которым они работали вместе в Туркестане. Это Куйбышев привел Кагановича к Сталину, который предложил Лазарю Моисеевичу пост заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК, иначе говоря, поручил ведать партийными кадрами и руководить местными организациями.

Хорошие отношения с партаппаратом имели большое значение при назначении на высокие должности. В 1924 году на заседании оргбюро ЦК Каганович представил список должностей в системе госбезопасности, включенных в номенклатуру ЦК: назначать на эти должности можно было только с санкции партийного руководства.

Дзержинский возмутился: он председатель ОГПУ, кандидат в члены политбюро — и ему не доверяют, не он будет решать, кто ему нужен на той или иной должности, а аппарат ЦК станет проверять чекистов и говорить, годны они или не годны. Но Сталин твердо стоял на своем:

— Нет, Феликс, ты не прав. Речь идет о системе партийного контроля,

о системе партийного руководства. Нужно, чтобы партия назначала руководящих людей. И ты должен быть благодарен ЦК, а не спорить.

Точно так же и Фрунзе нуждался в благословении ЦК при продвижении и перемещении своих подчиненных.

Новое устройство жизни рождало и новый быт. Время было крайне трудное, однако власть заботилась о том, чтобы руководящие кадры не голодали, не мерзли и по возможности ни в чем не испытывали нужды. Так возникла система кремлевских пайков, отмененная только при Горбачеве. Управление делами Совнаркома оборудовало подмосковный дом отдыха для наркомов и членов коллегии наркоматов, где они могли поправлять здоровье. Новую политическую элиту теперь интересовали не столько мировая революция и социалистические преобразования в стране, сколько продвижение по службе и получение льгот и привилегий. Но Фрунзе был ко всему этому на редкость равнодушен.

В октябре 1924 года он участвовал в судьбе края, где родился его отец: левобережное Приднестровье преобразовали в Молдавскую автономную советскую социалистическую республику в составе Украины.

А Бессарабию в 1918 году присоединила к себе Румыния. В Советском Союзе с этим не смирились. В апреле 1925 года на съезде общества бессарабцев герой Гражданской войны Григорий Иванович Котовский говорил:

— Вопрос об освобождении Бессарабии, вопрос о том, чтобы сделать Бессарабию красной, мог бы быть разрешен хорошим ударом нашего корпуса, куда входит и Бессарабская кавалерийская дивизия, или, в крайнем случае, еще парой наших корпусов. Если рабоче-крестьянское правительство, руководимое коммунистической партией, скажет, что довольно дипломатических переговоров, прикажет нашей Красной армии броситься к границам Румынии, Бессарабии, на помощь восставшим рабочим и крестьянам, наш кавалерийский корпус будет впереди! Мы уверены, что если этот исторический момент настанет, наша красная конница перемахнет одним прыжком через Днестр...

Григорий Котовский как в воду смотрел. Предсказанное им произойдет в 1940 году. Но ни сам Котовский, ни Фрунзе этого не увидят.

Михаила Васильевича уже как политическую фигуру включали в различные комиссии. Скажем, 24 апреля 1924 года политбюро образовало при Совете национальностей ВЦИКа Комитет по землеустройству трудящихся евреев. Землю намеревались выделить на юге Украины и в Крыму. Председателем комитета утвердили Петра Гермогеновича Смидовича, заместителем Фрунзе. Но он срочно понадобился в Москве, и в

комитете ему поработать не удалось.

Пятого февраля 1925 года постановлением политбюро была образована комиссия, которая должна была определить, как партии относиться к пролетарским писателям. В нее вошли Бухарин, Каменев, Томский, Куйбышев, Андреев, Фрунзе, а также нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский и заведующий отделом печати ЦК Иосиф Михайлович Варейкис. Проблемы художественной литературы выходили за круг непосредственных обязанностей наркомвоенмора, но участие в комиссии означало, что перед ним открывается большая политическая карьера.

Тринадцатого февраля комиссия собралась в составе всего четырех человек — Бухарин, Варейкис, Луначарский и Фрунзе. Они терпеливо выслушали представителей различных писательских объединений — Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), «Перевала», «Кузницы», ЛЕФа (причем от Левого фронта слово взял сам Маяковский), Национального бюро пролетарских писателей, Всероссийского союза крестьянских писателей, Пролеткульта. И еще пожелали быть услышанными начальник Главлита (цензура) Павел Иванович Лебедев-Полянский, литературный критик Александр Константинович Воронский (старый друг Фрунзе) и Павел Андреевич Бляхин, крупный партийный работник и автор популярной тогда повести «Красные дьяволята», которая была экранизирована.

Комиссия собиралась еще раз — 3 марта. Теперь уже Фрунзе попросил слово:

— В вопросах литературы я себя не считаю особенно сильным, но, во-первых, эти вопросы сейчас имеют не только художественное, но и политическое значение, а, во-вторых, те проблемы, которые сейчас интересуют вас как деятелей литературы, тесно связаны с вопросами из других областей советского строительства.

С точки зрения общей постановки вопроса, товарищи, стоящие наточке зрения пролетарской культуры, правы. Мы, несомненно, должны стремиться к завоеванию пролетариатом прочных позиций в области литературы, так же как и в области всего искусства. Но нам нужно также учитывать и тот факт, что крестьянство является союзником, требующим особенно умелого подхода с нашей стороны, поэтому острое выпячивание наших пролетарских лозунгов в области литературы нас отнюдь не приближает к крестьянству, а, наоборот, от него отталкивает. Нам нельзя также не считаться с существованием ряда других мелкобуржуазных прослоек: учителей, врачей, инженеров, техников. Могут ли и должны ли

эти слои находить свое отражение в нашей советской литературе и искусстве? Разумеется, да. Отнюдь не в наших интересах вести такую линию в области литературы и искусства, которая бы отталкивала от нас эти группы.

Фрунзе призвал литераторов и чиновников культурного фронта отказаться от «линии административного нажима и прижима»:

— Захват литературы путем наскоков — неверен, таким путем пролетарской литературы не создашь, а политике пролетариата навредишь. В отношении беспартийных необходимо проявлять гораздо больше терпимости, более умелого подхода к ним... Я внимательно прослушал декларацию представителя «Кузницы», что молодым пролетарским писателям совершенно незачем учиться у попутчиков, и считаю эту декларацию глубоко ошибочной и выражением самого настоящего комчванства. Разве нам нечему учиться?

Михаил Васильевич оценил молодого Леонида Максимовича Леонова:

— По-моему, очень крупный растущий писатель. Ему тоже еще нужно учиться, он растет, но если мы его не испортим, то в будущем это будет крупная литературная величина.

И не ошибся. Леонид Максимович стал классиком советской литературы еще при жизни.

Удивительным образом Фрунзе выделил прозаика Бориса Андреевича Пильняка:

— Я лично не являюсь его поклонником, мне не нравится его манера писать, но кое-чему, несомненно, можно поучиться и у него.

После смерти Фрунзе именно Пильняк напишет о нем, и его повесть станет событием не только литературной, но и политической жизни...

Только о Маяковском Михаил Васильевич отозвался неодобрительно:

— То течение, которое возглавляется товарищем Маяковским, моему уму и сердцу мало понятны. Я предпочитаю более реалистические приемы. Думаю, что ошибка заключается в том, что им выдвигается на первый план форма, содержание же отодвигается назад.

— Не форма, — поправил его не робевший перед начальством Владимир Владимирович, — а производство.

— Производство связано с формой, — парировал Фрунзе, — в переживаемый нами момент как раз необходимо выпячивание вперед содержания. Я предпочитаю произведение, у которого наше содержание, хотя форма будет страдать.

Восемнадцатого июня комиссия доложила свое мнение. Политбюро его одобрило с поправками. Решение было весьма либеральным:

«Коммунистическая критика должна изгнать из своего обихода тон литературной команды... Партия не может связать себя приверженностью к какому-либо одному направлению в области литературной формы... Поэтому партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений...»

ПРОЛЕТАРСКОЕ ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

При Фрунзе упростилась схема управления вооруженными силами. Должность главкома ликвидировали — в мирное время она не нужна.

В феврале 1921 года Всероссийский главный штаб и Полевой штаб Реввоенсовета слили в единый Штаб РККА. А Фрунзе в 1924 году, напротив, пожелал разделить единый штаб на три структуры. Возникли собственно Штаб РККА (орган стратегического управления войсками) и два органа, занимавшиеся текущими вопросами: Главное управление РККА (повседневные нужды армии, административные дела) и Инспекторат РККА (боевая подготовка войск).

Выступая перед преподавателями и слушателями Военной академии, Михаил Васильевич говорил, что хотел бы воссоздать или генеральный штаб царской армии, или большой генштаб германских вооруженных сил.

В марте 1925 года начальником Штаба РККА стал бывший главком Сергей Сергеевич Каменев. При всей нелюбви полководцев поколения Гражданской войны к штабной работе это была важнейшая должность. Через полгода Каменева сменил Тухачевский, которого Фрунзе сразу ввел в состав Реввоенсовета СССР. Военные таланты Михаила Николаевича были очевидны.

Ключевой фигурой в военном ведомстве был начальник политуправления Андрей Сергеевич Бубнов, который пользовался большим влиянием в партийном аппарате.

Бубнов был старым знакомым Фрунзе. Андрей Сергеевич родился в Иваново-Вознесенске в семье управляющего текстильной фабрикой, окончил реальное училище и учился в Московском сельскохозяйственном институте. В Иваново-Вознесенске они вели подпольную работу вместе с Фрунзе.

После революции Бубнова назначили членом коллегии Наркомата путей сообщения, он входил в правительство Советской Украины, был членом Реввоенсовета Украинского фронта, 14-й армии, Северо-Кавказского военного округа.

В 1922 году Сталин приблизил к себе Бубнова — назначил заведующим агитпропотделом ЦК, а в апреле 1925-го даже сделал секретарем ЦК партии. Но, видимо, решил, что это слишком большой пост

для Бубнова, и перевел его кандидатом в члены секретариата ЦК, зато включил в состав оргбюро ЦК. Это обеспечило начальнику политуправления высокий статус в партийном аппарате и возможность влиять на кадровые решения в тот самый момент, когда разгорелись жаростные споры о роли комиссаров в Красной армии.

В ЦК обратились 14 крупных военачальников с предложением полностью отказаться от института военных комиссаров и ввести, как положено в армии, единоначалие, потому что комиссарам в мирное время заняться нечем, и они только пишут доносы на своих командиров. Тем более что военачальники, прошедшие Гражданскую войну, — члены партии, обрели политический опыт и вполне могут обойтись без комиссаров.

Еще Троцкий в 1923 году издал приказ № 511, который сужал права комиссара в воинской части и вообще допускал отсутствие комиссара даже при беспартийном командире. Тогда Бубнов возмутился: как же без комиссаров! — и добился отмены приказа. Но командиры доказывали, что двойное подчинение в воинском механизме невозможно.

После долгих обсуждений в июне 1924 года оргбюро ЦК образовало комиссию по военным делам во главе с Бубновым, которая занялась отбором военачальников, способных стать единоначальниками, то есть одновременно исполнять обязанности и командира, и комиссара. Военные политработники испугались, что им вообще придется покинуть армию. Но им объяснили, что если они займут правильную позицию во внутрипартийных дискуссиях, то останутся на политработе, а то и сами станут командирами.

ЦК принял постановление «О единоначалии в Красной армии». 2 марта 1925 года новый председатель Реввоенсовета Фрунзе подписал долгожданный приказ «О введении единоначалия в РККА». Сначала командиры-единоначальники появились в армии, а потом на флоте. Остановились на компромиссном варианте: наиболее подготовленные командиры — члены партии становятся единоначальниками, то есть берут на себя еще и обязанности комиссара. Комиссар же осуществляет политическое руководство и отвечает за морально-политическое состояние части. Но лишается права контроля над командиром.

Фрунзе добивался жесткого соблюдения принципа единоначалия, отнимая у комиссаров их власть. Он требовал, чтобы командир обладал всей полнотой власти, независимо от того, член он партии или беспартийный. Но по существу шел обратный процесс — вооруженные силы очистили от беспартийных военных профессионалов как

«сомнительных» в политическом отношении.

И Фрунзе не мог этому помешать. Ведь он же сам писал: «Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть изъяты из Красной армии. Надо добиться такого положения, чтобы командный состав стал фактически советским, чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой, чувствовалась полная спайка и взаимное понимание».

Многие политработники продолжали ощущать себя полноправными комиссарами. Не желали подчиняться командирам. Возникли серьезные трения между командным составом и политработниками. Масла в огонь подлили чекисты, докладывая по своей линии о том, что введение единоначалия беспартийные толкуют однозначно: «Партия сдает позиции в армии», а старые офицеры радуются, поскольку считают политсостав лишним в армии.

«Комсостав из бывшего офицерства стремится постановление ЦК РКП(б) о единоначалии реализовать как можно скорее и в самых широких размахах, — говорилось в секретном «Обзоре политико-экономического состояния СССР», составленном ОГПУ. — На этой почве усиливается игнорирование политработников и фиксируются случаи открытого выступления за аполитичность армии. Комсостав стремится вызвать антагонизм и подчеркнуть неправильность линии поведения политработников, их абсолютную некомпетентность в специальных вопросах и старается изолировать себя от их влияния...

Вообще постановление ЦК РКП(б) о единоначалии комсоставом расценивается не как средство для совершенствования структуры армии, но как средство для избавления от политического надзора».

Военный историк генерал-лейтенант Николай Григорьевич Павленко писал, что настоящее воспитание солдат происходит в процессе военного обучения. Так складываются привычка к дисциплине, вера в командира, чувство взаимной выручки и презрение к трусости. А политработники солдат не воспитывали, они занимались идеологической обработкой, которая только вредила армии. Кроме того, политработники контролировали каждый шаг командиров, что не только подрывало авторитет командира, но и его собственное чувство ответственности. При советской власти институт военных комиссаров вводился трижды — в 1918-м, 1937-м и 1941-м, то есть в самые трудные годы, и столько же раз отменялся — в 1925-м, 1940-м и 1942-м, когда ситуация относительно стабилизировалась.

При Фрунзе изменились структура и статус политорганов в армии. Политическое управление (ПУР) вывели из состава Реввоенсовета, оно стало называться Политуправлением РККА и работало на правах военного отдела ЦК. То есть политорганы подчинялись не военному командованию, а напрямую ЦК и Сталину.

Андрей Бубнов вел себя уверенно и самостоятельно. Как начальник ПУР он руководил всей военной печатью. Попросил начальника цензуры Павла Лебедева-Полянского «дать по линии Главлита директиву, чтобы ни одно издание военно-или военно-политического характера по вопросам обороны или военизации СССР, предназначенное как для армии, так и для населения, не было бы допущено к печати, если не имеет визы отдела печати ПУ Ра».

Газета «Красная звезда» была создана приказом Троцкого еще в конце 1923 года. В редколлегию вошли Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, тогда еще начальник политуправления, главком вооруженных сил Сергей Сергеевич Каменев, председатель Высшего военно-редакционного совета Вячеслав Павлович Полонский, литературный критик и редактор, а также два представителя аппарата ЦК — заведующий отделом агитации и пропаганды Андрей Сергеевич Бубнов и заведующий отделом печати Яков Аркадьевич Яковлев.

Первый номер главной армейской газеты вышел 1 января 1924 года. Но Антонов-Овсеенко недолго ее редактировал. Он был верным соратником председателя Реввоенсовета и обратился с заявлением в политбюро и президиум ЦКК. Он возмущался нападками на Троцкого, «на того, кто в глазах самых широких масс является вождем, организатором и вдохновителем победы революции».

Сталин потребовал разобраться с Антоновым-Овсеенко за нарушение партдисциплины.

Второго января 1924 года Антонов отправил генсеку личное письмо: «Вам нужен на руководящих постах подбор абсолютно «законопослушных» людей. Я к таковым не принадлежу. Так и ставьте вопрос открыто».

Открыто Сталин ничего не делал. 12 января Антонова-Овсеенко вызвали на заседание оргбюро ЦК. Формально ему устроили разнос за то, что он подписал два приказа, не согласовав с аппаратом ЦК. Фактически — за попытку защитить Троцкого. Его обращение в ЦК было истолковано как «неслыханный выпад, делающий невозможным дальнейшую работу тов. Антонова-Овсеенко на посту начальника ПУР».

Когда умер Ленин, Антонова-Овсеенко сняли с должности. Вместо

него начальником Политуправления вооруженных сил назначили Бубнова. Он же стал и ответственным редактором армейской газеты «Красная звезда». В Политуправлении вооруженных сил Бубнов прежде всего выполнил указание Сталина — заставить армию забыть о Троцком.

Фрунзе получил копию служебной записки, которую отдел агитации и пропаганды адресовал армейским политорганам: «В программе политзанятий с красноармейцами в текущий зимний период имеется беседа «Вождь Красной армии тов. Троцкий» (сборник приказов и циркуляров ПУРа № 36).

Формулировку этой беседы нужно, на основании постановления совещания начальников политуправлений округов, переменить следующим образом: «Вождь Красной Армии — РВС СССР», содержание беседы: «РВС СССР, президиум РВС СССР, биографии членов президиума РВС СССР». Найдите достаточно удобную форму замены, производя ее возможно осторожнее, не вызывая лишних разговоров.

В готовящемся пособии к программе беседа разработана по предлагаемому новому варианту. Таким образом материал для беседы будет получен всеми политруками».

На одном из заседаний 10 декабря 1924 года Фрунзе переправил эту бумагу Сталину с запиской: «Скажи твое мнение об этом документе».

Сталин тут же ответил: «Узнать надо автора формулировки «Троцкий как вождь Красной армии» и наказать его. Заменить эту формулировку нужно обязательно».

Фрунзе согласился: «Формулировку, конечно, надо заменить. Но мне не нравится формула «вождь — президиум РВС». Я думаю, было бы лучше говорить как о вожде — о партии. О вождях же в узкоармейском смысле не говорить, просто ознакомить всю армию с биографиями лиц, стоящих во главе армий».

Андрей Бубнов руководил Политуправлением Красной армии пять лет. В 1929 году Сталин утратил к нему интерес и перевел Бубнова на политически менее важный пост наркома просвещения РСФСР, а в 1938-м приказал расстрелять...

В 1920–1921 годах шла оживленная дискуссия о будущем армии. Победитель Врангеля Михаил Фрунзе исходил из того, что армия должна быть классовой, пролетарской, а военная доктрина — опираться на опыт Гражданской войны.

После окончания Гражданской войны большевистские военные теоретики самонадеянно утверждали, что Красная армия создала особую пролетарскую стратегию. Так думали не только Фрунзе, но и Гусев,

Буденный, Ворошилов, гордившиеся разгромом «золотопогонников».

Троцкий же считал, что не может быть какой-то особой пролетарской науки: «Тот, кто думает, что с помощью марксизма можно наладить производство на свечном заводе, слабо разбирается и в марксизме, и в изготовлении свечей».

В статье «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» Троцкий призывал учить командиров проявлять инициативу на поле боя, думать самим, а не заглядывать по каждому поводу в уставы и инструкции.

Многие военачальники пренебрежительно относились к науке и учебе. Сегодня историки обращают внимание на то, что Троцкий от всех требовал учиться, даже на фронте в момент затишья. Доказывал: нельзя считать огромные потери свидетельством большого военного искусства. Критерий военного искусства — достижение наибольших результатов с наименьшей тратой сил.

Двадцать третьего февраля 1921 года Троцкий писал Ленину:

«Владимир Ильич, у нас сейчас в партийно-военных кругах идет дискуссия по вопросу о военной доктрине. Думаю, что в последнем счете от дискуссии будет польза, но сейчас много ахинеи и отсебятины. В частности, против Красной Армии выдвигается обвинение в том, что в ее «военную доктрину» (вокруг этого напыщенного словечка и крутится весь спор) не входит идея наступательных революционных войн...»

Тесное общение с профессиональными военными в Гражданскую определенно пошло Льву Давидовичу на пользу. Он увидел, что зарождающаяся советская военная наука недооценивает оборону. Предостерегал: одним «фактором наступления еще не обеспечивается успех». Армию надо учить и обороняться тоже. Надеяться на мировую революцию пока нет оснований.

Фрунзе поспешил ему возразить и даже высокомерно посоветовал Льву Давидовичу забыть «рассуждения, прославляющие оборону». Михаил Васильевич писал и говорил только о наступлении. В те времена было принято по примеру Суворова клеймить оборону как «подлую» и буквально «вытравливать дух обороны из Красной армии».

Большую дискуссию вызвала статья Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная армия». Она появилась в июле 1921 года в первом номере журнала «Армия и революция», издаваемого штабом командующего войсками Украины и Крыма.

Михаил Васильевич исходил из неизбежности военного противоборства с капиталистическим миром: «Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может

быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть... Совместное параллельное существование нашего пролетарского советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно. Это противоречие может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может».

Михаил Васильевич был пламенным сторонником мировой революции и доказывал, что победит в ней лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать, обороняющаяся сторона обречена на поражение: «Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка... Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций...»

Фрунзе утверждал, что нужна доктрина революционной наступательной войны, на основе которой Красная армия будет готовиться к войне с капиталистическим миром (см. журнал «Отечественная история». 2001. № 2). Такая война казалась ему неизбежной, потому что пролетарское государство обязано с помощью пролетариата разных стран нанести поражение всему капиталистическому миру. Это был призыв к совершению мировой революции с помощью советских вооруженных сил.

Троцкий решительно возразил своему подчиненному. Объяснял, что нельзя ставить перед Красной армией наступательные задачи: мировое революционное движение переживает спад, положение в России тяжелое, люди устали от войны и надо «отстоять для рабочих и крестьян возможно длительный период мира».

Да и сами красноармейцы не рассчитывают, что их заставят развязать новую войну. Поэтому, считал Троцкий, задача другая: «Мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию для того, чтобы обороняться, если на нас нападут».

Конечно, Красная армия может прийти на помощь восставшим трудящимся в других странах, но ее роль будет иметь «вспомогательное значение». Фрунзе и его единомышленников, жаждавших мировой революции и готовых разжечь ее с помощью армии, Троцкий назвал «нетерпеливыми стратегами».

Фрунзе считал, что у Красной армии должна быть революционная стратегия, в основе которой наступательность и маневренность: это «совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой

пролетариатом, иного настроения, кроме активного, и быть не могло». Наступательный порыв решит исход будущих войн, потому что вражеские армии «окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником». Красная армия должна прежде всего учиться наступать...

Троцкий же говорил, что принятие только наступательной стратегии — авантюризм, непростительная ошибка, которая приведет к колоссальным жертвам. Армия обязана учиться обороне, к которой придется прибегнуть на первом этапе войны. Возможно и стратегическое отступление, которое позволяет выиграть время для мобилизации и развертывания собственных сил. Он считал, что не надо выдумывать какую-то особую стратегию и тактику, а надо учить красноармейцев и создавать современную боевую технику.

Десятилетиями Троцкому приписывали какие-то чудовищные глупости, а между тем выяснилось, что он рассуждал вполне здраво...

«Пролетарскую военную доктрину» удалось отвергнуть. В 1922 году в постановлении по военным вопросам, принятом XI партийным съездом, она даже не упоминается. В рамках съезда на совещании военных делегатов с основным докладом выступил Троцкий, а с содокладом — Фрунзе. Но перед съездом с Михаилом Васильевичем беседовал Ленин и дал понять, что намерен поддержать Троцкого.

Когда 3 марта 1925 года Михаил Васильевич выступал на заседании литературной комиссии ЦК, то самокритично напомнил о том, как несколько лет назад выдвинул теорию «единой военной доктрины»:

— В чем была сущность моих предложений? Она сводилась к пересмотру всех вопросов военной науки и искусства под углом зрения пролетариата, к установлению основ пролетарского учения о войне. В этой своей попытке я натолкнулся на жестокий отпор со стороны товарища Троцкого. Тогда я не стал развертывать широкой борьбы и сейчас скажу почему. Решительную роль сыграл мой разговор с товарищем Лениным. Я изложил ему свою точку зрения, и он ответил мне так: «Вы, военные коммунисты, здесь не правы. С точки зрения перспектив ваш подход, конечно, правильный. Разумеется, вы должны готовиться к задаче полного овладения военным делом и соответствующую работу вести. Пожалуйста, учитесь, выдвигайте молодые силы, но ежели вы сейчас станете выступать с теорией пролетарского военного искусства, то впадете в опасность комчванства. Мне кажется, что наши военные коммунисты еще недостаточно зрелы, чтобы претендовать на руководство всем военным делом...»

После откровенной беседы с вождем Фрунзе предпочел заявить, что у него нет разногласий с председателем Реввоенсовета Республики. Отступился от своих тезисов:

— Я не являлся и не являюсь сторонником той идеи, что мы создаем особую пролетарскую стратегию и тактику.

С уходом Троцкого из вооруженных сил пренебрежение к обороне усилилось. В 1925 году Михаил Васильевич, став министром, вспомнил о пролетарской военной науке:

— Практически мы задачу, поставленную мною при формулировании основных положений военной доктрины, в значительной части выполнили. Все основные позиции в военном деле мы прочно держим в своих руках. Мы создали свой красный генеральный штаб. Но теоретически задача создания пролетарского учения о войне еще не выполнена. Перед нами в этом отношении впереди колоссальная работа. И в ней мы допускаем сотрудничество лиц, которые по своим принципиальным взглядам зачастую если не враждебны нам, то, во всяком случае, не могут считаться вполне нашими. Тем не менее мы этих людей всячески используем, потому что у них, по нашему мнению, нам можно многому поучиться...

Своим подчиненным Фрунзе объяснял: «Необходимо поставить работу высших штабов так, чтобы Красная армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и в любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка Старого Света».

В своем кругу Михаил Васильевич говорил, что его публичные рассуждения насчет оборонительного характера советской политики — это дипломатия. Трубить в газетах, заявлять на собраниях о наступательных войнах — «вреднейшая, глупейшая и ребячья затея», но политработники в армии должны, конечно, «говорить о том, что в известной обстановке, при известных условиях мы можем пойти в наступление за пределы нашей земли... Наш комсостав и армия должны это знать. Нельзя в этой части воспитание вести в духе оборончества».

Главная задача Красной армии остается прежней: «Расширение нашей революции, укрепление диктатуры пролетариата в нашей победившей стране путем этого расширения, путем ее распространения на другие страны». Когда будут соответствующие условия, «пролетарская армия перейдет в решительное наступление».

Уже в 1924 году политбюро приняло секретное постановление о Китае: «Принять план политической работы, предложенный тов. Караханом, и отпустить 500 000 рублей, 10 000 винтовок и известное

количество орудий, возложив личную ответственность за отпуск оружия на тов. Фрунзе».

Лев Михайлович Карахан был заместителем наркома по иностранным делам и занимался делами Востока. Оружие предназначалось китайским коммунистам.

Фрунзе настаивал: «Мы рассматриваем отступление как часть наступления... Наступление является самым лучшим видом обороны... Сторона, держащая инициативу, сторона, имеющая в своем распоряжении момент внезапности, часто срывает волю противника и этим самым создает наиболее благоприятные для себя условия».

Победа над титулованными и образованными офицерами в Гражданскую войну сыграла дурную шутку со многими красными командирами. Они уверились в своих талантах и не ощущали необходимости постоянно учиться. Победители в Гражданской войне были на редкость амбициозны, но и не думали о том, что не получили полноценного военного образования. Стратегии как науке они никогда не учились. Да ее и не преподавали!

Среди военных ученых выделялся Александр Андреевич Свечин, бывший генерал-майор царской армии. Его заслуженно считают выдающимся военным теоретиком. Труды Свечина — «Стратегия», «Эволюция военного искусства» — продолжают выходить и в начале XXI века. В 1920-е годы он единственный читал курс лекций по стратегии, на которых выросло целое поколение командиров Красной армии.

«Его занятия по стратегии, — писал Ромуальд Адамович Муклевич, начальник Рабоче-крестьянского Красного флота, — благодаря неизменной оригинальности замысла, всегда простого и остроумного, явились одним из больших достижений на старшем курсе...

Парадоксальный по своей натуре, чрезвычайно ядовитый в общении, он не упускает случая подпустить шпильку по всякому поводу, однако работает чрезвычайно плодотворно. Монархист, конечно, по своим убеждениям, он, будучи трезвым политиком, учел обстановку и приспособился с достоинством, с чувством критического отношения к политическим вопросам, из коих по каждому у него имеется свое мнение, которое он выражает... Свечин — самый выдающийся профессор академии».

Александр Свечин закончил Первую мировую войну начальником штаба Северного фронта. В 1918 году Троцкий поставил его во главе Всероссийского главного штаба, оттуда перевел на преподавательскую работу в Военную академию РККА. Свечин проявил себя талантливым

ученым и педагогом по истории военного искусства.

Профессор Свечин считал, что Россия должна в полной мере воспользоваться преимуществом своих пространственно-климатических условий и «истощать возможности противника, втягивая в глубь территории страны». Предложил руководствоваться «стратегией измора» в то время, как в Красной армии была принята «стратегия сокрушения».

Свечин обратился к командованию Красной армии с глубоко обоснованной запиской, объясняя значение обороны для современной армии: «Кто не умеет обороняться, не будет в состоянии и наступать». Но к его мнению не прислушались...

Нарком и председатель Реввоенсовета Фрунзе доказывал: Маркс и Ленин учат пролетариат тому, что «нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс». Михаил Васильевич вообще предлагал искать ответы на все вопросы военного дела у классиков марксизма, хотя в свое время Троцкий пытался ему объяснить, что «нельзя научиться сражаться «по Марксу».

Троцкий был образованным марксистом и понимал, что такое марксизм. Фрунзе же требовал учиться у Маркса и Ленина тому, чему они научить никак не могли. Со временем Фрунзе стали именовать «выдающимся марксистским теоретиком военного дела», хотя теоретиком он как раз и не был.

Уже после его смерти, в январе 1927 года, начальник Политуправления РККА Андрей Бубнов, выступая перед руководящим составом политработников, говорил, что пора вернуться к вопросу о «единой военной доктрине». Переиздали одноименную работу Фрунзе, назвали ее важнейшим достижением советской военной мысли. Тезис: «лучший вид обороны — это наступление» стали усиленно пропагандировать армейские политработники, подкрепляя идеи Сталина ссылками на Фрунзе.

На XVII съезде партии (зима 1934 года) Сталин говорил, что «дело идет к новой империалистической войне». Он считал, что она, как и Первая мировая, приведет к расширению социалистического лагеря:

— И пусть не пеняют на нас буржуа, если на другой день после такой войны недосчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божией».

Благодаря усилиям Фрунзе и его наследников в Красной армии утвердилась стратегия наступления, сокрушения врага, как тогда говорили. Война будет быстрой и маневренной. Успех решат скорость и огневая мощь. Кавалерия, танки, авиация, мощная артиллерия создадут такой напор, что сопротивление будет бесполезным. Поэтому бессмысленно

учиться обороне. Нужно все силы бросить на обретение превосходства в силах и уничтожить врага первым ударом. Цена всем этим теоретическим дискуссиям станет ясной летом 1941-го. Но это уже другая история.

ЗАБОТЫ ВОЕННОГО МИНИСТРА

После Гражданской войны Красная армия насчитывала пять миллионов человек — непосильное бремя для страны с разрушенной экономикой. Вооруженные силы спешно сократили в десять раз. В 1925 году численность армии довели до шестисот пятидесяти тысяч человек — это втрое меньше старой царской армии.

Ленин в соответствии с марксистскими представлениями считал, что регулярная армия не нужна, достаточно иметь ополчение, вооруженный народ сам себя защитит. Люди учатся военному делу без отрыва от работы и встают в строй только в случае военной опасности. Поэтому в мирное время от действительной службы можно отказаться, достаточно кратких учебных сборов.

С 1923 года началась радикальная реформа вооруженных сил. 8 августа ЦИК и Совнарком приняли декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». Этот документ определил порядок формирования территориально-милиционной системы.

Красная армия строилась на сочетании кадровых частей и территориально-милиционных формирований, в которые призывали граждан на кратковременные сборы для обучения военному делу.

В пехоте, артиллерии и кавалерии служили два года, в авиации и в береговой обороне — три, на флоте — четыре. Больше половины дивизий строились на территориально-милиционной основе, дабы крестьяне-красноармейцы не слишком отрывались от хозяйства. Из деревни в армию шли пугающие письма — родители жаловались на налоги, на бедность, на хлебозаготовки, на то, что отбирают хлеб и скот.

В середине 1925 года в Красной армии было 77 стрелковых дивизий, из них 46 территориальные. В территориальной дивизии кадровым оставался только командный состав, а красноармейцев призывали на несколько месяцев в году на учебные сборы, чтобы они постепенно овладевали военным делом. Остальное время они жили дома и работали. В случае войны их предполагалось призвать на службу и развернуть полноценные части и соединения. Обучение растягивалось на пять лет, и в зависимости от рода войск переменный состав находился на сборах в общей сложности от восьми до двенадцати месяцев.

Фрунзе, конечно, вел дело к увеличению армии:

— Нам нужно беспощадно разбивать эти иллюзии, этот детский лепет о том, что в современной мировой обстановке нам можно обойтись маленькой кадровой армией.

Но деньги из бюджета, отпущенные на армию, позволяли обучать в кадровых частях не более четверти призывного контингента. Нарком доказывал, что нужна постоянная армия такой численности, «через ряды которой мы могли пропустить весь рабоче-крестьянский молодежь, который подрастает ежегодно». Приводил такие цифры: каждый год призывного возраста достигает примерно миллион 200 тысяч молодых людей. Чуть больше 300 тысяч физически не пригодны для несения службы. Значит, призвать можно около 900 тысяч:

— Между тем сейчас кадровая армия имеется в количестве пятисот шестидесяти двух тысяч человек. Если отбросить командный и политический состав, то при двухгодичном сроке службы ежегодно можно пропустить черед ряды армии только двести семьдесят тысяч человек. Выходит, что около полумиллиона молодежи мы обучить не в состоянии...

Как покажет Великая Отечественная, главная проблема Красной армии состояла в низком уровне подготовки кадрового состава вооруженных сил, а вовсе не в том, что допризывной военной подготовкой охватили не всю молодежь. В годы войны призванных из запаса всё равно приходилось обучать заново.

Новый военный министр, сам еще молодой человек, добивался омоложения командных кадров. Командиры старшего поколения, бывшие царские офицеры, были отстранены от ключевых должностей. На высшие посты выдвинулись молодые партийные военачальники, чье образование исчерпывалось разного рода краткосрочными курсами. Недостаток образования не считался недостатком. Перед ними открылась дорога наверх, и они всячески поддерживали нового наркома.

Уже после смерти Фрунзе на пленуме ЦК начальник Политуправления Красной армии Бубнов докладывал:

— Я должен здесь указать вам на один момент в жизни армии, который касается последнего периода и который связан с так называемой военной реформой 1924 года, когда мы произвели радикальную перегруппировку наших командных кадров. Эта перегруппировка состояла в том, что мы выдвинули на ответственные посты в армии тех наших боевых командиров, которые получили боевую выучку в годы Гражданской войны и которых мы соприкоснули с военной наукой после окончания Гражданской войны, в последующие мирные годы. Это дало нам возможность накопить в военном ведомстве такие командные кадры,

которые сделали остро необходимой ту радикальную перегруппировку, которую мы проделали в 1924 году...

Восемнадцатого сентября 1925 года ЦИК и Совнарком СССР приняли подготовленный Фрунзе «Закон об обязательной военной службе», в котором подчеркивался классовый характер армии. Армия называлась рабоче-крестьянской. На воинскую службу призывались только трудящиеся в возрасте от 19 до 40 лет. Так называемые «нетрудовые элементы» несли службу в тыловых частях и платили военный налог.

С тех пор и утвердилась практика использовать призывников на хозяйственных работах. Многие красноармейцы занимались заготовкой дров и фуража, строили аэродромы и казармы.

Сталин и Молотов, отдыхавшие в Сочи, телеграфировали оставшимся в Москве членам политбюро: «Считаем совершенно необходимым срочное привлечение войск как к уборочной, так и к прополочным работам». Мало того что разрушили деревню и лишили крестьянина всякого желания работать на земле, так еще и отрывали вооруженные силы от боевой подготовки...

Младший командный состав пытались подготовить, зачисляя более грамотных солдат в батальонные школы. После ускоренного курса обучения и сдачи экзаменов они назначались командирами отделений. Но им срок службы продлевали с двух до трех лет. Многих это не устраивало, поэтому они нарочно проваливались на экзаменах, чтобы не служить лишний год.

Фрунзе получил в подчинение сравнительно небольшую армию, технически отсталую и скудно снабжаемую. Денег хронически не хватало, и армию финансировали по принципу разумной достаточности. В годы новой экономической политики кадровые военные с их небольшими окладами внезапно обеднели.

Управление снабжения озабоченно докладывало руководству наркомата: «Командный состав озабочен исключительно тем, как что-нибудь достать и получить в смысле материального вознаграждения. Наш преподавательский состав на девять десятых сейчас эстрадничают». В вооруженных силах для самообеспечения спешно создавались кооперативы. К лету 1922 года Всероссийскому военно-кооперативному управлению подчинялись 11 мыловаренных заводов, четыре кожевенных, два известковых, 33 сапожных мастерских, 28 портновских, а также хлебопекарни, маслобойни и мельницы (Вопросы истории. 2003. № 6).

Правительство после смерти Ленина возглавил Алексей Иванович Рыков. Они с Молотовым (Вячеслав Михайлович тоже станет

председателем Совнаркома) были выходцами из одной деревни Кукарки Нолинского уезда Вятской губернии. Мало того что Рыков и Молотов были земляками, они еще оба заикались. Но на этом сходство заканчивалось. Молотов в первую очередь был политиком. Рыков, правда, вошел в первое советское правительство в качестве наркома по внутренним делам, но через десять дней подал в отставку и дальше занимался только хозяйственно-экономическими делами.

В годы Гражданской войны Рыков был чрезвычайным уполномоченным по снабжению Красной армии и флота. Его распоряжения были обязательны для всех органов советской власти. Так что он хорошо понимал нужды вооруженных сил страны. Рыкову, конечно, не хватало полноценного высшего образования. Он окончил классическую гимназию, что весьма ценилось, но на юридическом факультете Казанского университета проучился всего год — увлекся революционными делами.

Алексей Иванович был сторонником нэпа. Идеи ускоренной индустриализации и коллективизации он отвергал. Глава правительства считал, что жить надо по средствам, поэтому держал военное ведомство на скудном пайке.

Наркомат финансов с 1922 года возглавлял Григорий Яковлевич Сокольников. Он был вполне образованным человеком, окончил юридический факультет Парижского университета и докторантуру, намереваясь защитить диссертацию по экономике. Сокольников провел денежную реформу и вернул стране крепкий рубль. Сокольников прошел всю Гражданскую, сначала был членом Реввоенсовета Южного фронта, а затем командовал 8-й армией и Туркестанским фронтом. Так что он не был сугубо штатским человеком, но, заботясь об экономике, лишних денег бывшим сослуживцам по Красной армии не давал.

Его заместитель (и будущий сменщик) Николай Павлович Брюханов, филолог по образованию, тоже не был чужим для армии человеком — в качестве наркома продовольствия с 1921 года возглавлял Главное управление по снабжению Красной армии. Но и Брюханов берег государственную казну, поэтому проект военного бюджета после рассмотрения в Наркомате финансов изрядно худел.

При Рыкове возможности других членов политбюро вмешаться в бюджетный процесс и выбить для своего ведомства дополнительные деньги были ограничены.

К тому же внутрипартийная борьба с Троцким пагубно сказалась на состоянии армии. В октябре 1925 года Дзержинский писал Сталину, что ситуация меняется к худшему, а ведь еще несколько лет назад «у нас была

целиком наша победоносная, еще не перешедшая на мирное положение, еще насквозь пропитанная боевым порохом Красная армия, еще не тронутая дискуссией по развенчанию официального ее вождя Троцкого...».

Нехватка денег поставила армию и флот в тяжелое положение. Пытаясь сэкономить, Фрунзе предлагал ужать штаты тыловых органов армии. Но это тоже негативно сказывалось на вооруженных силах. Сводка, представленная Михаилу Фрунзе летом 1924 года, фиксировала: «Лагерные условия неудовлетворительны. Палатки старые и протекают, наблюдается невозможная скученность (в каждой палатке до пятнадцати человек). Многим красноармейцам ввиду недостатка постельных принадлежностей приходится спать на голой земле. Скверно налажена доставка и кипячение воды.

Причиной неудовлетворительного снабжения частей в значительной мере является преступное отношение хозяйственных органов к делу снабжения армии. В этом отношении особенно выделяются Туркфронт и Западный округ. Начальник военно-хозяйственного отдела Туркфронта распорядился принимать негодное для пищи ранее забракованное мясо. Во многих воинских частях пища готовится безвкусная, нередко опасная для здоровья, часто приготовленная в антисанитарных условиях».

Заместителю наркома и председателя Реввоенсовета Уншлихту поставили задачу сократить военные расходы и раздутые штаты тыловых учреждений. Иосиф Stanisлавович Уншлихт вырос и учился в Польше. В 1900 году стал членом партии Социал-демократия Польши и Литвы. Шесть раз арестовывался, трижды его отправляли в ссылку. После революции Уншлихт был членом коллегии Наркомата внутренних дел, председателем Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, членом Реввоенсовета 16-й армии, потом Западного фронта. Два года Иосиф Stanisлавович был заместителем Дзержинского в ВЧК. На долю Уншлихта и выпали главные бюджетные хлопоты.

Но после ухода Троцкого с военной работы ассигнования на вооруженные силы были увеличены. В 1924/25 бюджетном году на военные расходы добавили 31 миллион рублей; в 1925/26-м — 144 миллиона.

Фрунзе смог повысить зарплату командного и политического состава на треть. Это прибавило ему популярности в войсках. Даже рядовые красноармейцы вместо 35 копеек в месяц стали получать рубль двадцать. В 1925 году всех снабдили обмундированием, но постельного белья в казармах не хватало.

Примерно треть военного бюджета уходила на техническое снабжение

армии, две трети — на содержание войск. В военном ведомстве понимали, что нужно прилично платить командирам и повышать уровень жизни бойцов, иначе не будет хорошо обученных солдат и подготовленных офицеров.

Фрунзе, выступая на III съезде Советов в мае 1925 года, сообщил, что командир взвода в Советском Союзе получает 42 рубля, во Франции — 57 рублей, в Германии — 62 рубля, в Польше — 76 рублей, в Англии — 212 рублей... Командир дивизии: у нас — 110 рублей, в Германии — 280 рублей, Франции — 321 рубль, Польше — 323 рубля, Англии — 1020 рублей.

— Товарищи, из этой лестницы цифр вы видите, что положение командного состава у нас является худшим, чем в армии любой буржуазной страны. Нормы заработной платы комсостава по отношению к нормам старой царской армии составляют только тридцать процентов.

Так же плохо обстояло дело с квартирами. Только треть командиров были сносно устроены. Остальные маялись без жилья. Да и кормили в армии неважно. Норма суточного продуктового довольствия в калориях составляла в Красной армии — 3012, в румынской армии меньше — 2714, в польской армии — 2797, в итальянской — 3330, а в американской — 3658.

— Я считаю необходимым, — заявил Фрунзе, — просить вашего директивного указания союзному правительству относительно некоторого повышения нормы нашего красноармейского довольствия на следующий год.

Крестьянские дети были слишком озабочены тем, что происходило в деревне, и вовсе не стремились на военную службу. Во время призыва крестьянская молодежь громила торгующие вином магазины, рынки, захватывала поезда, на которых призывников везли к месту службы. Выпив, новобранцы кричали: «послужим царю-батюшке», «долой коммунистов», «бей жидов, спасай Россию». Происходили настоящие побоища между деревенскими и городскими призывниками. Милиция не могла с ними справиться и вызывала пожарных, которые водой из брандспойтов разгоняли дерущихся.

«Скрытое недовольство красноармейцев, — докладывали чекисты высшему руководству страны, — проявляется во многих письмах в деревню. Жалобы на тяжелое материальное положение, строгую дисциплину и несправедливое к ним отношение со стороны комсостава являются основным мотивом красноармейских писем...

По-прежнему сильно отражается недовольство деревни тяжестью налогов. Письма из деревни в Красную армию на девяносто процентов

наполнены жалобами на тяжесть налогов и бесчинства власти, характерны следующие выдержки из писем: «Предсельсовета, коммунист, обращается с нами как зверь, несмотря на то, что сам когда-то был дезертиром и бандитом», или «вас там укрощают словами, а с ваших отцов за продналог последнюю шкуру дерут».

Рассекреченные документы органов госбезопасности рисуют малопривлекательную картину армейской жизни тех лет. Конечно, чекисты по долгу службы подмечали только худшее, но очевиден масштаб происходившего. В сводках особых отделов сообщалось о недовольстве красноармейцев из-за грубого обращения с ними командного состава, мордобития, а также отсутствия обмундирования, белья, обуви (иногда выдавалась обувь с картонной подметкой). Казармы не были оборудованы. За неуплату в частях отключали электричество, и солдаты сидели без света. Красноармейцы жаловались на недоброкачество продуктов, особенно мясных, и хлеба.

Командование оправдывалось перед партийным руководством:

— Из крестьянина сделать командира нелегко, потому что мы его должны политически обрабатывать столь долго и столь серьезно, что эта задача становится иной раз нам не по силам. Настоящих пролетариев в военные школы мы почти не получаем. Бытовые и прочие условия в Красной армии таковы, что они ни в какой степени не могут служить приманкой для хороших пролетарских кадров...

Большевики после революции декларировали равенство всех военнослужащих, демонстративно отменили звания и знаки различия. Но в повседневной армейской жизни нужно было как-то отличать рядового бойца от командира. 16 января 1919 года Реввоенсовет издал приказ «О введении знаков различия командного состава РККА по занимаемым должностям».

На рукаве гимнастерки и шинели появились геометрические фигуры — треугольники для младшего командного состава, квадраты для старшего и ромбы для высшего комсостава. Квадраты в армейском обиходе стали именовать «кубарями», ромбы — «шпалами». С 31 января 1922 года знаки различия располагались на клапане, который нашивали на левый рукав гимнастерки, в 1924-м ввели петлицы.

Кроме того, составили так называемую таблицу категорий для военнослужащих. Знаки различия соответствовали не воинскому званию, а занимаемой должности. Скажем, командир отделения носил в петлицах два треугольника, командир взвода — один квадрат, комбриг — один ромб. Офицерские звания введут уже после Фрунзе — кадровая армия нуждалась

в строгой и понятной воинской иерархии.

Закономерно возник и вопрос о воинских наградах.

Еще 16 сентября 1918 года Совнарком принял декрет «О знаках различия» и учредил орден Красного Знамени для «присуждения проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности».

Введение ордена старые большевики встретили неодобрительно: зачем идти по пути царской армии? Воюем не ради наград... Более молодые военные против знаков отличия не возражали, старых большевиков пренебрежительно именовали «святошами». Первый орден вручили Василию Константиновичу Блюхеру. Второй получил Иона Эммануилович Якир, третий — Ян Фрицевич Фабрициус, назначенный в 1929 году командующим Закавказской Краснознаменной армией и в том же году погибший в авиакатастрофе. Собственными орденами обзавелись и некоторые республики. 1 августа 1924 года был учрежден единый для Советского Союза орден Красного Знамени.

Вместо боевой учебы делали упор на политзанятия. Они составляли почти половину рабочего времени красноармейца. Но бойцы видели, что между рассказами политруков и реальной картиной жизни в стране мало общего. Они усваивали этот урок: нужно врать и приспособливаться и нельзя говорить то, что думаешь. Казарменный быт рядовых красноармейцев был нищенским. Жизнь командиров, получавших крайне низкий оклад, была немногим лучше. Казарменные нравы стали жестокими и грубыми. Командиры нещадно материли подчиненных, могли и ударить.

«Новая армия Советской России двадцатых годов во многом являла собой микромодель вульгарного коммунизма, — пишет историк Александр Рожков (см. журнал «Родина». 2001. Апрель). — Она штамповала готовые для такой системы кадры, привыкшие к беспрекословному подчинению, изощренной грубости, неприятию инакомыслия». Армия спасала крестьянского парня от голода, но учила его «конформизму и лицемерию, терпению и угодничеству, доносительству и демагогии, власти силы и силе власти».

Фрунзе пришлось противостоять врагу не внешнему, а внутреннему. В августе 1924 года вспыхнули крестьянские восстания в Западной Грузии, Гурии и Мингрелии, — это была вспышка возмущения, порожденная закрытием церквей и диктаторским поведением советской власти на территории республики. Восстание подавили с помощью армии.

МНЕНИЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА

«Пьянство в частях прогрессирует и становится характерным для быта комсостава армии в мирной обстановке, — докладывали чекисты своему начальству в Москву. — Во многих случаях оно сопровождается дебоширством и пьяным разгулом в ресторанах, вплоть до уличной стрельбы. В некоторых частях пьянство подрывает всякий авторитет комсостава и представляет серьезную опасность...»

Причем политруки и комиссары составляли командирам компанию — пили вместе, чтобы некому было доложить начальству. Но действовала осведомительная сеть особых отделов.

Систему особых отделов в вооруженных силах страны сформировал Вячеслав Рудольфович Менжинский, который после смерти Дзержинского (с осени 1926-го до мая 1934 года) будет руководить всеми органами госбезопасности.

«Борьба с контрреволюционными элементами в армии» первоначально была поручена отделу по борьбе с контрреволюцией ВЧК. Потом возникли фронтовые чрезвычайные комиссии. А в Наркомате по военным и морским делам существовала своя контрразведка, именовавшаяся Военным контролем.

Девятнадцатого декабря 1918 года ЦК решил объединить военных контрразведчиков в рамках особого отдела ВЧК. Задача — бороться со «шпионажем, изменой Родине и другими контрреволюционными преступлениями в частях и учреждениях Красной армии». ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии». В каждом фронтовом управлении и в каждой армии создавался особый отдел, в дивизиях — особые отделения. Так появилась военная контрразведка, которая не только выявляла шпионов и предателей, но и следила за военачальниками, изучала настроения в армии.

Ввиду высокого положения и авторитета наркомвоенмора Троцкого тогда подчеркивалось, что особые отделы будут действовать под контролем Реввоенсовета Республики (это положение отменят в 1931 году, и с этого момента военная контрразведка окончательно выйдет из подчинения армии). И за Реввоенсоветом Республики первоначально закреплялось право предлагать своих кандидатов на должности начальников особых отделов фронтов, армий и военных округов.

Первым, учитывая особую важность миссии, отдел возглавил сам

Дзержинский. А Вячеслава Рудольфовича Менжинского 15 сентября 1919 года назначили особоуполномоченным Особого отдела ВЧК. Через пол года он стал заместителем начальника отдела, а еще через несколько месяцев — начальником особистов. В июле 1922 года его утвердили членом коллегии ВЧК.

Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек — такой образ утвердился в истории.

Вячеслав Рудольфович Менжинский родился 19 августа 1874 года в Петербурге в дворянской семье. Его отец преподавал историю в Петербургском кадетском корпусе. Гимназию Вячеслав Рудольфович окончил с золотой медалью. Поступил на юридический факультет Петербургского университета, работал адвокатом.

Жизнь его могла пойти иным путем. Летом 1902 года Менжинский посетил Ясную Поляну, где встретился с Львом Николаевичем Толстым, идеями которого о непротivлении злу насилieм он был увлечен. Но в конечном счете присоединился к социал-демократам.

Страсть к революции соединялась в нем с любовью к литературе. Менжинский был одним из участников «Зеленого сборника стихов и прозы» (издан в 1905 году), где впервые напечатался популярный и поныне поэт, музыкант и певец гомосексуальной любви Михаил Кузмин, интимный друг Георгия Чичерина, будущего наркома иностранных дел. Для этого сборника Менжинский написал «Роман Демидова». Вячеслав Рудольфович, опять же вместе с Кузминым, принял участие и в сборнике «Проталина» (издан в Санкт-Петербурге в 1907 году).

Двадцать пятого октября 1917 года Менжинского назначили комиссаром Петроградского военно-революционного комитета в Госбанке. Затем Ленин утвердил Менжинского заместителем наркома финансов РСФСР. Его задача состояла в том, чтобы заставить банки дать деньги большевикам. Совнарком объявил государственную монополию на банковское дело. Частные банки были национализированы и объединены вместе с Госбанком в один Народный банк. Банковские акции аннулировались, а сделки по ним объявлялись незаконными. Со всем этим Менжинский справился за несколько месяцев.

Но особого впечатления на Ленина он не произвел и высокой должности не сохранил. В апреле 1918 года, после заключения Брестского мира с немцами, его, как знающего иностранные языки и жившего за границей, отправили генеральным консулом в Берлин. Потом перевели на Украину, где он несколько месяцев служил заместителем наркома советской

социалистической инспекции. Осенью 1919 года Вячеслав Рудольфович вернулся в Москву. Дзержинский нашел ему работу в ВЧК.

Менжинский до работы в госбезопасности и во время этой работы — два разных человека. Не очень понятно: служба так меняет человека? Или же в нем проявились доселе скрытые черты характера?

Менжинский докладывал о работе особых отделов, о ситуации в армии и не только в армии двум начальникам — Дзержинскому и Троцкому. Причем Лев Давидович как член политбюро и глава вооруженных сил был куда более важной фигурой, чем председатель ВЧК. Поэтому военные чувствовали себя уверенно и не боялись чекистов. В Гражданскую войну разгневанный командарм запросто мог арестовать начальника особого отдела, если у них не складывались отношения. После ухода Троцкого из армии ситуация радикально изменится.

В 1922 году в ГПУ образовали самостоятельный контрразведывательный отдел, который взял на себя борьбу со шпионажем, антисоветскими заговорами и подрывной работой эмиграции. Особистам остался только контроль над вооруженными силами. Зато особые отделы изначально получили больше самостоятельности, чем другие подразделения госбезопасности.

Девятого марта 1922 года политбюро утвердило положение об особых отделах, перечислив их задачи:

«а) Борьба с контрреволюцией и разложением в Красной армии и во флоте.

б) Борьба со шпионажем во всех его видах (разведывательным и вредительским), направленным против интересов РСФСР как со стороны окружающих республику государств и их отдельных партий, так и со стороны русских контрреволюционных партий и групп.

в) Борьба с открытыми контрреволюционными выступлениями и вспышками (бандитизмом) путем разведки сил противника и разложения его рядов.

г) Охрана границ РСФСР и борьба с политической и экономической контрабандой и незаконным переходом границ.

д) Выполнение специальных заданий Реввоенсовета Республики и Реввоенсоветов фронтов, армий и военных округов...»

Особые отделы создавали «агентурно-осведомительный аппарат в армии, на флоте и среди гражданского населения, имеющего непосредственное соприкосновение с войсковыми частями». Сами особисты вели следствие «по делам о контрреволюции, шпионаже, диверсии, измене Родине, вредительстве в РККА и Военно-Морском флоте,

войсках НКВД и среди указанного выше гражданского населения». Сами проводили обыски и аресты.

В конце января 1925 года в Москве прошел II съезд особых отделов. Выступали Дзержинский, его заместитель Генрих Григорьевич Ягода, начальник контрразведывательного отдела Артур Христианович Артузов, заместитель начальника особого отдела ВЧК Роман Александрович Пилляр (дальний родственник Дзержинского; его настоящее имя — Ромуальд фон Пильхау, но в юности он порвал с отцом-бароном).

На съезде, в частности, обсуждался вопрос о разграничении функций с контрразведывательным отделом. Роман Пилляр объяснил коллегам: особисты должны сосредоточиться на изучении армейской среды и борьбе с контрреволюцией в армии. Поэтому за особистами и утвердилась репутация надсмотрщиков, и армейские офицеры их не любили.

Под руководством Менжинского особые отделы опутали соединения, части и подразделения вооруженных сил, все красноармейские коллективы сетью негласных осведомителей. Особисты информировали начальство не только о ходе боевой подготовки и учебы, но и о настроениях бойцов и командиров; в первую очередь их интересовали политические взгляды и жизненные устремления командного состава.

Уловив специфический интерес особистов, осведомители запоминали каждое сомнительное словечко своего командира. В результате накапливался компрометирующий материал, который в любой момент можно было пустить в ход.

При Троцком вооруженные силы могли постоять за себя. 15 октября 1922 года комиссар Морских сил Республики Вячеслав Иванович Зоф пожаловался Троцкому, что ГПУ ведет расследование по поводу контрреволюционных настроений на Балтийском флоте: «Самый вопрос был внесен ГПУ в Политбюро во время Вашего отсутствия из Москвы и без всякого предварительного ознакомления Морского ведомства... Вновь подтверждаю, что, несмотря на все попытки с моей стороны в Москве и со стороны руководящих опытных работников Балтфлота в Петрограде установить постоянные нормальные отношения в работе Морведа с органами ГПУ, со стороны последних до сего времени наблюдается явно предвзятое отношение к флоту».

Шестнадцатого октября Троцкий написал Дзержинскому о «ненормальности и неправильности работы органов ГПУ»: чекисты занимаются военным флотом «без участия наиболее авторитетных партийных работников Морведа»; это уже приводило ГПУ к крупным ошибкам именно на Балтийском флоте. Лев Давидович попросил

ознакомить со своей запиской членов политбюро.

Семнадцатого октября Дзержинский ответил Троцкому: «Происхождение дела о настроении кронштадтских моряков было согласовано ГПУ с секретарем ЦК т. Сталиным, у него можно будет узнать о причинах, побудивших дать то, а не иное направление дела».

Ссылкой на санкцию Сталина Феликс Эдмундович только обострил ситуацию. Возмущенный вмешательством в дела его епархии Троцкий в тот же день попросил обсудить работу ГПУ на заседании политбюро, убедительно обосновал свою позицию и одержал полную победу.

Двадцать шестого октября политбюро приняло решение:

«Признать ошибкой ГПУ неосведомление политруководителя флота Наумова (член РВС Балтийского флота. — Л. М.) в момент получения новых сведений о флоте.

Предложить ГПУ с соответствующими органами военного и военноморского ведомства разработать в недельный срок на основании соответствующих правил более конкретные и точные формы взаимной информации и совместной работы, которые вполне бы обеспечивали интересы дела.

Предложить т. Уншлихту дать в политбюро письменную справку об арестах на флоте, относительно которых заявлял т. Зоф в настоящем заседании».

Вячеслав Зоф в 1924–1926 годах был начальником Морских сил РККА, потом первым заместителем наркома водного транспорта. Со временем чекисты добрались и до него. Его сначала убрали из наркомата, назначили директором завода «Компрессор», а в 1937-м арестовали и расстреляли...

Военная контрразведка существует практически во всех странах, но как часть вооруженных сил, потому что защищает армию от вражеского проникновения. В Советской России военная контрразведка формировалась в составе органов госбезопасности, то есть политической полиции, как инструмент контроля над армией. Сначала это казалось оправданным: новая власть не слишком доверяла офицерам старой армии. Но шли годы, формировался новый офицерский корпус, преданный советской власти, а контроль над армией сохранялся.

Начиная с 1924 года сотрудники ОГПУ вели дело «Генштабисты», собирая агентурные материалы на бывших офицеров царской армии. Чекисты были озабочены «засильем старых офицеров» в войсках.

«Среди комсостава из среды старого офицерства весьма распространены разного рода группировки (особенно в частях Западного фронта). Подобное объединение старого офицерства, составляющего

значительный процент комсостава, представляет определенную опасность. Ряд группировок носит определенный монархический уклон. В некоторых случаях группировки комсостава стремятся парализовать действия политработников и краскомов или выживать их из частей», — говорилось в «Обзоре политико-экономического состояния СССР» за март 1924 года.

Особое подозрение вызывали те, кто послужил в белой армии, а потом перешел на сторону Красной. Чекисты всегда рассматривали их как враждебный элемент.

На оперативный (скрытый) учет как «неблагонадежные» были поставлены и военачальники, которые внесли решающий вклад в создание Красной армии и победу в Гражданской войне. В этот список включили Михаила Николаевича Тухачевского, бывших главнокомандующих Красной армии Иоакима Иоакимовича Вацетиса (после войны он стал преподавателем Военной академии РККА) и Сергея Сергеевича Каменева (начальник Штаба РККА, заместитель наркома), Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, который в 1918 году возглавил Высший военный совет Республики, выдающихся военных ученых Андрея Евгеньевича Снесарева и Александра Андреевича Свечина.

Все эти люди отказались когда-то служить в белой армии и присягнули на верность советской власти, но эта власть, многим им обязанная, всё равно бывшим офицерам не доверяла. Военных постоянно подозревали в готовности перейти на сторону некоего врага. В результате Красная армия лишилась наиболее образованной своей части, что пагубно сказалось на уровне подготовки командных кадров.

Разумеется, в аппарате госбезопасности служили разные люди. Но особые отделы запросто фабриковали липовые дела и с пользой для своей карьеры разоблачали мифические вредительские организации.

В 1925 году один из агентов ОГПУ представил донесение, которое заботливо положили в личное дело Тухачевского: «В настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось два течения: монархическое и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М. Н. Тухачевского». Это липовое донесение — уже после смерти Фрунзе — будет иметь большие последствия не только для самого Тухачевского, но и для целой группы советских военачальников.

НОВОЕ ОРУЖИЕ ДЛЯ НОВОЙ АРМИИ

Потерпевшая поражение в Первой мировой войне Германия была единственной страной, которая хотела сотрудничать с Советской Россией. Если бы в Гражданской войне верх взяли белые, Россия заняла бы место среди держав-победительниц. А советское правительство, не признанное Антантой, не предъявило Германии никаких требований и не участвовало во взимании огромной контрибуции, которая подрывала и без того слабую немецкую экономику. Веймарская Германия и Советская Россия были париями Европы, и это привело их к сближению.

В 1920-х годах внешнюю политику Москвы определяла неуверенность в собственных силах. Боязнь, что новая война может привести к свержению режима (царизм же пал в результате Первой мировой), подталкивала руководство страны к нормализации отношений с соседями. Нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин руководствовался старым принципом поддержания баланса сил, стараясь не допустить чьего-то усиления. Определяя германскую политику Москвы, Чичерин выражался так: «Поддержатъ слабейшего». Отсюда близкие отношения с Германией. Смертельно боялись коалиций, которые могли быть направлены против СССР.

С санкции Ленина в небольшом городке Рапалло в 1922 году Чичерин подписал сенсационный договор с Германией о взаимном признании и восстановлении дипломатических отношений. В Рапалло обе страны согласились строить отношения как бы с чистого листа, а все спорные вопросы решили самым радикальным образом: отказались от взаимных претензий.

Тайным военным сотрудничеством с Германией ведал нарком внешней торговли Леонид Борисович Красин. Он полагал, что ограничения, наложенные на Германию условиями Версальского мира, заставят немецкую армию искать обходные пути для развития военной техники, и немцы будут платить России, если помочь рейхсверу и позволить ему создавать новые образцы боевой техники на российской территории.

Леонид Красин был полпредом в Англии, затем во Франции и опять в Англии — уже до самой смерти от рака крови (ровесник Ленина, он пережил его всего на два года). Чтобы поддержать авторитет Красина, за ним сохраняли должность наркома внешней торговли. Хотя непонятно, как можно руководить целой отраслью из Парижа или Лондона. Впрочем,

среди большевиков в торговых делах он понимал лучше всех.

Еще в сентябре 1921 года Красин и Радек, член ЦК и главный знаток Германии, подписали в Берлине соглашение об образовании совместного «Общества по развитию промышленных предприятий».

Среди тех, кто в Германии занимался внешней политикой, нашлось немало поклонников теснейшего взаимодействия с Россией. Большой штат хорошо подготовленных работников отличал немецкое посольство в Москве от английского и французского, штат которых был весьма ограниченным. Некоторые работники германского посольства происходили из русско-немецких семей. Они являлись сыновьями немецких торговцев и промышленников, которые приехали работать в Россию и здесь женились.

Рейхсвер приступил к созданию на территории России объектов для испытаний своей боевой техники. Первыми в Москву прибыли представители немецкой авиастроительной компании «Юнкерс», основанной профессором Гуго Юнкерсом. Они путешествовали в штатском и под чужими именами — обычная практика в то время. Немцы хотели получить концессию на производство военных самолетов (Военноисторический журнал. 2001. № 4).

В январе 1923 года «Юнкерсу» передали бывший Русско-Балтийский завод в Филях. Немцы должны были наладить выпуск трехсот самолетов в год. Половину обязалось купить советское правительство. Горячим сторонником контракта был Михаил Васильевич Фрунзе, в январе 1925 года возглавивший военное ведомство и Главное управление военной промышленности, которое в принципе настаивало на приглашении иностранных специалистов в области авиастроения.

Восьмого июля 1925 года политбюро приняло решение: «Дать акционерному обществу «Юнкерс» заказ на серийное производство бомбовозов».

Но ведомство госбезопасности крайне настороженно относилось к экономическому сотрудничеству с Германией. Чекисты считали иностранных инвесторов и работавших в России иностранных специалистов шпионами.

Чичерина раздражало особое внимание чекистов к немецким партнерам, чего он не скрывал от заместителя наркома иностранных дел Льва Карахана: «Тут мы наглумили больше, чем в чем-либо другом. Идиотское вмешательство Уншлихта (заместитель председателя ГПУ. — Л. М.) грозит уничтожением одному из главнейших факторов нашей внешней политики».

Дзержинскому всё виделось в ином свете. Вместе с Ворошиловым они

обратились в политбюро: «Нам нет никакого расчета связывать судьбы своей авиапромышленности с «Юнкерсом». Испытанных военных конструкций у «Юнкерса» нет. Версальский договор зажал творческую мысль немцев в этом отношении, и они плетутся в хвосте за другими странами, где ограничений нет. Военные достижения, которые имеются у «Юнкерса», возможны были только благодаря опыту завода в Филях, то есть на наши деньги и при нашем содействии. И в дальнейшем «Юнкерс», по-видимому, собирается развивать дело военного самолетостроения исключительно за наш счет».

Феликс Эдмундович недооценил немецких партнеров. Известный конструктор Гуго Юнкерс владел крупнейшим в Германии авиационным заводом, на котором построил первый в мире цельнометаллический самолет. Его компания стала одним из трех основных производителей боевых машин и обеспечила вермахт бомбардировочной авиацией...

Со своим заместителем Ягодой и начальником иностранного отдела ОГПУ Михаилом Абрамовичем Трилиссером Дзержинский поделился такими соображениями: «У меня сложилось впечатление, что вообще германское правительство и монархические, и националистические круги ведут работу на низвержение большевизма в СССР и ориентируются на будущую монархическую Россию... Случайно ли, что концессия «Юнкерса» фактически ничего почти делового нам не дала? Верно ли, что в этом только мы сами виноваты? Что из себя политически представляет фирма «Юнкерс» и ее аппарат?»

Основания для претензий к «Юнкерсу» были (Независимое военное обозрение. 2001. № 30). Скажем, советское правительство настояло на том, чтобы немецкие партнеры наладили выпуск в России алюминия, производство авиационных моторов и подготовили советский персонал, который через пять лет полностью заменил бы на производстве немцев. Это обязательство немцы не выполнили. Предполагалось, что «Юнкерс» станет производить 300 самолетов в год. Но за четыре года было произведено всего 100 самолетов-разведчиков Ю-20 и Ю-21 для армейской и морской авиации. Однако же уличить немецких партнеров в подрывной деятельности не удавалось.

Тем не менее начальник контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Христианович Артузов доложил Дзержинскому, что концессии — просто прикрытие для шпионов, а работающие в России немцы чуть ли не поголовно занимаются разведывательной деятельностью. Артузов предложил все эти концессии ликвидировать. Точка зрения чекистов возобладавала. 26 января 1926 года сменивший Фрунзе новый нарком

Ворошилов доложил политбюро, что концессию нужно ликвидировать и создавать собственное производство.

Иностранных владельцев просто выставляли. Всё их имущество переходило в полную собственность Советского государства. На тех же станках и по тем же чертежам выпускали ту же продукцию, которая отныне считалась отечественной.

В основу первого советского бомбардировщика ТБ-1 (АНТ-4) в 1925 году была положена цельнометаллическая конструкция с гофрированной обшивкой, которая использовалась на немецких бомбардировщиках. Преимущество цельнометаллических самолетов состояло в том, что их можно было держать на открытом аэродроме, а не в ангаре. Немцы даже пытались возбудить уголовное дело против конструктора Андрея Николаевича Туполева, обвинив его в нарушении патентов на металлическое крыло (Независимое военное обозрение. 2001. № 30). Серийное производство советского бомбардировщика организовали на том же авиационном заводе в Филях, где «Юнкерс» строил для советских военно-воздушных сил самолеты-разведчики Ю-20 и Ю-21.

Инициатором военного сотрудничества с германской стороны стал начальник управления сухопутных сил рейхсвера генерал-полковник Ханс фон Сект. Он командовал рейхсвером в 1920–1926 годах. В 1921 году в военном министерстве Германии сформировали специальную группу, которая занималась Россией. Ее представителей включили в штат немецкого посольства в Москве.

Сотрудничество с рейхсвером началось в соответствии с секретным соглашением между рейхсвером и Красной армией от 11 августа 1922 года. Соглашение позволяло веймарской Германии размещать на советской территории военные объекты и проводить испытания военной техники и обучение личного состава тех родов войск, которые были запрещены Версальским договором, в первую очередь авиации. В ответ немцы щедро делились с Красной армией своими военными достижениями.

С помощью немецких фирм в России производились самолеты, танковые моторы, стрелковое оружие, артиллерийские снаряды, боевые отравляющие вещества, на которые в те годы военные возлагали особые надежды. Под Самарой построили завод по производству химического оружия. Это место называлось Иващенко, потом его переименовали в Троцк — в честь первого председателя Реввоенсовета, а после высылки Троцкого, в 1929 году, на карте появился Чапаевск. Совместное предприятие действовало на базе взрывного завода им. Троцкого, который производил капсулы и тротил.

На полигонах в Шиханах и в Тоцке (где после Второй мировой войны проводились ядерные испытания) немцы тренировались в применении химического оружия. Красноармейцы перенимали ценный немецкий опыт — именно германская армия в Первую мировую использовала отравляющие газы против французских и британских войск. К счастью, во Второй мировой Адольф Гитлер, сам едва не ослепший от отравляющих газов, так и не решился пустить в ход химическое оружие.

В те годы германский военный опыт тщательно изучался советскими военачальниками.

Михаил Васильевич Фрунзе, высоко ценивший Генеральный штаб немецкой армии, писал: «Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощной, стройной системой организации вооруженных сил».

Советским военачальникам нравился ярко выраженный наступательный дух немецкой армии. Историки говорят, что они относились к ней с уважением, а то и восхищением, с оттенком зависти.

Летом 1925 года с санкции Фрунзе немецких наблюдателей впервые пригласили на маневры Красной армии. В Берлине сделали ответный жест. На немецких маневрах присутствовал Тухачевский, тоже большой сторонник сближения с Германией. Практика обмена военными наблюдателями прижилась.

Политуправление Красной армии познакомило партийное руководство страны с мнением одного из командиров, который, пройдя стажировку в Германии, составил отчет об увиденном: «По нашим наблюдениям, дисциплина в рейхсвере очень высока, и служебная исполнительность, поведение вне службы буквально безупречны.

Культурный уровень офицера, унтер-офицера и солдата в сравнении с нашими условиями, на мой взгляд, очень высок. На занятиях, упражнениях грубый повышенный окрик начальника почти не приходится слышать. Подготовка унтер-офицеров так высока, что они на себе выносят все тяжести повседневной службы и работы. Солдаты на зимних классных занятиях во многих частях изучают высшую математику...»

Немецкий фельдфебель и унтер-офицер славились свирепостью и сквернословием. Что же, в таком случае, творилось в казармах Красной армии, если немецкая армия, поведение унтер-офицеров показались нашим командирам образцом высокой культуры?

А в военной промышленности взяли курс на создание всего необходимого Красной армии оружием своими силами: страна не может зависеть от импортных поставок.

В ноябре 1921 года руководитель Главного управления военной промышленности инженер Петр Алексеевич Богданов доложил Ленину: военная промышленность на грани катастрофы, а старые запасы оружия, снаряжения и боеприпасов исчерпаны. Богданов считал необходимым планомерное создание отдельной отрасли военной промышленности, которая полностью обеспечит нужды Красной армии.

Тридцатого марта 1923 года на пленуме ЦК образовали комиссию по обороне, в которую вошел и Фрунзе. Комиссию возглавил Троцкий. Он и в годы Гражданской войны понимал важность развития военной промышленности. В августе 1919 года поставил вопрос о «создании второй промышленной базы на Урале». Ценность этой идеи станет ясна уже во время Великой Отечественной.

Двадцать девятого января 1923 года Богданов отправил письмо Троцкому: «Настоящим ставлю Вас в известность, что состояние военной промышленности к концу Гражданской войны пришло в крайнее расстройство. Мой вывод: нельзя при настоящем состоянии военной промышленности вести серьезную военную кампанию».

Другие руководители оборонных заводов конкретизировали: «В 1923 году мы не смогли бы вооружить и обмундировать армию, потребную для большой войны на Западном фронте. Количества имеющегося оружия не хватило бы для борьбы даже с одной Польшей».

Сейчас трудно себе представить, что в те годы возможное столкновение с Польшей и Румынией (сравнительно небольшими государствами) пугало руководство Красной армии. Оно полагало, что Польша готовится напасть на Советский Союз, желая отторгнуть Украину и Белоруссию.

Фрунзе считал опасной польскую армию, требовал, чтобы Красная армия «в любой момент была готова к выступлению». Нарком предлагал европейским соседям внять «голосу разума и воздержаться от авантюристических попыток вмешиваться в наши или внутригерманские дела». Предупреждал: «Во всяком случае они должны будут считаться с тем, что попытка удушения германской революции польскими штыками им даром не пройдет» (Новая и новейшая история. 2002. № 4).

Второго февраля 1925 года Главное управление военной промышленности попросило Фрунзе разработать пятилетний план заказов на оружие и снаряжение, принять решение о создании мобилизационных запасов и переориентировать «так называемую гражданскую промышленность» на выпуск военной продукции. Имелось в виду «охватить все виды промышленности как государственной, так и

кооперативной, кустарной, концессионной и частной».

Но сам главк военной промышленности находился у чекистов на подозрении. Особый отдел доложил в Центральную контрольную комиссию партии: в аппарате слишком много «бывших» — дворян, офицеров царской армии, купцов и казаков, а партийная прослойка незначительна — членов партии и комсомольцев всего десять.

Постановлением Совета труда и обороны, которое подписал Лев Каменев, Главвоенпром переименовали в Производственное объединение военной промышленности (Военпром). И создали Военно-промышленное управление в составе ВСНХ. Отраслевых наркоматов тогда не было, и ВСНХ занимался всей промышленностью страны. Одновременно был решен вопрос о проверке чекистами высшего административного и технического персонала оборонного комплекса «с точки зрения преданности советской власти».

Дзержинский как председатель ВСНХ распорядился: «Необходимо послать в военную промышленность лучших работников. Денег сейчас не получим. Надо будет жестко сокращать служащих, рабочих, подтянуть дисциплину, упорядочить финансы. Нужны крепкие люди».

В Военно-промышленном управлении составили правила внутреннего распорядка, где говорилось, что «рабочий имеет право в течение месяца ругаться два раза, не будучи привлечен к ответственности». Квалифицированными рабочими оборонных заводов дорожили. Им выдавали красноармейский паек: на месяц — 14 килограммов хлеба, полтора килограмма крупы, три с половиной килограмма овощей, полкило сахара, килограмм с небольшим сельди и жиров (см.: Советское военно-промышленное производство. 1918–1926. Сборник документов. М., 2005. Т. 2).

Еще в Первую мировую стало ясно, что отечественные заводы производят лишь половину необходимого для армии числа винтовок. Пулеметы «максим» по лицензии бельгийской компании «Виккерс» производил Тульский завод. А в Гражданскую воевали в основном старыми запасами царской армии. Начальник Штаба РККА Сергей Каменев доложил Фрунзе, что отечественная промышленность не выпускает достаточного количества пулеметов и артиллерийских орудий.

«Пулемет, — били тревогу руководители военной промышленности, — требует высокой сознательности бойца не только потому, что он очень сложен и чувствителен к неряшливому отношению, но и потому, что в руках неопытного и панического бойца он может поглотить без необходимости огромное количество патронов. У нас во время

Гражданской войны не было надлежащей дисциплины огня, поэтому расход патронов был чрезвычайно велик. Это привело к парадоксальному решению: к пулемету приделали задерживатель, чтобы не расходовать много патронов».

Стали ясны и другие органические пороки псевдопланового хозяйства. Заместитель председателя Реввоенсовета Уншлихт докладывал: «Состояние военной промышленности вызывает серьезные опасения. Недоброкачество продукции, несвоевременное выполнение заказов, рост цен на продукцию, а также систематические недоделы...»

Начальник Штаба РККА Каменев в марте 1925 года направил Фрунзе докладную записку с предложением не только модернизировать военные заводы, но и убрать с них любое побочное производство: пусть оборонный комплекс сосредоточится на армейских заказах. Как человек старой закалки он, конечно, понимал, что предприятие должно получать прибыль, то есть торговать оружием: «Было бы хорошо, чтобы наше военное производство нашло себе сбыт где-либо на стороне. Но, чтобы этого добиться, необходимы образцы самого нового оружия. Ведь смешно предлагать устаревшее оружие и рассчитывать, чтобы устаревшее оружие нашло себе сбыт. Мы неоднократно получали предложение на закупку автоматов то Мадсена, то Томпсона, то Маузера. И почему это мы получали? Только потому, что эти фирмы предлагали новые образцы».

Но как заинтересовать завод, работающий по законам советской плановой экономики, в создании новых образцов? Этого Каменев не знал.

Именно тогда возникла идея создания разветвленной специализированной военной промышленности, которая не выпускает гражданской продукции, и поддержания в базовых отраслях экономики высокой степени мобилизационной готовности. Стране приходилось тратить огромные ресурсы на наращивание мобилизационных мощностей. В рыночной экономике поддерживать резервные мощности в военной промышленности практически невозможно. Зато в рыночной системе, заботясь о прибыли, быстро осваивают всё новое, а в случае необходимости стремительно налаживают выпуск любой продукции, нужной вооруженным силам.

Плановая экономика советского образца, к сожалению, не обеспечивала вооруженные силы современным оружием в нужном количестве. Сергей Каменев прозорливо предупреждал: «Будущее оружие пехоты, несомненно, будет либо автоматическое ружье, либо автомат в чистом виде, и к этому оружию мы должны идти». Но Красная армия начнет Великую Отечественную без достаточного количества

автоматического оружия.

Самолеты в России строили еще с царских времен. Правда, в Гражданскую выпускали в год всего несколько сот машин. Первый советский истребитель И-1, сконструированный Николаем Николаевичем Поликарповым, появился в 1923 году.

А своих танков не делали. Выпускали только броневики — на столичном Бронеавтомобильном заводе. И бронированные поезда. К концу Гражданской действовали почти семь десятков бронепоездов.

Танкостроение же пришлось начинать с нуля. Управление броневых сил РККА летом 1922 года докладывало в Реввоенсовет: «В последнюю войну появился новый вид оружия — забронированные поезда, автомобили, танки. Победа досталась союзникам благодаря технике, давшей им возможность бросать на поля битв в громадном количестве эти грозные, деморализующие средства боя.

В начале 1915 года у нас появляются забронированные автомобили заграничного производства и продолжают поступать к нам до половины 1917 года. К началу 1919 года у наших западных соседей появились танки — особая разновидность бронированного автомобиля. В связи с победами Красной армии над Деникиным, Миллером и другими с начала 1920 года к нам в руки попали в качестве трофеев эти типы бронемашин, были немедленно применены нами к боевому делу и дали тотчас же блестящие результаты... При дальнейших усовершенствованиях, когда танки будут в состоянии плавать по воде и летать по воздуху, им предстоит колоссальная будущность».

Техническое танковое бюро было создано в мае 1924 года в Главном управлении военной промышленности ВСНХ. С благословения Фрунзе сотрудники бюро разработали легкий танк МС-1 («малый сопровождения пехоты»). Вооружение состояло из 37-миллиметровой пушки и двух пулеметов. Скорость — 22 километра в час, толщина брони — 18 миллиметров.

Его серийное производство началось после смерти Фрунзе на ленинградском заводе «Большевик». В войска танк поступал под названием Т-18. С него, собственно, и открывается история советского танкостроения. Всего произвели 900 машин.

Михаил Васильевич поддержал главного энтузиаста танкостроения — Владимира Кириаковича Триандафиллова. Он прошел Первую мировую, дослужился до штабс-капитана. В Гражданскую командовал полком и бригадой, получил орден Красного Знамени. Он автор известных в свое время книг — «Характер операций современных армий», «Вопросы

подготовки войсковых штабов».

Триандафиллов, возможно, первым заговорил о том, что будущая война будет носить совершенно иной характер и ее исход в значительной степени определится широким использованием техники. Триандафиллов не раз ездил в Германию, знакомился с опытом и достижениями рейхсвера. А молодые немецкие офицеры уже бредили танками. Осенью 1925 года Триандафиллова назначили начальником Оперативного управления Штаба РККА.

А начальником Военно-технического управления РККА Фрунзе в 1924 году сделал Иннокентия Андреевича Халепско-го. Телеграфист по профессии, всю Гражданскую войну он налаживал связь на фронтах. В военном ведомстве он был самым технически подготовленным специалистом.

«ПОВЕСТЬ НЕПОГАШЕННОЙ ЛУНЫ»

На посту военного министра Михаил Васильевич Фрунзе пробыл совсем недолго. 31 октября 1925 года он скончался после операции, проведенной ему в Солдатенковской (ныне Боткинской) больнице. У него остановилось сердце. И сразу пошли разговоры о том, что «Фрунзе зарезали».

В майском номере журнала «Новый мир» за 1926 год появилась «Повесть непогашенной луны» известного писателя Бориса Андреевича Пильняка (настоящая фамилия Вогау).

Сюжет читателям показался очень знакомым. В повести рассказывалось о том, как героя Гражданской войны командарма Гаврилова, страдавшего язвенной болезнью, кладут на операционный стол. Но не по рекомендации врачей, а по приказу главы государства. Командарм, предчувствуя гибельный исход операции, всё равно исполняет волю первого человека в стране. И он действительно умирает на операционном столе по вине анестезиолога, который дал больному слишком большую дозу наркоза, — «это был сердечный шок: организм, не принимавший хлороформа, был хлороформом отравлен».

Все, кто прочитал Пильняка, увидели в повести историю смерти Михаила Васильевича Фрунзе, хотя автор сделал попытку избежать этой параллели и в предисловии предусмотрительно указал: «Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его раза два. Всё это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц».

Но предисловие лишь усилило интерес к сочинению Пильняка. В Москве разразился невероятный скандал. Получалось, что руководство партии прямо обвиняется в смерти Фрунзе. Тираж пятого номера «Нового мира» — редчайший случай! — был конфискован. Руководителям редакции пришлось объясняться в ЦК.

Повести Пильняка посвящено отдельное постановление политбюро. Немногие произведения советской литературы удостоивались тогда такого внимания высшего руководства партии и государства.

Политбюро ЦК ВКП(б) 13 мая 1926 года решило:

«а) Признавая, что «Повесть о непогашенной луне» Пильняка является злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и

партии, подтвердить изъятие пятой книги «Нового мира».

б) Поставить на вид членам редакционной коллегии «Нового мира» Луначарскому и Степанову-Скворцову за помещение в «Новом мире» этого рассказа Пильняка, а тов. Полонскому, как члену редколлегии, ответственному за художественный отдел, объявить строжайший выговор.

в) Предложить т. Воронскому письмом в редакцию «Нового мира» отказаться от посвящения Пильняка с соответствующей формулировкой, которая должна быть согласована с Секретариатом ЦК.

г) Редакционной коллегии «Нового мира» одновременно с письмом тов. Воронского опубликовать свое заявление о том, что, присоединяясь к мнению тов. Воронского, она считает напечатание этого рассказа явной и грубой ошибкой.

д) Снять Пильняка со списка сотрудников журналов «Красная новь», «Новый мир» и «Звезда» (Ленинград).

е) Запретить какую-либо перепечатку или переиздание рассказа Пильняка «Повесть о непогашенной луне».

ж) Поручить тов. Бройдо пересмотреть договор, заключенный Государственным издательством с Пильняком, в целях устранения из издания тех сочинений Пильняка, которые являются неприемлемыми в политическом отношении.

з) Поручить отделу печати ЦК распространить то же и на остальные советские издательства.

и) Предложить отделу печати ЦК дать печати закрытую директиву по вопросам, связанным с закрытием «Новой России» и изъятием пятой книги «Нового мира», особенно подчеркнув в ней необходимость строго соблюдать разграничение между критикой, направленной на укрепление советской власти, и критикой, имеющей своей целью ее дискредитировать.

к) Констатировать, что вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка «Повесть о непогашенной луне» не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе, и что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском. Объявить тов. Воронскому за это выговор».

Документ готовился в спешке. Название повести указано не точно. Да и само произведение Пильняка именуется то повестью, то рассказом. Но приказ ЦК был принят к исполнению. Главлит информировал все издательства: «Секретно. Предлагается вам впредь не допускать помещения произведений Б. Пильняка в толстых партийно-советских журналах и сборниках и вычеркивать фамилию вышеназванного писателя

из списка сотрудников этих журналов».

В сталинской команде повесть Пильняка истолковали как попытку оппозиции опорочить генерального секретаря в разгар борьбы против Троцкого. Иван Михайлович Гронский, партийный работник, а затем редактор «Известий» и «Нового мира», утверждал: «Содержание «Повести непогашенной луны», по словам Пильняка, было ему подсказано троцкистами — А. К. Воронским, К. Б. Радеком и В. В. Полонским. Последний напечатал ее, не согласовав с двумя другими редакторами — И. И. Скворцовым-Степановым и А. В. Луначарским.

Этой повестью троцкисты намеревались нанести удар по руководству партии. Частично это удалось. По поводу этой повести я беседовал с Радеком и Воронским, ссылаясь на устное заявление Пильняка в разговоре со мной. Оба они подтвердили правильность заявления Пильняка. Я назвал повесть Пильняка идеологической диверсией».

И до появления повести в Москве поговаривали, что смерть Фрунзе подозрительна. Но сходились в том, что операция была плохо проведена и вина лежит на неумелых или плохо подготовившихся хирургах.

Нарком внешней торговли Леонид Красин, которого через месяц после смерти Фрунзе положили в ту же Кремлевскую больницу, пессимистически писал жене: «Лечиться здесь я всё равно не буду — особенно после того, когда на Фрунзе наши эскулапы так блестяще демонстрировали свое головотяпство».

И лечившийся за границей нарком иностранных дел Георгий Чичерин тоже вспомнил историю смерти Фрунзе, когда Сталин и Молотов уговаривали его вернуться домой, обещая медицинскую помощь столь же высокого уровня.

«Мой переезд никто удобно устроить не может, ибо тряска поезда и качка парохода неустраимы, — ответил Чичерин из Германии. — При случае приходится и на верную смерть ехать, можно и на почти верный паралич ехать, и эта пытка, каковой для меня являются тряска и качка, может быть необходима, но целесообразно ли? Публика будет говорить гадости, вспоминать непогашенную луну и прочее — желательно ли?»

У Пильняка в «Повести непогашенной луны» фактически речь шла о заговоре.

Когда Фрунзе скончался, писатель находился за границей. Вернувшись, узнал о смерти председателя Реввоенсовета, наделавшей много шума, и засел за письменный стол. В считанные недели повесть была завершена.

Многое Пильняку поведал редактор журнала «Красная новь»

литературный критик Александр Константинович Воронский, давно друживший с Фрунзе. Они вместе работали еще в Иваново-Вознесенске, где Воронский редактировал ежедневную газету «Рабочий край». Потрясенный смертью старого друга и соратника, Воронский, похоже, и в самом деле полагал, что в трагическом исходе хирургической операции повинно политбюро, которое настаивало на том, что Михаил Васильевич должен активно лечиться.

Уже после выхода повести Воронский, оправдываясь, писал Горькому: «С высокими людьми после пильняковской вещи у меня довольно натянутые отношения. Меня обвиняют в инспирации Пильняка. Кое-что он, правда, узнал от меня, но в самом главном я неповинен».

Литературный критик Александр Константинович Воронский много сделал для развития отечественной словесности, но имел несчастье во время внутрипартийных дискуссий поддержать точку зрения Троцкого. В январе 1929 года Воронского арестовали и приговорили к пяти годам заключения в политизоляторе. За него вступился кандидат в члены политбюро Серго Орджоникидзе. Ограничились тем, что сослали Воронского в Липецк. Потом разрешили вернуться в столицу, дали работу. А в годы массовых репрессий, когда Орджоникидзе не стало, вновь арестовали и расстреляли...

У Бориса Пильняка, не имевшего медицинского образования, явно был врач-консультант, чьи оценки служили для него ориентиром. Возможно, ход операции, приведшей к смерти Фрунзе, писателю подробно описал профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев.

Профессор Института функциональной диагностики и консультант Лечебно-санитарного управления Кремля Плетнев был известным медиком, к его помощи прибегали самые видные люди в стране. Близость к власти оказалась для профессора губительной. Чекисты пристегнули его к первому делу врачей. 8 июня 1937 года в «Правде» появилось открытое письмо некой пациентки профессора Плетнева. По существу это был смертный приговор: «Будьте прокляты, преступник, надругавшийся над моим телом! Будьте прокляты, садист, применивший ко мне свои гнусные извращения. Будьте прокляты, подлый преступник, наградивший меня неизлечимой болезнью, обезобразившей мое тело. Пусть позор и унижение падут на вас, пусть ужас и скорбь, плач и стенания станут вашим уделом, как они стали моим, с тех пор, как вы, профессор-преступник, сделали меня жертвой вашей половой распущенности и преступных извращений».

Письмо опубликовали в главной партийной газете страны для того, чтобы подорвать репутацию профессора. Вскоре последовал арест.

Плетнева и еще нескольких видных врачей обвинили в том, что они умертвили Горького и его сына Максима, а также председателя ОГПУ Вячеслава Менжинского. В 1938 году Плетнева приговорили к смертной казни вместе с бывшим членом политбюро Николаем Ивановичем Бухариным, бывшим наркомом внутренних дел Генрихом Григорьевичем Ягодой и многими видными партийными работниками.

Автора «Повести непогашенной луны» фактически включили в черный список запрещенных писателей. Однако дальнейшие репрессии в ту пору не последовали. Пильняку вскоре позволили печататься и даже ездить за границу, что считалось неслыханным благодеянием. Такая снисходительность неприятно удивила коллег по перу.

Седьмого ноября 1935 года Горький, находясь в Крыму, составил для секретаря ЦК Андрея Андреевича Андреева, которому поручили заниматься культурой, обширное послание о ситуации в писательском мире.

В частности, Горький писал: «Отношение к литераторам очень пестрое. Существует «меценатство», и весьма часто литератор ценится не по заслугам его, а по симпатии. Пильняку прощается рассказ о смерти т. Фрунзе — рассказ, утверждающий, что операция была не нужна и сделали ее по настоянию ЦК... Это, разумеется, создает в среде литераторов рассуждения и настроения дрянные».

Подумав, Горький упоминание о Пильняке из письма, которое он на следующий день отправил Андрееву, всё же вычеркнул. Видимо, понял, что писателю не пристало призывать власть быть более жестокой, чем она есть. Да и Горький напрасно укорял руководство партии в непозволительном либерализме. Ровно через два года Борис Андреевич Пильняк был арестован и в апреле 1938 года расстрелян как японский шпион.

История смерти Фрунзе много десятилетий волнует историков и врачей. Детальное медико-историческое исследование этой загадочной смерти предпринял врач с большим профессиональным опытом Виктор Тополянский в книге «Вожди в законе».

Версии гуляют разные. Одни полагают, что операция вовсе не была нужна. Другие настаивают, что хирурги действовали нарочито неумело. Третьи утверждают, что Михаилу Васильевичу сознательно ввели двойную дозу хлороформа, убийственную для его слабого сердца.

Разговоры о том, что Фрунзе убили врачи, возникли потому, что его оперировал в Солдатенковской больнице Владимир Николаевич Розанов, а он был известен как сталинский врач. В начале 1920-х он сделал удачную операцию генеральному секретарю — в сложных условиях вырезал ему

аппендикс. И вроде бы в марте 1923 года Сталин позвонил Розанову и попросил его участвовать в лечении Ленина, хотя тому не требовалось хирургическое вмешательство. В этом звонке увидели хитрый ход генсека, который желал держать доверенного врача возле больного вождя.

В реальности Владимир Розанов, старший врач хирургического отделения Солдатенковской больницы, еще с 1919 года служил консультантом Лечебно-санитарного управления Кремля. Розанов ассистировал во время операции, когда Ленину удаляли пулю, которая сидела в нем с 1918 года (после выстрела Фанни Каплан)...

Главный вопрос: нуждался ли Фрунзе в операции? Язвенную болезнь можно лечить и консервативно, не прибегая к оперативному вмешательству.

Константин Фрунзе, его старший брат, врач по профессии, нашел у Михаила Васильевича желудочную болезнь еще в 1906 году, прописал строгую диету. Когда Михаил отбывал срок во Владимирском центре, то жаловался на боли в желудке.

В 1916 году его оперировали по поводу острого аппендицита. 11 октября Фрунзе писал из Минска сестре Людмиле: «Завтра я ложусь в больницу. Делаю операцию аппендицита». После операции Фрунзе ездил в Москву, отдыхал. Но операция была сделана не очень удачно и давала о себе знать. Фрунзе много лет страдал от болей в желудке, у него диагностировали язвенную болезнь двенадцатиперстной кишки. Потом у него начались опасные кишечные кровотечения, которые надолго укладывали его в постель.

В годы Гражданской войны ему иной раз приходилось руководить боевыми действиями, не вставая с постели. Лечиться он не любил. Когда мучили боли, глотал разведенную в воде пищевую соду. В 1922 году его хотели отправить пить лечебные воды на знаменитый курорт Карлсбад (ныне Карлови-Вари), что помогает многим язвенникам. Высших советских чиновников тогда часто отправляли лечиться за границу, не доверяя отечественной медицине.

Большевистские лидеры, компенсируя себе трудности и неудобства былой подпольной или эмигрантской жизни, быстро освоили преимущества своего нового высокого положения. Они не спорили, когда врачи, тонко чувствовавшие настроения своих высокопоставленных пациентов, предписывали им длительный отдых в комфортных условиях. Лечились за границей, в основном в Германии, ездили в санатории, не отказывались от длительных отпусков.

Михаил Васильевич наотрез отказался.

Тяжесть болезни Фрунзе была очевидной тем, кто его близко знал. 20

апреля 1923 года известный партийный работник Сергей Константинович Минин, работавший в Петрограде секретарем Северо-Западного областного бюро ЦК, обратился к Ворошилову, Сталину и Орджоникидзе, с которыми был в дружеских отношениях:

«Климу. Сталину. Серго.

Меня удивляет, почему вы не обращаете необходимого внимания на болезнь Фрунзе. Правда, ЦК в прошлом году постановил, что Фрунзе должен лечиться, и дал средства. Но этого мало. Нужно проследить выполнение. Недуг у него жестокий (язва желудка) и может оказаться роковым. Врачи рекомендуют четыре месяца серьезного лечения. На будущий год это будет шесть месяцев и т. д. А потом будем, при выбытии из строя Михаила Васильевича, говорить, что вот-де как работал, забывая тяжелую болезнь и тому подобное.

Как вижу, Фрунзе совсем не собирается как следует лечиться: там-де будут маневры и проч. Необходимо по-товарищески и партийным путем заставить лечиться, как это, кажется, со многими делал т. Ленин».

В 1925 году Михаил Васильевич ко всем прочим неприятностям трижды попадал в автомобильные аварии, что при скромном состоянии автопарка того времени представляется невероятным. Правда, и характер дорожно-транспортных происшествий был иным, нежели ныне. Так, в начале сентября он выпал из машины на полном ходу и сильно ушибся.

Он взял отпуск. 7 сентября уехал в Крым. В Мухалатке отдыхали Сталин и Ворошилов. Фрунзе намеревался ездить с ними на охоту. Надеялся, что на свежем воздухе всё пройдет. Но у него открылось кровотечение. Врачи, боясь за жизнь высокопоставленного пациента, почти насильно уложили его в постель.

Двадцать девятого сентября все трое уехали в Москву. По дороге Михаил Васильевич еще и простудился. В Москве Фрунзе сразу же отправили в Кремлевскую больницу.

Восьмого октября под руководством наркома здравоохранения РСФСР Николая Александровича Семашко дюжина врачей осмотрела Фрунзе. Консилиум пришел к выводу, что существует опасность прободения язвы, поэтому больному показана хирургическая операция. Это мнение не было единодушным. Некоторые врачи высказывались за консервативное лечение. В необходимости операции сомневался и Владимир Николаевич Розанов.

Рассказывают, будто Розанова приглашали Сталин и Зиновьев, спрашивали его мнение о состоянии Фрунзе. Профессор предлагал отсрочить операцию, а Сталин будто бы просил не медлить: председатель Реввоенсовета нужен стране и партии. Но не стоит обвинять известного

хирурга в сервильности и неспособности отстоять свое мнение.

«В двадцатых числах октября 1925 года, — писал в воспоминаниях Анастас Иванович Микоян (в ту пору секретарь Северо-Кавказского крайкома партии), — я приехал по делам в Москву и, зайдя на квартиру Сталина, узнал от него, что Фрунзе предстоит операция. Сталин был явно обеспокоен, и это чувство передалось мне.

— А, может быть, лучше избежать этой операции? — спросил я.

На это Сталин ответил, что он тоже не уверен в необходимости операции, но на ней настаивает сам Фрунзе, а лечащий его виднейший хирург страны Розанов считает операцию «не из опасных».

— Так давай переговорим с Розановым, — предложил я Сталину.

Он согласился. Вскоре появился Розанов, с которым я познакомился годом раньше в Мухалатке.

Сталин спросил его:

— Верно ли, что операция, предстоящая Фрунзе, не опасна?

— Как и всякая операция, — ответил Розанов, — она, конечно, определенную долю опасности представляет. Но обычно у нас такие операции проходят без особых осложнений, хотя вы, вероятно, знаете, что и обыкновенные порезы приводят иной раз к заражению крови. Но это очень редкие случаи.

Всё это было сказано Розановым так уверенно, что я несколько успокоился. Однако Сталин всё же задал еще один вопрос, показавшийся мне каверзным:

— Ну а если бы вместо Фрунзе был, например, ваш брат, стали бы вы делать ему такую операцию или воздержались бы?

— Воздержался бы, — последовал ответ.

— Почему?

— Видите ли, товарищ Сталин, — ответил Розанов, — язвенная болезнь такова, что, если больной будет выполнять предписанный режим, можно обойтись и без операции. Мой брат, например, строго придерживался бы назначенного ему режима, а ведь Михаила Васильевича, насколько я его знаю, невозможно удержать в рамках такого режима. Он по-прежнему будет много разъезжать по стране, участвовать в военных маневрах и уж наверняка не будет соблюдать предписанной диеты. Поэтому в данном случае я за операцию...»

В мемуарах Микоян пишет, что потом ему рассказывали, будто сам Фрунзе в письмах жене возражал против операции, писал, что чувствует себя гораздо лучше, он не видит необходимости предпринимать радикальные меры и не понимает, отчего врачи твердят об операции.

«Это меня поразило, — пишет Микоян, — так как Сталин сказал мне, что сам Фрунзе настаивает на операции. Мне сказали, что Сталин разыграл с нами спектакль «в своем духе», как он выразился. Розанова он мог и не вовлекать, достаточно было ГПУ «обработать» анестезиолога...»

Мемуарная литература — не самый надежный источник, когда речь идет о конкретных фактах, поскольку воспоминания создаются через много лет после описываемых событий. К тому же мемуары обыкновенно правятся, а иногда дописываются редакторами и составителями.

В реальности Фрунзе не только не сопротивлялся операции, а, напротив, просил о ней. Об этом свидетельствуют письма жене, Софье Алексеевне, которая лечилась в Ялте от туберкулеза. По совету врачей Фрунзе отправлял ее и в Финляндию, и в Крым, но ничего не помогало. Софья Алексеевна чувствовала себя плохо, не вставала. Врачи рекомендовали ей с сыном Тимуром и дочкой Татьяной провести в Ялте всю зиму. Она тревожилась: хватит ли им денег?

Фрунзе старался ее успокоить: «Советы врачей относительно Ялты считаю правильными. Попробуйте провести зиму там. С деньгами как-нибудь справлюсь. При условии, конечно, что ты не будешь оплачивать из своих средств все визиты врачей. На это никаких заработков не хватит. В последний раз взял из ЦК денег. Думаю, что зиму проживем. Лишь бы только ты прочно стала на ноги. Посылаю своего порученца — устроить все для жительства в Ялте».

Двадцатого октября 1925 года Фрунзе написал жене: «От тебя что-то долго нет сообщений. Если верить телеграммам, то как будто бы температура нормальная и сон у тебя лучше. Ну а как со всем остальным?

Я всё еще в больнице. В субботу будет новый консилиум. Я сейчас совсем здоров. Боюсь, как бы не отказались от операции».

Он тосковал без детей, отдохавших в Алушке. Отправил сыну открытку: «Здравствуй, Тимурка! Ты еще не забыл своего папу? Он очень соскучился».

И другую — дочери: «Здравствуй, Чинара-Танечка! А у нас мороз, везде на улицах и на домах снег. Настоящая зима. Смотрю в окно и вижу, как на дворе мальчики и девочки лепят бабу. Вот такую же, как на этой картинке. А у вас, верно, еще совсем тепло. Жду от тебя письма».

В следующем консилиуме 24 октября приняли участие уже 17 специалистов. Они пришли к прежнему выводу: «Давность заболевания и склонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением».

При этом врачи предупредили Фрунзе, что операция может оказаться

трудной и серьезной и не гарантирует стопроцентного излечения. Тем не менее Михаил Васильевич, как рассказывал впоследствии профессор Иван Иванович Греков, «пожелал подвергнуться операции, так как считал, что его состояние лишает его возможности продолжать ответственную работу».

Иван Гронский встретил Фрунзе в Кремлевской больнице, которая располагалась тогда в Потешном дворце.

«Больница, несмотря на ее громкое название, была более чем маленькой. Да и больных в ней, как я узнал, было немного: всего лишь человек десять-пятнадцать.

В небольшой чистенькой комнате — палате на втором этаже, куда меня поместили, не было ничего примечательного: простая металлическая кровать, два или три венских стула, тумбочка и простой стол, вот, пожалуй, и вся обстановка. Поразили меня только, пожалуй, толстенные стены Потешного дворца...»

Сначала в Кремле установили два зубо врачебных кресла. Когда в 1918 году началась эпидемия сыпного тифа, нарком здравоохранения Николай Семашко и управляющий делами Совнаркома Владимир Бонч-Бруевич утвердили «План организации санитарного надзора Кремля». Сразу после смерти Ленина, буквально через неделю, 31 января 1924 года на пленуме ЦК Ворошилов сделал доклад «О здоровье партверхушки». После этого началось создание особой, разветвленной системы медицинского обслуживания высшей номенклатуры. Но к моменту операции Фрунзе Кремлевская больница пребывала еще в зачаточном состоянии.

Гронского врачи тоже предупредили, что его, может быть, придется оперировать.

— Ну что же, — сказал Фрунзе, — если понадобится операция, то поедem в Боткинскую больницу вместе.

— Почему в Боткинскую? — поинтересовался Гронский.

— Хирургического отделения в Кремлевской больнице нет, поэтому хирургических больных и отправляют туда.

— А почему вас, Михаил Васильевич, отправляют туда? Требуется операция? Что-нибудь серьезное?

— Врачи находят что-то не в порядке с желудком. То ли язва, то ли что-то другое. Одним словом, требуется операция...

Через день Гронский вновь встретил Фрунзе.

«Он стоял у гардероба, расположенного рядом с лестницей. Он был в тяжелом состоянии. Лицо приобрело необычный темный цвет. Михаил Васильевич получал одежду. Поздоровавшись, я спросил: уж не в Боткинскую ли больницу он собирается?»

— Вы угадали. Еду туда. Когда вы приедете, известите. Продолжим наши беседы.

М. В. Фрунзе был, как всегда, спокоен. Говорил ровно. Только на лице не было обычной приветливой улыбки. Оно было сосредоточенно-серьезным. Мы крепко пожали друг другу руки. Я пошел на консилиум и не подозревал, что больше уже никогда не увижу этого обаятельного человека... О смерти Фрунзе я узнал от профессора Розанова, который должен был оперировать и меня. К счастью, мне операция не потребовалась».

Накануне операции Михаил Васильевич написал последнее письмо жене в Ялту: «Ну вот, наконец, подошел и конец моим испытаниям! Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах.

Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично я этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение.

У меня самого всё чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо, в противном случае, как-то трудно объяснять факты моей быстрой поправки после отдыха и лечения. Ну, уж теперь недолго ждать...»

Он был очень огорчен тяжелым состоянием жены: «Твои письма получил. Читал их прямо с мукой. Что это, действительно, навалились на тебя все болезни! Их так много, что прямо не верится в возможность выздоровления. Ты даже и не ходишь. Никуда не годится, синьора дорогая.

Надо попробовать тебе серьезно взяться за лечение. Для этого надо прежде всего взять себя в руки. А то у нас всё как-то идет хуже и хуже. От твоих забот о детях выходит хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья Фрунзе какая-то трагическая... Все больны и на всех сыпятся все несчастья!..» И правда, мы представляем какой-то непрерывный, сплошной лазарет. Надо попытаться изменить это всё решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе...»

Это письмо объясняет, почему Фрунзе сам хотел операции. Ему надоело числиться среди хворых и слабых. Он надеялся разом избавиться от своих недугов. Предсмертное письмо жена не успела получить. Быстрее пришла телеграмма о смерти Михаила Васильевича...

Тем не менее при всём своем мужестве Фрунзе, как и любой человек, конечно же, боялся операции. Жене Михаила Павловича Томского, члена

политбюро и секретаря ВЦСПС, зашедшей его проведать, Фрунзе как-то скорбно сказал:

— Вот побрился и новую белую рубашку одел. Чувствую, Мария Ивановна, что на смерть иду, а умирать-то не хочется.

После его смерти эти слова покажутся предчувствием смерти. Но он вел себя так, как любой человек, ожидающий серьезной хирургической операции. Кто и когда с радостью ложился под нож хирургов?

Старого друга Иосифа Карловича Гамбурга, с которым отбывал ссылку в Сибири, Михаил Васильевич попросил, если умрет под ножом, похоронить его в Шуе. Лежа на больничной койке, Фрунзе будто бы говорил:

— Если что-то произойдет со мной, я прошу тебя пойти в ЦК и сказать о моем желании быть похороненным в Шуе. Мне думается, это будет иметь и политическое значение. Рабочие будут приходить на мою могилу и вспоминать о бурных днях 1905 года и Великой Октябрьской революции. Это поможет им в их большой работе в будущем...

Если бы Михаил Васильевич и в самом деле говорил нечто подобное, это свидетельствовало бы о настоящей мании величия. Но поскольку ни в чем таком Фрунзе замечен не был, то остается предположить, что его старый друг, назначенный в 1925 году помощником начальника военно-воздушных сил Красной армии, приукрасил разговор в духе того времени...

В воспоминаниях маршала Буденного тоже есть рассказ о посещении Фрунзе в больнице.

— Прямо не верится, что сегодня операция, — сказал Фрунзе.

— Тогда зачем вам оперироваться, если всё хорошо? — удивился гость. — Кончайте с этим делом, и едем домой. Моя машина у подъезда.

Отличавшийся богатырским здоровьем Семен Михайлович к врачам обращался редко и искренне не понимал, что Фрунзе делает в больнице. Буденный бросился к шифоньеру, подал Фрунзе обмундирование и сапоги. Михаил Васильевич, казалось, согласился. Он надел брюки и уже накинул на голову гимнастерку, но на мгновение задержался и снял.

— Да что я делаю? — недоуменно проговорил он. — Собираюсь уходить, даже не спросив разрешения врачей.

Буденный не отступал:

— Михаил Васильевич, одевайтесь, а я мигом договорюсь с докторами.

Но Фрунзе отказался от этой услуги. Он решительно разделся и снова лег в постель.

— Есть решение ЦК, и я обязан его выполнять...

Воспоминания Буденному писали военные журналисты, специально прикрепленные к маршалу Главным политическим управлением Советской армии и Военно-морского флота, так что и к этому рассказу следует относиться с осторожностью.

Операция началась 29 октября после полудня. Оперировал наркома Розанов, ассистировали известнейшие хирурги Иван Иванович Греков и Алексей Васильевич Мартынов, наркоз давал Алексей Дмитриевич Очкин. За ходом операции наблюдали сотрудники Лечебно-санитарного управления Кремля.

Фрунзе с трудом засыпал, поэтому операцию начали с получасовым опозданием, пишет Виктор Тополянский. Вся операция продолжалась 35 минут, а наркоз больному давали больше часа. Судя по всему, сначала использовали эфир, но поскольку Фрунзе не засыпал, наркоз изменили. Прибегли к хлороформу — это очень сильное и опасное средство. Передозировка хлороформа смертельно опасна. Во время операции использовали 60 граммов хлороформа и 140 граммов эфира. Это значительно больше, чем можно было дать Михаилу Васильевичу.

Выступая перед правлением общества старых большевиков (председательствовал Николай Ильич Подвойский), нарком здравоохранения Семашко прямо сказал, что причиной смерти Фрунзе стало неправильное проведение наркоза, и добавил, что если бы он присутствовал на операции, то, конечно же, прекратил бы наркоз...

Во время операции у Фрунзе стал падать пульс, ему стали вводить препараты, стимулирующие сердечную деятельность. В те годы таким средством считался адреналин. Кардиологам еще не было известно, что сочетание хлороформа и адреналина приводит к нарушению сердечного ритма.

Сразу после операции сердце стало отказывать. Попытки восстановить сердечную деятельность не дали успеха. Через 39 часов, в пять сорок утра 31 октября 1925 года, Фрунзе скончался от сердечной недостаточности.

ЭПИЛОГ

Буквально через десять минут — по пустым тогда московским улицам проехать было не трудно — в больницу примчались генсек Иосиф Виссарионович Сталин, глава правительства Алексей Иванович Рыков, заместитель председателя Реввоенсовета Иосиф Stanisлавович Уншлихт, начальник Политуправления РККА Алексей Сергеевич Бубнов, секретарь президиума ЦИКа Амель Сафронович Енукидзе и секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Анастас Иванович Микоян.

Правительственное сообщение гласило:

«В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе... В лице покойного сошел в могилу виднейший член правительства, один из лучших организаторов и руководителей Советского государства... Утрата т. Фрунзе особенно тяжела в настоящий момент, когда в связи с хозяйственным восстановлением государства и ростом к нему сочувствия со стороны трудящихся всего мира растет и ненависть мировой буржуазии к Республике Советов».

В «Бюллетене о смерти М. В. Фрунзе» говорилось:

«После 24 часов 30 октября тов. Фрунзе М. В., несмотря на все принятые меры для поднятия сердечной деятельности, при непрерывной консультации профессоров И. И. Грекова, А. В. Мартынова, Д. Д. Плетнева, В. Н. Розанова, П. Н. Обросова и врачей А. Д. Очкина и Б. О. Ноймана, в 5 час. 40 мин. 31 октября скончался при явлениях паралича сердца. Затемнение сознания началось за 40 мин. до кончины».

Перед вскрытием тела руководители ЦК, правительства и Реввоенсовета вновь приехали в анатомический театр Солдатенковской больницы.

Профессор Алексей Иванович Абрикосов (будущий академик и Герой Социалистического Труда), который произвел вскрытие, составил заключение, также опубликованное 1 ноября 1925 года в «Правде»:

«Заболевание Михаила Васильевича, как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличии круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцовых разрастаний вокруг двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря; с другой стороны, в качестве последствий от бывшей в 1916 году операции — удаления червеобразного

отростка, имелся старый воспалительный процесс в брюшной полости.

Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повело за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвития аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

Наблюдавшиеся в последнее время кровотечения из желудочно-кишечного тракта объясняются поверхностными изъязвлениями (эрозиями), обнаруженными в желудке и двенадцатиперстной кишке и являющимися результатом упомянутых выше рубцовых разрастаний».

Вскрытие подтвердило диагноз, поставленный Михаилу Васильевичу: он действительно по всем показателям нуждался в хирургической операции.

«Резкое органическое сужение выходной части желудка (стеноз привратника), повторные кишечные кровотечения и наличие глубокой каллезной язвы, не поддающейся терапевтическому вмешательству, были и остаются прямыми показаниями к хирургическому вмешательству», — пишет Виктор Тополянский.

Но вскрытие не давало четкого ответа на вопрос: почему Фрунзе умер сразу после операции?

Владимир Николаевич Розанов был опытейшим и талантливым хирургом, очень заботливо относившимся к пациентам. Столь же высоко оцениваются и его ассистенты, принадлежавшие к числу лучших хирургов страны. Так что сомнений в хирургической бригаде быть не может. А вот врач, дававший наркоз, по мнению специалистов, не имел достаточного опыта.

Алексей Дмитриевич Очкин — известный медик. Ему поставлен памятник во дворе Боткинской больницы. Московская публика знала его еще и потому, что он женился на сестре основателя МХАТа Константина Сергеевича Станиславского. В нашей семье профессора Очкина хорошо помнили. Он когда-то консультировал моих дедушку с бабушкой.

Почему же действия Алексея Очкина вызывают подозрения у исследователей? А вот почему: в январе 1920 года он был назначен главным врачом госпиталя им. Буденного в Первой конной армии.

«Скорее всего, Очкина привлекли к исполнению не свойственных ему профессиональных обязанностей по распоряжению инстанций, — пишет

Тополянский. — Соответствующие инструкции мог привезти ему, в частности, его бывший командир Буденный, неожиданно возникший в его клинике утром перед операцией».

Но такие истории случаются только в авантюрных романах. Менее всего рубака Буденный годился на роль связного в таком деликатном деле. Да Семен Михайлович и не принадлежал к узкому кругу личных приближенных Сталина. Генсек его всегда поддерживал и защищал, но личного общения между ними было мало.

Кроме того — и это главное — Сталин в 1925 году — это не Сталин в 1937-м. И уж если ему хотелось от кого-то избавиться, так это не от Фрунзе, а от Троцкого. Однако к решению уничтожить Троцкого он придет через десять лет...

Через год после смерти Фрунзе его тяжело больная жена, Софья Алексеевна, покончила с собой. Остались двое детей — Татьяна и Тимур. Опекунами сирот ЦИК назначил наркома Климента Ефремовича Ворошилова, секретаря ЦИКа Авеля Сафроновича Енукидзе и близкого друга Фрунзе — Исидора Евстигнеевича Любимова.

Любимов был у Фрунзе членом Реввоенсовета Туркестанского фронта. После Гражданской войны его перевели в столицу заместителем председателя Моссовета. В 1932 году назначили наркомом легкой промышленности. 24 сентября 1937 года Любимова арестовали, через два месяца, 27 ноября, расстреляли. Одновременно расстреляли Енукидзе.

Дети покойного Фрунзе, Тимур и Татьяна, жили в семье Ворошилова. Климент Ефремович называл их фрунзенятами, заботился о них как о собственных детях.

Летом 1933 года отдохавший за границей секретарь ЦИКа Амель Сафронович Енукидзе писал Ворошилову: «Мне бы очень хотелось что-нибудь привезти Тане, но не знаю что. Мне стыдно, что только я один из троих ничего не сделал для них как опекун».

Ворошилов ответил Амелью Енукидзе: «Ты спрашиваешь, как живут наши фрунзенята. Живут нехудо, растут, мужаают. Таня уже вровень со мной. Тимур тоже вытянулся и будет, по-видимому, довольно высоким. Хорошо, что ты сам напомнил, что ребятам следовало бы кое-что купить за границей, это хорошо. Им действительно кое-что нужно купить».

Тане 2 августа исполняется тринадцать лет. В прошлом году я купил ей за границей велосипед. Теперь ей нужно купить хороший (но не сложный и не «лейку») фотоаппарат, это первое, второе, нужны ей носки и чулки № 8 (не удивляйся, что № 8, у нее нога такая же, как у Е. Д. (жены Ворошилова. — Л. М.), кроме того, если можешь, купи какие-нибудь

интересные немецкие книги (Гейне, Шиллер, например, или что-нибудь в этом духе).

Тимуру купи, пожалуйста, велосипед. В прошлом году я соорудил ему «сборный» из наших частей велосипедишко, и он был дюже огорчен, что у Тани новый, а у него плохонький. К тому же у меня теперь живет мой племянник (тоже десять с половиной лет), и они оба так «заездили» и без того убогий вело, что будет очень хорошо подарить новый велосипед Тимуру, а старый пойдет его приятелю».

Странные мысли навевает это письмо. С одной стороны, видна искренняя забота об осиротевших детях, с другой — через полтора десятилетия после революции выяснилось, что в стране невозможно купить не только велосипед, но и самое необходимое — носки с чулками. Правящая элита приспособилась приобретать всё за границей, потому и не сильно сокрушалась относительно пустых магазинов...

Сын Фрунзе в 19 лет окончил Качинскую военную авиационную школу, стал летчиком и ушел на войну. Лейтенант Тимур Михайлович Фрунзе 19 февраля 1942 года погиб в воздушном бою в районе Старой Руссы, в Новгородской области. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Дочь Фрунзе Татьяна Михайловна окончила Московский химико-технологический институт им. Д. И. Менделеева, аспирантуру, занялась наукой. Она вышла замуж за военного разведчика Анатолия Георгиевича Павлова. В начале 1960-х он служил резидентом в Лондоне под прикрытием советника посольства по науке.

Один из его подчиненных вспоминал: «Это был настоящий профессионал. Правда, вот жена не часто жаловала его визитами в Лондон. Жила она в Москве и к мужу приезжала лишь в отпуск месяца на два, максимум на три. Супругу больше интересовала ее работа, а никак не прелести и комфорт лондонской жизни, что являлось пределом мечтаний для многих других жен. Татьяна Михайловна стала доктором наук и одним из ведущих отечественных специалистов в области экспериментальной химии.

Такое родство и такие связи, безусловно, способствовали продвижению по службе супругов Павловых. Анатолий Георгиевич, например, приехал в Лондон в звании полковника, а уехал генерал-лейтенантом, получив после возвращения из командировки должность заместителя начальника Главного разведывательного управления Генштаба».

Впоследствии Анатолий Павлов вырос до генерал-полковника и

первого заместителя начальника военной разведки...

На смерть Михаила Васильевича Фрунзе откликнулись практически все политики. Его предшественник на посту председателя Реввоенсовета Лев Троцкий, отдыхавший в Кисловодске, прислал высокопарную телеграмму в ЦК: «Потрясен до глубины души вестью о кончине героического борца революции, беззаветного солдата партии, бессмертного военачальника Красной армии Михаила Васильевича Фрунзе. Какая жестокая брешь в первой шеренге партии! Какой страшный удар восьмой годовщине Октября».

По настоянию Троцкого в Кисловодске 2 ноября устроили траурное заседание, чтобы Лев Давидович имел возможность высказаться:

— Около трех часов пополудни я получил из Москвы от товарища Сталина телеграмму, которая заключала короткий, но страшный текст: «Фрунзе скончался сегодня от паралича сердца»... Завтра революционная пролетарская Москва будет хоронить почившего борца на Красной площади. Первое чувство было — туда, в Москву, где протекала работа Михаила Васильевича за последний период, чтобы отдать ему последнюю дань, в рядах его ближайших соратников и друзей. Но в субботу и в воскресенье поезда в Москву не было, а тот, что ушел сегодня, придет в Москву слишком поздно...

Произносившему эту речь Троцкому, верно, не приходила в голову мысль, что он почему-то регулярно опаздывает на похороны, имеющие большое политическое значение. Точно так же он не успел проводить в последний путь Ленина.

Но в ту минуту Лев Давидович был увлечен собственным анализом личности Фрунзе.

— Две черты одинаково характеризовали этого полководца, — говорил бывший председатель Реввоенсовета. — Прежде всего личная храбрость, которая необходима каждому воину, всё равно, рядовой ли это солдат или такой, который ведет в бой полки, отряды и армии. Личная храбрость отличала Михаила Васильевича как революционера и как солдата с головы до ног. Он не знал, что значит смятение души перед лицом врага и опасности... Но полководцу личной храбрости мало. Ему нужно мужество решения. Перед лицом врага, когда от решения зависит столь многое, естественны сомнения: каким путем ударить? какой способ избрать? как сгруппировать силы? наступать сегодня или выждать? наступать ли вообще или отступить? Есть ведь десятки возможных решений, и между этими решениями колеблется мысль, отягощенная ответственностью.

Фрунзе умел спокойно и трезво обдумывать, выслушать и взвесить.

Взвесив — твердо выбрать. А выбрав — довести до конца. У него было мужество решимости, без которого нет военачальника, нет полководца. И он непосредственно обеспечил нашей стране блестящую победу над Врангелем. Имя Фрунзе, наряду с другим именем — Перекоп, навсегда останется в памяти людской как прекрасная революционная легенда, в основе которой лежит живой исторический факт...

В протоколе заседания политбюро № 87 от 1925 года записали:

«а) Принять предложение комиссии о месте могилы т. Фрунзе — около Мавзолея, рядом с могилой Я. М. Свердлова.

б) Час выноса тела т. Фрунзе согласовать с временем приезда в Москву его жены».

Гроб с телом Фрунзе выставили в Колонном зале Дома союзов. Прощание шло два дня. Утром 3 ноября 1925 года, во вторник, его похоронили у Кремлевской стены. Выступали глава правительства Рыков, председатель Коминтерна Зиновьев, секретарь ЦК Сталин.

— Я не в состоянии говорить долго, — так начал свою речь генсек.

И действительно, был очень краток:

— В лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, честных и бесстрашных революционеров нашего времени... Этот год был проклятым для нас годом. Он вырывает из наших рядов одного работника за другим. К сожалению, следует сказать, что не так легко и просто подымать молодых товарищей на смену старым революционным бойцам. Центральный комитет поручил мне выразить перед раскрытым гробом товарища Фрунзе скорбь всей партии...

И после смерти фигуру председателя Реввоенсовета продолжали использовать в политических интригах.

Профессор Греков дал интервью нескольким газетам, в том числе «Известиям» и «Труду», рассказав журналистам: «К больному после операции никого не допускали, но, когда тов. Фрунзе сообщили, что ему прислал записку тов. Сталин, он попросил записку прочесть и радостно улыбнулся».

Записка сохранилась:

«Дружок!

Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти, — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем...

Коба».

Не только Сталин, но и Зиновьев тоже попытался в последний раз использовать авторитет покойного Фрунзе. 6 ноября 1925 года

«Ленинградская правда» поместила воспоминания медсестры, которая рассказала, что в последний день в больнице Фрунзе читал труды хозяина Ленинграда и сказал врачу: «Сейчас дочитаю книгу «Ленинизм» тов. Зиновьева, которая, по моему мнению, является одним из лучших его произведений. Советую вам обязательно прочесть...»

Через пять дней после смерти Фрунзе, 6 ноября 1925 года, Ворошилов был утвержден наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР. Это было чисто политическое назначение. Триумф Ворошилова вызвал удивление в армейской среде, где были невысокого мнения относительно военных талантов Климента Ефремовича.

После смерти Фрунзе называли «великим пролетарским полководцем», выпустили трехтомное собрание его сочинений. Началось изучение биографии и военных успехов покойного наркома. После изгнания Троцкого и расстрела в годы Большого террора практически всех крупных военачальников образовалась, как пишут культурологи, историческая дыра, которую пытались заткнуть мифологизированными фигурами вроде Василия Чапаева, Николая Щорса, Сергея Лазо, Александра Пархоменко. Фрунзе был в этом ряду единственным крупным и успешным военачальником, вписавшим свое имя в историю Гражданской войны.

Михаил Васильевич, можно сказать, был канонизирован армейскими политорганами. Но это не пошло на пользу изучению реальной жизни незаурядного человека с трагической биографией, сыгравшего столь важную роль в судьбе нашей страны.

В семье Фрунзе мужчины очень рано уходили из жизни. Отец будущего военного министра умер, когда ему было 40 с небольшим. Самому Михаилу Васильевичу исполнилось всего 40. Его сын Тимур героически погиб совсем юным. И не важно — болезнь сразила или погиб в бою. Важно другое: в этой семье мужчины себя не жалели. И потому остались в памяти благодарных потомков. За готовность жертвовать собой. За бескорыстие. За служение людям.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ФРУНЗЕ

1885, 21 января (2 февраля) — родился в городе Пишпек Семиреченской области Туркестанского края (ныне Бишкек, столица Киргизии).

1904 — поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института.

1905 — участвует в первой русской революции: организует знаменитую стачку текстильщиков в Иваново-Вознесенске, создает боевые дружины.

1909 — военным судом приговорен к смертной казни за покушение на жизнь полицейского. Приговор был отменен.

1910 — вновь приговорен к смертной казни. И снова приговор отменен, заменен каторжными работами.

1916 — бежал и перешел на нелегальное положение.

1917, март — начальник милиции в Минске.

1918, март — председатель губисполкома в Иваново-Вознесенске. Август — военный комиссар Ярославского военного округа. Декабрь — назначен командующим 4-й армией на Восточном фронте.

1919, июль — назначен командующим войсками Восточного фронта. Август — принял Туркестанский фронт.

1920, сентябрь — назначен командующим Южным фронтом.

Декабрь — утвержден командующим вооруженными силами Украины и Крыма.

1924, март — переведен в Москву и назначен заместителем председателя Реввоенсовета и народного комиссара по военным и морским делам.

1925, январь — утвержден председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам.

31 октября — умер после хирургической операции.

ИЛЮСТРАЦИИ

М. Фрунзе

Василий Михайлович — отец М. Фрунзе

Мавра Ефимовна — мать М. Фрунзе

Михаил Фрунзе — выпускник гимназии. 1904 г.

Михаил Фрунзе (крайний справа) с товарищами по институту

М. Фрунзе во Владимирской тюрьме

Группа ивановских социал-демократов во Владимирской тюрьме. 1908 г.

Дом в селе Манзурка, где М. В. Фрунзе жил в сибирской ссылке в 1914–1915 годах

Партия ссыльных подходит к Манзурке

М. Фрунзе (в центре) в группе ссыльных

Выезд в село Баяндая Иркутской губернии. На облучке М. Фрунзе, на задних сиденьях шарабана Ф. Петров и И. Гамбург

Фрунзе — «Василенко»

Вступление Красной гвардии в Кремль. Художник Э. Лиснер

М. В. Фрунзе — председатель Иваново-Вознесенского губисполкома. 1918 г.

М. В. Фрунзе среди сотрудников народной милиции. Минск, 1917 г.

М. В. Фрунзе принимает войска в крепости Кушка

М. В. Фрунзе и М. И. Калинин. Туркестанский фронт. Оренбург, 1919 г.

Формулы отнесены к действующим
В. Кобальскому по его же проекту.

R. A. Tupper, Jr. M. Johnson

Jackson $\frac{18}{17}$ 20.

Жена Фрунзе Софья Алексеевна с дочерью Татьяной

Михаил Васильевич Фрунзе с сыном Тимуром и дочерью Татьяной

М. В. Фрунзе — командующий вооруженными силами Украины и Крыма

В. И. Ленин и И. С. Сталин у прямого провода. Рисунок П. Васильева

ДОКТОР
Владимир Николаевич
РОЗАНОВ.

Салдатковский больница. Телефон № 2-28-37.

Дружок! 29/10
Вот мои слова 151.
Береги ч. Розанова
Слава милому. Ласки и
ребя заною, - не ну-
суйся, лба. Мой Владим-
рша тебе пошлет
сил. Кривое, пошл
тебе Кривое.
Мой лад придет, мой лад
придет... Мой

Записка И. В. Сталина М. В. Фрунзе на бланке доктора Розанова от 29 октября 1925 года

М. В. Фрунзе принимает парад войск на Красной площади в Москве. 1924 г.

Могила М. В. Фрунзе на Красной площади у Кремлевской стены

ЛИТЕРАТУРА

Фрунзе М. В. Неизвестное и забытое. Публицистика, мемуары, документы, письма. М.: Наука, 1991.

Фрунзе М. В. Собрание сочинений. М., 1929.

Фрунзе М. В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984.

Сборник материалов III Всесоюзного совещания по политработе в Красной армии и Флоте. М., 1924.

М. В. Фрунзе в организации разгрома Колчака. Документы Центрального архива Красной армии // Красный архив. 1939. № 2.

М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте. Документы. Вводная статья комдива Ф. Новицкого // Красный архив. 1940. № 3.

Млечин Л. М.

М 72 Фрунзе / Леонид Млечин. — М.: Молодая гвардия, 2014. — 267[5] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1483).

ISBN 978-5-235-03712-0

УДК 355.48:94(47)» 1918/1920»

ББК 63.3(2)612-35

знак информационной продукции 16 +

Млечин Леонид Михайлович
ФРУНЗЕ

Редактор *И. И. Никифорова*
Художественный редактор *А. В. Никитин*
Технический редактор *В. В. Пилкова*
Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 04.02.2014. Подписано в печать 02.04.2014.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Тираж 4000 экз.
Заказ № 1404760.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО
«Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул.
Свободы, 97

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ: МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

К. Писаренко «ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА»

А. Ливергант «ОСКАРУАЙЛЬД»

А. Бенсуссан «ГАРСИА ЛОРКА»

В. Отрошенко «СУХОВО-КОБЫЛИН»

В. Новиков «ПУШКИН»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Дубова, Г. Чернявский «КЛАН КЕННЕДИ»

Д. Володихин «РЮРИКОВИЧИ»

В. Галедин «ЛЕВ ЯШИН»

В. Шубинский «ГАПОН»

О. Волкогонова «КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ»

А. Карпов «АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ»

М. Чертанов «ДЮМА»

Г. Прашкевич «БРЭДБЕРИ»

С. Михеенков «ЛИДИЯ РУСЛАНОВА»

Н. Богомоллов, Дж. Малмстад «МИХАИЛ КУЗМИН»

В. Домитеева «ВРУБЕЛЬ»

В. Березин «ШКЛОВСКИЙ»

Л. Млечин «КОЛЛОНТАЙ»

А. Готовцева, О. Киянская «РЫЛЕЕВ»